

ОГОНЁК

№ 50 ДЕКАБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛЮДИ, ЗЕМЛЯ, ТЕХНИКА

Анатолий Калинин. Повесть «ЦЫГАН»

Бундесвер форсирует Ла-Манш

Стихи Б. Гайковича и Ю. Полухина.
Музыка С. Заславского.

СЕРДЦА НЕ УВОЛИТЬ В ЗАПАС

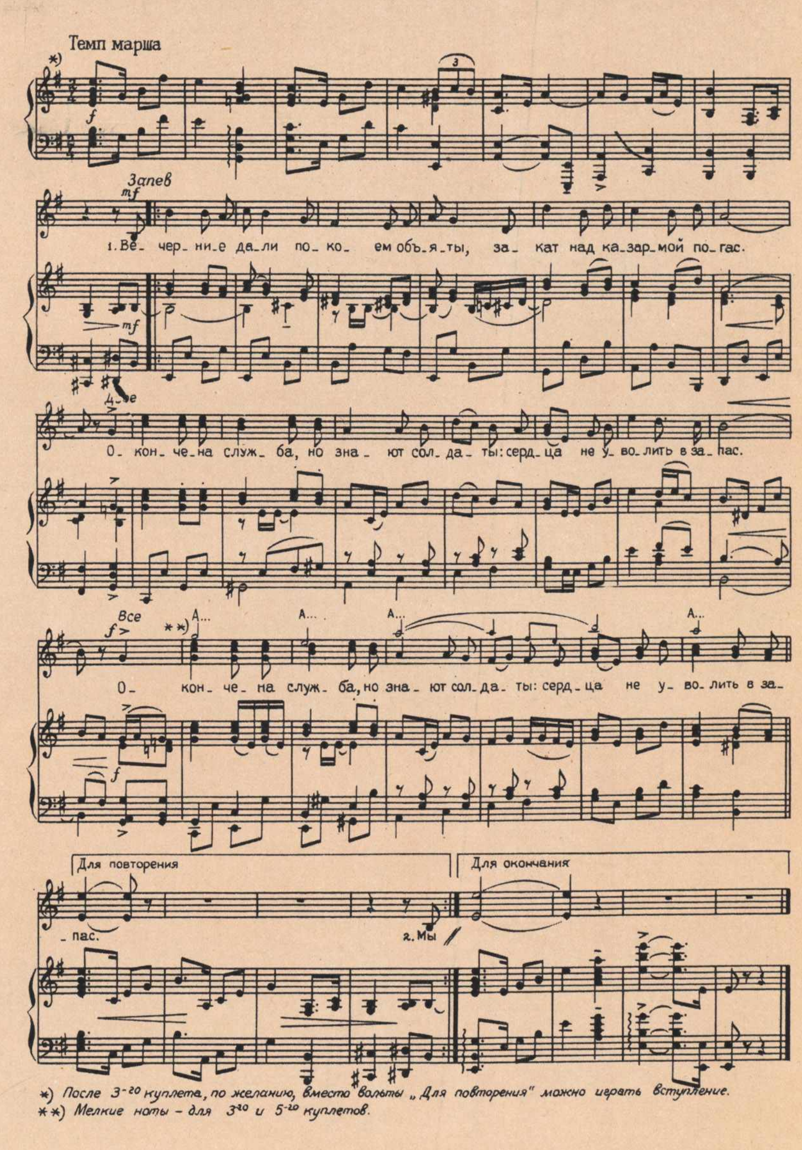
Вечерние дали покоем объяты,
Закат над казармой погас.
Окончена служба, но знают солдаты:
Сердца не уволить в запас.

Мы русские люди, мы парни простые,
Нас любит родная земля,
Недаром погоны у нас полевые:
Нас ждут не дождутся поля.

Один, как известно, и в поле не воин.
Нас много, и дружба крепка...
А если ты будешь медали достоин,—
Солдатская грудь широка.

К работе привычны солдатские руки,
Им дело любое сродни:
И выстроят дом для любимой подруги
И счастье построят они.

Вечерние дали покоем объяты,
Закат над казармой погас.
Окончена служба, но знают солдаты:
Сердца не уволить в запас.

*) После 3-го куплета, по желанию, вместо вольты „Для повторения" можно играть вступление.
**) Мелкие ноты – для 3-го и 5-го куплетов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 50 (1747)
11 ДЕКАБРЯ 1960
38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В НОЯБРЕ 1960 ГОДА В МОСКВЕ СОСТОЯЛОСЬ СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ, УЧАСТВОВАВШИХ В ПРАЗДНОВАНИИ 43-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ОБСУЖДЕНИЕ ВСЕХ ВОПРОСОВ ПРОХОДИЛО В АТМОСФЕРЕ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ НА ОСНОВЕ НЕЗЫБЛЕМЫХ ПРИНЦИПОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА.

Москва, Кремль. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий. Глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, Первый секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ **Н. С. Хрущев** подписывает Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий.

Фото А. Устинова.

Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества. Никакие потуги империализма не могут приостановить поступательное развитие истории. Заложены прочные предпосылки для дальнейших решающих побед социализма. Полная победа социализма неизбежна.

Из Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий.

Самоходное шасси «СШ-65» с навесным зерновым комбайном.

ЛЮДИ, ЗЕМЛЯ, ТЕХНИКА

Интервью «Огонька»

Н. ТАРАСОВ,

начальник Управления сельскохозяйственных машин и автомобилей Государственного комитета Совета Министров СССР по автоматизации и машиностроению

Иногда сравнивают сельскохозяйственное производство с промышленным. Это не совсем правильно. Дело в том, что урожай все еще зависит от погоды, и часто погода, огорчая горожанина, радует селянина, и, наоборот, солнышко, вызвавшее счастливую улыбку у городского человека, заставляет тяжело вздыхать целый район, которому нужен дождь. Но прислушайтесь к разговорам колхозников, рабочих и работниц совхозов... Больше всего забот о темпах. В этом стремлении побыстрее справиться с полевыми работами и заключается желание выйти из «погодной зависимости», победить стихию. И тут на помощь приходит техника.

Уже обыденными стали в деревне такие, казалось бы, чисто индустриальные термины, как «работа на повышенных скоростях», «автоматика». Появился и трактор, управляемый при помощи радио.

Как известно, последним обязаны мы трактористу совхоза «Иртышский», Павлодарской области, Казахской ССР, И. Г. Логинову. На Пленуме ЦК КПСС он рассказал о своем изобретении, позволяющем осуществлять автоматическое вождение трактора посредством копирующего устройства (щупа), скользящего в борозде.

Какова судьба радиотрактора, что происходит с ним сейчас? Челябинский и Сталинградский тракторные заводы выпустили 80 машин с таким устройством. Осенью прошлого года они прошли испытания на Северном Кавказе и в Казахстане, на родине изобретателя. Проверялась эшелонированная работа тракторов с дистанционным управлением по радио. Испытания показали, что радиотрактор значительно повышает производительность труда, что он особенно выгоден для больших ровных массивов. Недавно Сталинградский тракторный завод при участии предприятий радиоэлектроники изготовил еще 18 подобных машин, устранив недостатки, замеченные при первых испытаниях.

Летом нынешнего года испытывался еще один любопытный автомат. Он позволяет на оптимальных режимах повышать производительность работы комбайна и облегчает труд комбайнера. Предложено начать выпуск кабелей с пластмассовой оболочкой для обогрева полов и воздуха на животноводческих фермах. Резко меняются условия труда водителей сельскохозяйственных машин — для них создается индивидуальная переносная установка для кондиционирования воздуха.

Техника завоевывает все большее и большее место в сельской жизни. Теперь машины не только на полях. На ферму человек придет — там ждет его комплексное оборудование для водоснабжения, приготовления и раздачи кормов. В телятник заглянет — там автоматические установки для электрического обогрева и облучения молодняка. В теплице и парнике искусственное освещение и питание растений.

Но здесь следует заметить, что еще не всегда на селе относятся с достаточной бережливостью к новой технике. Недавно работники ростовского и таганрогского заводов после уборки проверили в 230 хозяйствах состояние более четырех тысяч комбайнов. Они дали прекрасную выработку, но вот сезон кончился, пришла зима, и многие даже не почистили дорогие эти машины.

К богатейшей технике, которою ныне уже владеют колхозы и совхозы, в течение 1961—1965 годов прибавится новая: почти полтора миллиона тракторов, причем с повышенными рабочими и транспортными скоростями, с более мощными двигателями; около полумиллиона зерноуборочных комбайнов, без малого два миллиона тракторных плугов и сеялок, около двухсот тысяч кукурузоуборочных и силосоуборочных комбайнов, сотни тысяч погрузчиков, тракторных прицепов. Прибавьте десятки тысяч экскаваторов, скреперов, бульдозеров, автогрейдеров, множество самоходных шасси, оборудование для ферм, для строек... Многие из этих машин конструируются с учетом почвенно-климатических особенностей различных зон страны. Создаются специальные машины для хлопководства, свекловодства, садоводства, виноградарства, лесного хозяйства. Однако учет одних лишь зональных особенностей недостаточен. Речь сейчас идет о создании конструкций для комплексной механизации.

Но здесь я вынужден прервать свой рассказ о техническом прогрессе. И возможно, вам это покажется смешным и неуместным, но я хочу сказать несколько слов о... серпе. Да, да, о том самом серпе, который, обскакав поля, затыкался нашими дедами в сенях под потолок...

Кто не знает, что уважаемый товарищ серп давным-давно ушел в отставку, что на смену ему пришла первоклассная техника, о которой шла речь выше, а серп выполняет, если можно так сказать, одну-единственную чисто почетную обязанность: украшает наш государственный герб.

Но есть еще на наших необъятных массивах клочки земли, где серп применяется по прямому назначению, и применяют его не деды, а наши ровесники, наши дети. Чаще всего подобное можно наблюдать на склонах крутых гор, куда все никак не поднимется машина; в оврагах, которые все еще не вывелись с наших пашен и куда нет-нет да и занесет ветер добрые семена, а там, гляди, густые хлеба народятся. Не оставлять же их на потраву. Вот и скачет вновь наш старый приятель серп.

Если б только один серп посмел вторгнуться к нам, не стоило бы тогда и вспоминать о нем, но, к сожалению, рядом с прекрасной современной техникой мы все еще встречаем людей, вооруженных... лопатами, мотыгами, сапками, граблями.

Конечно, по сравнению с технической оснащенностью нашего сельского хозяйства это мелочь, так, несколько белых пятен на огромной карте. Но известно ли вам, например, что в разгар жатвы у нас ежедневно занято около десяти миллионов человек? Много? Да, много! Но дело в том, что на уборку половы и соломы затрачивается в четыре раза больше труда, чем на уборку зерна. Вот вам и «белое пятно»!

Нисколько не преуменьшая долга конструкторов и работников промышленности, нелишне, однако, напомнить и о селекционерах, которые пока еще недостаточно активно участвуют в выведении сортов зерновых с более низкой соломой, неполегающих, неосыпающихся.

Нужно думать не только о количестве продукции, но и о том, во что она обходится. Пора полным голосом сказать и о необходимости приспособить растения к машинам. Люди техники всю жизнь посвящают тому, чтоб приспособить машины к растениям, но ведь надо, чтоб и растения пошли на выручку машинам. Тем более, что выгода от этого огромная.

Вопрос ясен: при всем изобилии техники у нас еще многих машин не хватает. Значит, нужны наборы машин, позволяющие осуществить подлинно индустриальный поток, подлинно комплексную механизацию.

«Белые пятна» как бы говорят конструкторским бюро, совнархозам, научно-исследовательским институтам:

— Прекратите выпуск устаревших конструкций, дайте людям то, в чем они испытывают острую нужду! Откройте зеленую улицу всему прогрессивному, всему, что повышает урожайность, ускоряет работу, удешевляет продукты питания.

Минувший год внес много перемен в деятельность творцов сельскохозяйственной техники. После декабрьского Пленума ЦК КПСС (1959 год) было решено построить 49 экспериментальных цехов и 48 инженерных корпусов. Выделено немало оборудования, конструкторские бюро пополняются специалистами. Ряд крупных совхозов передается исследовательским институтам и машиноиспытательным станциям. Таким образом будут созданы показательные хозяйства.

Конструкторы и ученые на заботу и внимание отвечают практическими делами. Далеко за примером ходить не надо. В прошлом году, незадолго до декабрьского Пленума ЦК КПСС, в «Огоньке» был опубликован материал об испытании под Москвой двух картофелеуборочных комбайнов. Скоро решится, какой из них будет пущен в серийное производство.

Создаются машины предельно простой конструкции, позволяющие работать на повышенных скоростях, заменяющие ручной труд. Технический прогресс решительно меняет наше представление о селе и селянском труде. Мы говорим: «фабрики зерна», «фабрики мяса», «фабрики овощей». Это не просто символы, это сплошная индустриализация сельскохозяйственного производства в ближайшие годы.

БРАТСКАЯ ДРУЖБА НЕРУШИМА ВОВЕК!

Митинг Советско-Китайской дружбы во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина 7 декабря 1960 года. На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Председатель Китайской Народной Республики Лю Шао-ци.
Фото А. Новикова.

Горячие чувства братской любви испытывают друг к другу советский и китайский народы. Эти волнующие чувства нашли яркое проявление во время пребывания в Советском Союзе партийно-правительственной делегации Китайской Народной Республики во главе с Председателем КНР, заместителем Председателя ЦК Коммунистической партии Китая товарищем Лю Шао-ци, принимавшим участие в праздновании 43-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Посланцы великого китайского народа совершили поездку по нашей стране, посетили город Ленина — колыбель Октябрьской революции — и возрожденный из руин минувшей войны Минск, столицу Белорусской ССР. Дорогих гостей приветствовали рабочие и служащие Кировского завода в Ленинграде, завода имени Лихачева в Москве, труженики колхоза имени Гастелло в Минском районе.

Поездка партийно-правительственной делегации КНР по нашей стране явилась новым свидетельством монолитной дружбы, связывающей советский и китайский народы. Эта дружба крепче гранита.

Десятки тысяч москвичей собрались 7 декабря в празднично украшенном Дворце спорта на митинг советско-китайской дружбы, чтобы выразить чувства горячей симпатии героическому, талантливому и трудолюбивому китайскому народу, чтобы передать ему пожелания новых трудовых побед. В словах выступавших на митинге товарищей прозвучала твердая уверенность, что сплоченность народов Советского Союза, Китайской Народной Республики и всех стран социалистического лагеря является непоколебимым оплотом мира, грозной преградой для любых происков империалистических агрессоров.

Свободу Патрису Лумумбе!

Этот снимок из английской газеты «Дейли экспресс» — гневное обвинение бесчинствующим в Конго колонизаторам. Вы видите человека со связанными за спиной руками? Перед вами Патрис Лумумба. Парламент независимой Республики Конго избрал его премьер-министром, главой правительства страны. Лумумба проводил политику в интересах народа, и международный империализм пустил в ход все средства, чтобы свергнуть его.

Петля экономической блокады была наброшена на горло молодого африканского государства. Американские и бельгийские официальные и неофициальные визитеры щедро тратили доллары и франки на подкуп продажных политиканов типа Чомбе и Касавубу. Командование ООН покровительствовало террористам из банд Мобуту, поощряло их на беззакония.

И вот — кульминация. Премьер-министр Лумумба арестован, зверски избит. Его жизнь в опасности.

Миролюбивая общественность всех стран решительно требует: обуздать зарвавшихся колонизаторов и их подручных, немедленно освободить руководителя законного правительства Конго Патриса Лумумбу, председателя конголезского сената Ж. Окито, председателя палаты представителей Ж. Касонго и других деятелей Республики Конго, арестованных мобутовским отребьем.

«Народы вправе потребовать от Организации Объединенных Наций, чтобы она предприняла решительные действия против агрессоров и колониальных насильников, стремящихся удушить независимость Республики Конго. Сложившаяся обстановка в Конго обязывает предпринять эти действия незамедлительно»,— говорится в заявлении Советского правительства, посвященном событиям в Конго.

«Советский Союз,— подчеркивается в заявлении,— окажет всю возможную дружественную помощь и поддержку народу Республики Конго в его борьбе против колонизаторов».

Империалистическая агрессия колониальных держав НАТО во главе с США против конголезского народа должна быть прекращена!

БУНДЕСВЕР ФОРСИ

В. КАССИС, Г. ГУРКОВ

● БОННСКИЙ САПОГ НАД ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ
● ВЧЕРА — ФРАНЦИЯ, СЕГОДНЯ — АНГЛИЯ
● ЗАБЫТЫ УРОКИ МЮНХЕНА!

Наша цель всегда будет заключаться в том, чтобы поставить Англию на колени!

23 мая 1939 года, когда на политическом горизонте уже явственно проступали зловещие контуры второй мировой войны, нацистский фюрер исступленно прокричал эту фразу на совещании командующих всех родов войск вермахта.

Поставить Англию на колени!.. Такая идея издавна занимала умы германских милитаристов. В первую мировую войну они не смогли претворить ее в жизнь. Технические средства, которыми располагал в то время кайзеровский рейхсвер, были недостаточно совершенны для нанесения смертельного удара по Британским островам.

Генштабисты нацистского третьего рейха приняли эстафету, переданную кайзеровскими стратегами. В сейфах имперской канцелярии в Берлине появились секретные документы и карты, на которых стрелы военных операций устремлялись к Ла-Маншу, угрожали Англии.

В конце мая 1940 года мир облетело короткое слово «Дюнкерк» — название небольшого города во Франции. Это слово стало символом позорного краха близорукой мюнхенской политики — политики покровительства коричневым агрессорам.

Там, под Дюнкерком, танки гитлеровского генерала Клейста прижали к Ла-Маншу разрозненные части англичан.

Перед вами снимок. Вот так, по горло в воде, спасаясь от нацистских бронированных чудовищ, добирались английские солдаты до кораблей и поспешно переправлялись через Ла-Манш. Британское командование использовало все средства, включая прогулочные яхты и рыбачьи лодки. Военное имущество полностью попало в руки нацистских триумфаторов. Как свидетельствует в книге «Британское военное производство» М. Постан, англичане оставили в Дюнкерке снаряжение, которым можно было оснастить от 8 до 10 дивизий...

Дюнкерк, 1940 год. «Эвакуация»,— докладывали британские военачальники. «Бегство»,— говорила Англия.

Доблестные сыны Альбиона в конце концов сбежали за пролив. После этой операции они предстали перед своими соотечественниками в весьма потрепанном виде. Эти люди на снимке мало напоминают величественных и чопорных гвардейцев, застывших в карауле у ворот Букингемского дворца. Куда девалась их хваленая выправка!

Неважно выглядели английские солдаты, которым удалось добраться до родных берегов. Но они довольны: знакомство с гитлеровскими танками на этот раз не состоялось...

Англия облегченно вздохнула: ведь армию правдами или неправдами все же удалось спасти. Но от традиционной безопасности островитян не осталось и следа: ее похоронили нацистские бомбы. А позднее англичанам пришлось познакомиться с новинкой гитлеровской военной кухни. Над мирными городами и поселками страны просвистели, рассекая воздух, смертоносные «Фау». Массированными бомбардировками английских городов лично руководил Герман Геринг.

Об этих бомбардировках англичанам напоминают сегодня не только архивные фотографии. До сих пор мрачные развалины лондонского Сити безмолвно обличают вероломство и варварство германского милитаризма...

Казалось бы, прошлое должно было научить кое-чему английских государственных деятелей. Но вот перед нами сообщение сегодняшнего дня.

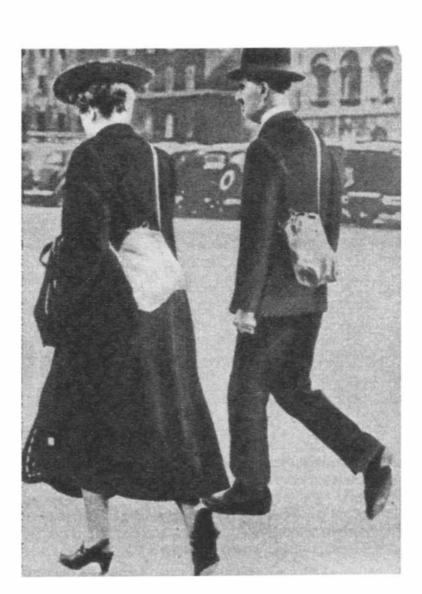
Газета «Дейли мейл» пишет: «Англия предложила Западной Германии базы и полигоны для обучения солдат. В этом предложении предусматривается использование аэродромов, ракетного полигона на Гебридских островах, танкового полигона в Бовингтоне, графство Дорсетшир, где расположен штаб королевского бронетанкового корпуса, а также баз снабжения на северо-востоке Англии... Немецкие специалисты по бронетанковым силам думают, что Бовингтон, где испытывались танки «Центурион» и «Конкерор»,— это самое лучшее место в Европе для испытания их новейших образцов бронемашин».

Гудериану и Клейсту не удалось осквернить гусеницами немецких танков английскую землю. Это сделают их преемники — генералы канцлера Аденауэра...

Воистину странные вещи творятся иногда в мире! Недавно в западногерманской газете «Ди вельт» появилась небольшая заметка, игриво озаглавленная «Кавалеры». Светская хроника? Нет!

Речь шла о том, что английские союзники Западной Германии по агрессивному пакту НАТО преподнесли своим боннским коллегам весьма примечательный подарок — захваченный в годы второй мировой войны танк африканского корпуса Роммеля. Газета с удовлетворением отмечает, что танк

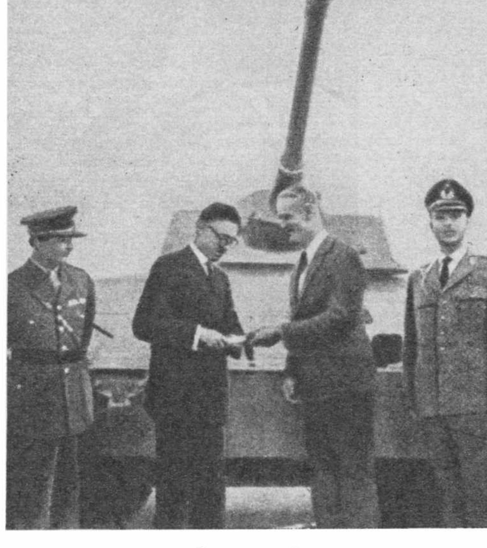

«Мир для нашего поколения!» — патетически провозгласил на лондонском аэродроме премьер-министр Великобритании Невиль Чемберлен, размахивая текстом соглашения, только что подписанного в Мюнхене (снимок слева).

Но не к миру вело человечество мюнхенское предательство 1938 года! Прошло немного времени, и над Лондоном заревели моторы бомбардировщиков Геринга. Сэру Невилю приходилось, как и всем, надевать сумку с противогазом и спешить в убежище (снимок справа).

Поучительный урок для английских мюнхенцев сегодняшнего дня!

РУЕТ ЛА-МАНШ

На машинах, подобных этой, головорезы Роммеля гоняли англичан на североафриканском фронте. «Джентльмены» из британского военного министерства вернули танк его прежним владельцам.

Трое гвардейцев в средневековых мундирах тщательно обыскивают подвалы Вестминстерского дворца. Несмотря на электрическое освещение, у них в руках фонари образца 1605 года. Цель их поисков — обнаружить, не подложил ли неизвестный злоумышленник мину под здание английского парламента. Эта церемония проводится ежегодно в день открытия очередной парламентской сессии. В этом году, как и в предыдущие 355 лет существования традиции, мины обнаружено не было. Успокоенные депутаты могли занять свои места.

В то самое время, когда в подземельях Вестминстера разыгрывалась эта пышная пантомима на тему бдительности, сотни тысяч англичан настойчиво пытаются обратить внимание депутатов парламента на события, которые действительно тревожат британский народ.

Нет, не в подвалах парламента следует искать мину, угрожающую безопасности страны. Тем, кто печется о бдительности, следовало бы заглянуть, например, в залив Холи-Лох в Шотландии или в городок Лоркхилл в графстве Уилтшир. Там можно увидеть заряды, от которых рискует взлететь на воздух не только Вестминстерский дворец, но и весь британский остров. Простые люди Англии протестуют против превращения их страны в атомную базу США. Они не желают, чтобы залив Холи-Лох был отдан на откуп американским подводным лодкам, вооруженным ракетами «Поларис».

Они не хотят, чтобы на полигоне артиллерийской школы в Лоркхилле проводились испытания другой американской ракеты, носящей кощунственную кличку «Честный Джон».

Они не могут примириться с тем, что впервые после нашествия Вильгельма Завоевателя в 1066 году по британской земле разгуливают люди в чужеземных военных мундирах.

Не трудно понять, какой угрозой для страны является присутствие американских летчиков и немецких танкистов...

был передан «в отличном состоянии». На его башне поблескивал свежей краской большой черный крест. «Только одной небольшой детали недоставало стальному ветерану, — писала газета, — свастики, которую он носил прежде. Ее тактично закрасили».

И затем следует риторический вопрос: «Будет ли кто-нибудь соскабливать краску на этом месте?»

Свой вопрос «Ди вельт» оставляет без ответа. Но на него отвечает вся западногерманская действительность: буйный разгул милитаризма и реваншизма в боннской республике, активизация откровенно фашистских элементов.

«Ди вельт» умиляется тем, что английские политики и военные руководители поступили как изысканные и утонченные джентльмены, как кавалеры.

Интересно, считают ли английские солдаты, те, кого загнали в 1940 году в Ла-Манш фашистские генералы и офицеры, командующие сейчас бундесвером, что немцы с ними обходились по-джентльменски?

Что думают, например, по этому поводу семьи английских летчиков, расстрелянных в годы войны в нацистских лагерях смерти?

Вряд ли им доставит удовольствие услышать на своей земле лязг гусениц бронированных полчищ четвертого рейха!

Что же касается Бонна, то там потирают руки, получив согласие Великобритании на оккупацию ее территории частями бундесвера. «Правительство Ее Величества сделало нам такое предложение, и можете почти не сомневаться, что мы примем его», — заявил представитель министерства обороны ФРГ фон Равен. И тут же посетовал: «Нам остро не хватает места для военных складов и помещений для устройства военнослужащих и их семей...»

В своих откровениях боннские милитаристы заходят дальше, чем когда-то Гитлер и К°. Нацистский фюрер утверждал, что немцам не хватает «жизненного пространства» для заселения, для колонизации. А в Бонне говорят прямо: нужна территория для армии, для танковых полигонов и ракетных баз.

Только что немецкий кованый сапог топтал землю Франции. Только что на улицах Мурмелон-ле-Грана и Сиссона раздавались отрывистые команды, отданные на немецком языке. Сегодня Бонн намерен перешагнуть Ла-Манш!

Предвидя неизбежную волну возмущения английской общественности, некоторые газеты берут на себя неблагодарную роль адвокатов германского милитаризма. Вот что, например, пишет лондонская «Дейли телеграф»: «В течение многих лет германские летчики обучались в Шотландии совместно с английскими военно-воздушными силами без всяких инцидентов».

Нам трудно судить, что в понимании «Дейли телеграф» является инцидентом. По всей видимости, газета не относит к этой категории недавний случай, когда два западногерманских истребителя, вроде тех, что изображены на нашем снимке, едва не сбили самолет, в котором летела английская королева...

Простые люди Великобритании гораздо лучше помнят историю, чем политические лидеры страны или хозяева Флит-стрита — этого царства английской буржуазной журналистики. Когда в лондонском кинотеатре «Лестер-сквер» по инициативе западногерманского посольства был устроен просмотр кинофильма, рассказывающего о жизни гитлеровского конструктора ракет Вернера фон Брауна, с балкона посыпались листовки протеста.

Фильм называется «Моя цель — звезды». Но другие планеты и звезды — это пока еще недостижимая для фон Брауна цель. А вот английскую столицу брауновские ракеты накрывали в годы войны с безжалостной точностью.

«Показ фильма о жизни фон Брауна оскорбляет память наших павших», — говорилось в листовках, разбросанных в «Лестер-сквер» и призывавших не забывать, что шесть тысяч англичан получили ранения и три тысячи погибли от ракет «Фау-1» и «Фау-2», созданных фон Брауном...

Поэты и синоптики в один голос утверждают, что осень в Англии — пора дождей, пора туманов. Особенно это относится к нынешней осени. Недавно британское министерство авиации сообщило, что с сентября по ноябрь в Лондоне было столько дождей, сколько не наблюдалось в этот период с 1852 года. Осведомленность службы погоды достойна всяческого уважения. Но вряд ли даже умудренные британские метеорологи могут сегодня точно определить силу той бури, бури народного гнева, которая разразится над Британскими островами, если на них вступят солдаты бундесвера.

Стрелка политического барометра неумолимо предвещает эту бурю!

«Кто чуть не убил королеву?» — вопрошает на первой странице английская газета «Дейли скетч». Этот номер газеты вышел после встречи самолета Елизаветы II с боннскими стервятниками.

Из истории четвертой

Западногерманские офицеры улыбаются. Еще бы! Им отдает честь французский жандарм!

Полковник Ширмер изворачивается

У телефона Мурмелон

Почти месяц над городком Мурмелон-ле-Гран рядом с трехцветным французским флагом развевался флаг с изображением хищного орла. Почти месяц продолжалась новая оккупация этого маленького городка в Шампани войсками германских милитаристов — четвертая в его истории.

На этот раз вооруженные пришельцы из-за Рейна не устраивали газовых атак, как они это делали в 1917 году, и не разрабатывали оперативных планов захвата, как в 1940-м. Дорогу в Мурмелон для 25-й парашютной бригады бундесвера открыло соглашение между французским правительством и руководителями боннского рейха. Трижды пострадавший от милитаристской Германии Мурмелон стал местом, где германские милитаристы наших дней стали готовить войска для новых авантюр.

Сейчас западногерманские парашютисты закончили свой «курс обучения» в Мурмелоне (может быть, точнее сказать, курс «повторения пройденного»). Агентство Франс пресс сообщило, что поезда увезли из этого города солдат в грязно-зеленой форме. Они отбыли, охраняемые от французов французской же жандармерией и специальными отрядами по борьбе «с беспорядками».

Незадолго до того, как войска бундесвера покинули Мурмелон, мы связались с этим городом и попросили сначала соединить нас с мэром Мурмелона доктором Кэнэном. Доктор Кэнэн согласился ответить на наши вопросы, заявив, между прочим, что он никогда не занимался политикой. Тем интереснее было то, что он сказал.

— Как вы реагируете на прибытие в Мурмелон солдат из Западной Германии? — спросили мы.

— Для меня это было большой неожиданностью,— последовал ответ мэра.

— А как относится к этому население вашего города?

— Точно так же. Добавлю еще: с разочарованием. Ведь нам приходилось видеть эти мундиры и при других обстоятельствах. В 1914 году здесь были большие бои, а в 1940 году, во время оккупации Мурмелона, я лично был в плену у немцев.

Председатель местного объединения бывших военнопленных в Мурмелоне Рене Паризе, с которым мы разговаривали потом, сообщил нам, что в городе состоялась демонстрация протеста бывших политзаключенных. Одетые в полосатые куртки каторжан, эти люди распространяли среди жителей города листовки. Со слов г-на Паризе мы поняли, что самыми довольными в эти дни в Мурмелоне были (очевидно, за исключением самих «гостей» из Западной Германии) торговцы. «Они успешно торгуют»,— сказал он нам. Что же, они берут пример с тех, кто торгует с боннскими реваншистами честью Франции, приглашая на французскую территорию вчерашних врагов.

Третьим человеком в Мурмелоне, с которым мы говорили, был «сам» командующий боннскими парашютистами полковник Герхард Ширмер. Кстати, когда мы спросили о нем доктора Кэнэна, тот ответил, что ничего не знает о Ширмере. Мы предлагаем нижеследующее интервью вниманию доктора Кэнэна. Ему будет, очевидно, интересно познакомиться поближе с этим незваным гостем.

Полковник Ширмер оказался человеком довольно словоохотливым, но нечестным.

— Господин полковник,— начали мы разговор,— скажите, как вас встретило французское население?

— Пока у нас не было никаких затруднений с французскими войсками и французским населением,— поспешил нас заверить сытый баритон полковника.

— Как бы вы охарактеризовали прием?

— Скорее всего подойдет слово «выжидательный».

— Господин полковник, бывали ли вы раньше во Франции?

— В частных поездках после 1956 года,— отрапортовал, как что-то заученное, наш собеседник.

— Не можете ли вы сообщить нам кое-какие факты, касающиеся вашей биографии?

— Моя биография уже роздана журналистам,— торопливо сказал полковник.

— Но мы ее не получали! Скажите, например, чем вы занимались в годы второй мировой войны?

Трубка хрипит, и сквозь хрип доносится солдатское:

— Во второй мировой войне я выполнял мой долг.

Справедливости ради надо заметить, что полковник Ширмер не добавил «перед фюрером». Он ограничился просто «долгом». Но что это был за «долг»?

— Насколько нам известно, за выполнение этого «долга» вы были приговорены к двадцати пяти годам заключения. Какие были на это причины?

— Не было причин! — Кажется, что баритон готов взорваться от негодования. Он хочет объяснить что-то и даже переходит на русский язык. Мы долго пытаемся понять полковника, но не разбираем ни одного слова, за исключением русского «особое». Потом спрашиваем:

— Состояли ли вы в нацистской партии?

— Нет,— отвечает полковник.

— Еще один вопрос, герр Ширмер. На фотографиях во французских газетах вы изображены с двумя «железными крестами» на груди. Как относятся ваши французские коллеги к тому, что вы носите ордена, полученные в войне, которую Германия вела, в частности, и против Франции?

— Французские офицеры тоже носят ордена, полученные в прошлой войне,— следует нагловатый ответ полковника.

— И вы не видите никакой разницы?

— Никакой разницы,— уверяет нас голос с другого конца провода.

— Скажите, господин полковник, с какой целью вы прибыли во Францию?

— Чтобы проводить подготовку наших солдат.

— Для чего же?

— Мы готовим их точно так же, как это делают в других армиях, в частности в Советской Армии,— заявляет наш собеседник.

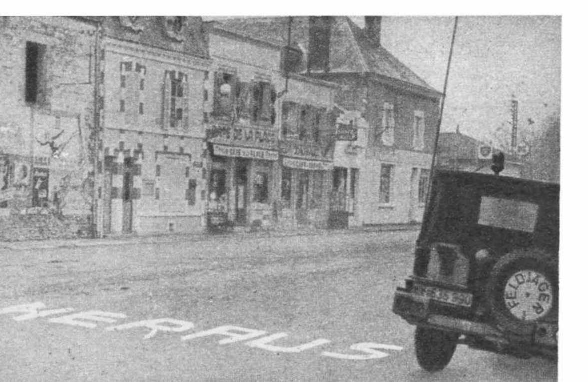
— Но,— замечаем мы,— солдаты Советской Армии никогда не использовались для таких целей, как солдаты вашей армии в двух последних войнах.

Полковник вдруг говорит:

— Очень плохо слышно, мы с вами плохо понимаем друг друга.

Мы соглашаемся с полковником. Мы действительно плохо понимали друг друга. Но одно мы уяснили отлично: полковник Ширмер, старый гитлеровец, посланный во Францию, должен был маскироваться и путать свои следы. Поэтому он так беззастенчиво лгал в этом интервью. Он лгал, когда утверждал, что не был членом нацистской партии. Он был им. У него даже имелся почетный золотой значок этой партии. Он лгал, когда пытался нас убедить, что был во Франции лишь после 1956 года. На самом деле он побывал на французской земле в годы прошлой войны с оружием в руках, и кто знает, сколько крови французов он пролил там! И он лгал, когда нагло заявлял, что его «без причин» приговорили к двадцати пяти годам заключения. Причины были: Ширмер зверски расправлялся с мирным

Для тех, кто не понимает по-французски, жители Мурмелона вспомнили знакомое им немецкое слово.

В дни, когда Мурмелон был оккупирован бундесвером, бывшие заключенные «лагерей смерти» собрались у могилы железнодорожника, расстрелянного фашистами во время предыдущей оккупации

ТАКТИЧНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

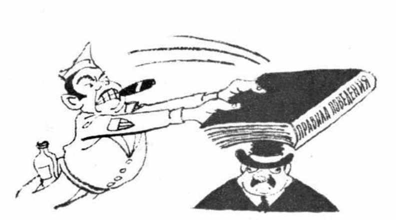

Долгое время французские власти в Алжире собирались воздвигнуть памятник французам, замученным в концлагере Маутхаузен. Но осуществить этот замысел не удалось. Командование французских войск безапелляционно отклонило проект. Мотивировка военных очень проста: ведь около половины состава пресловутого Иностранного легиона в Алжире составляют подданные Западной Германии, и «нетактично» напоминать им о старых «грехах». Вдруг рассердятся? Кто же тогда будет усмирять алжирских бунтовщиков?

ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМ

В Западной Германии не только школьники пишут выпускные сочинения. Офицеры германского бундесвера тоже обязаны представить своему командованию письменную работу на чин. Школьники пишут о Гете и Шиллере. Большинство же офицеров посвятило свои «произведения» нападкам на коммунизм. Понятно, что в солдафонских сочинениях больше злобы, чем мыслей. Так легче угодить небезызвестному генералу Хойзингеру, по приказу которого проводятся эти экзамены. В качестве учебных пособий Хойзингер — в который раз — рекомендовал молодым офицерам «Майн кампф» Гитлера и «Миф XX столетия» Розенберга.

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА!

Чтобы улучшить взаимоотношения между населением Западной Германии и американскими солдатами, оккупационные власти Бамберга недавно выпустили специальный справочник. В этой пухлой книге подробно перечисляется, что не должен делать американский солдат, находясь на немецкой территории. Например, американский солдат не должен «ломать и портить зеленые насаждения, хватать ради развлечения огнетушители, насиловать немецких подданных женского пола...» и т. д. и т. п. На пятнадцатом году пребывания американских войск в Западной Германии выход этого справочника следует признать своевременным.

оккупации

населением Советской Украины, когда он воевал на Восточном фронте.

Все эти факты содержатся в личном деле военного преступника Герхарда Ширмера. Познакомьтесь, доктор Кэнэн, с «гостем», побывавшим в вашем городе!

Недавно мы связались с сотрудниками «Юманите» и попросили рассказать, какие письма получала газета в те дни, когда на французской земле находились войска западногерманских милитаристов. Из редакции газеты французских коммунистов нам ответили:

— «Юманите» получает множество писем, выражающих гневный протест против незваных гостей. Читатель Шэпэн прислал нам десять новых франков с такой припиской: «От француза, у которого хорошая память, газете, защищающей интересы французов». В другом письме, подписанном «Французская мать», говорится: «Меня особенно возмущает, что они топчут землю, где погребены французы, павшие в боях с немецкой военщиной. На кладбище в Мурмелоне похоронен мой брат. Каждый год я навещаю его могилу. Если только когда-нибудь я увижу там немца, я заставлю его убраться вон! К тому же я мать, у которой фашисты убили сына в 1940 году». Г-жа Огере написала так: «Кто бы мог подумать, что немцы окажутся у нас,— так скоро после кошмара, от которого одни еще не очнулись, а другие не проснутся совсем». Таких и подобных им писем очень много,— сообщили нам из «Юманите».

...Да, очевидно, не случайно западногерманских парашютистов увозили с французской земли под охраной жандармов и специальных отрядов! Слишком велика ненависть патриотов Франции к германским милитаристам!

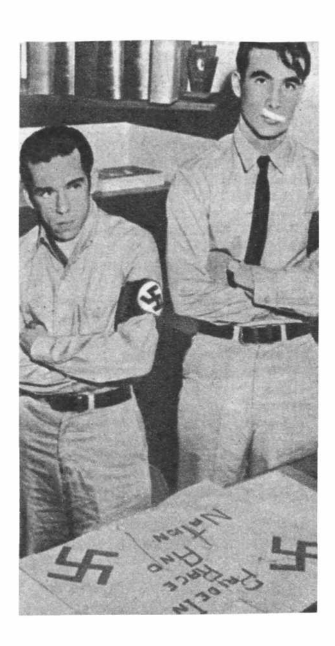
А. СЕРБИН

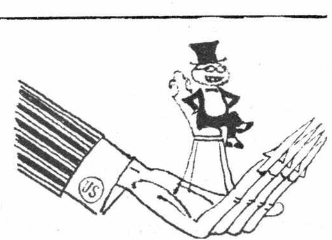
СНОВА СВАСТИКА

Коричневые рубашки, нарукавные повязки со зловещей паучьей свастикой... Этот снимок сделан не в гитлеровской Германии. Фотоаппарат запечатлел фашистов нового, американского образца. Перед вами — члены официально существующей в Соединенных Штатах нацистской партии.

«Гордость расой и нацией»,— написано на плакате, лежащем на столе. С этим плакатом фашистские молодчики пикетировали Хантингтон-Хартфорд — театр в Голливуде, где выступал негритянский певец, трубач и танцор Сэмми Дэвис. Головорезы со свастикой выкрикивали угрозы и оскорбления. Чем их прогневал Дэвис? Лишь тем, что он решил жениться на белой — киноактрисе Мэй Бритт.

«Неужели нацистский террор уже забыт?» — такой вопрос задает западногерманский журнал «Бунте иллюстрирте — Мюнхнер иллюстрирте», из которого мы взяли этот снимок.

НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО ПО-АМЕРИКАНСКИ

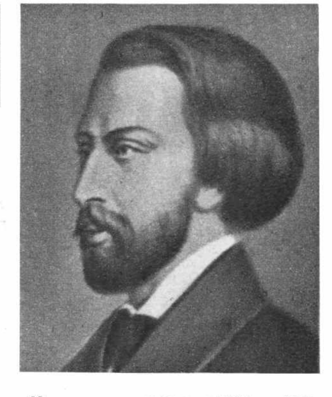
Обозреватель западногерманского журнала «Ревю» недавно решил разъяснить читателям положение в Южной Корее. При этом он проявил немалое усердие, защищая своих заокеанских покровителей. Вот дословный перевод из «Ревю»: «...В проамерикански настроенной Южной Корее царят голод, нищета, проституция и коррупция... Конечно, американцы могли бы изменить все это, но они принципиально против вмешательства в дела других государств. Американцы заботятся лишь о том, чтобы у власти в Южной Корее попрежнему оставалось антикоммунистическое правительство».

БЕДНЫЕ ПОПУГАИ

Английское Общество охраны животных тоже взволновано событиями в Конго. Недавно оно обратилось с петицией к генеральному секретарю ООН. Общество просит «принять самые экстренные меры для спасения от голодной смерти кошек, собак и попугаев», брошенных бельгийскими колонизаторами при бегстве из Конго. Странно, что в петиции не содержится пункт, требующий в интересах говорящих попугаев, лишившихся разговорной практики, возвращения их бельгийских хозяев. Такой пункт, несомненно, встретил бы сочувствие Хаммаршельда.

Рисунки Ю. Черепанова.

ЛЕГЕНДА О МЮССЕ

Это было поколение, рожденное под гром победных салютов, дробь барабанов, всполохи величайших битв, взметнувших военную звезду Наполеона.

И вот пришла юность. На бескрайних просторах России и в песках Египта уже полегла гвардия Бонапарта. Царственные пауки разорвали Европу на части. Юноши «смотрели на землю, на небо, на улицы и дороги: везде было пусто — только звон церковных колоколов раздавался где-то вдали».

...Когда юноши заговаривали о славе, им отвечали: «станьте монахами»; о честолюбии — «станьте монахами»; о надежде, о любви, о силе, о жизни — «станьте монахами»!» Это был «век, когда не знаешь, ступая по земле, что у тебя под ногами — всходы или развалины».

Позднее обо всем этом Альфред де Мюссе, великий французский поэт-романтик, расскажет в своей «Исповеди сына века», но приведенные из нее строки характеризуют начало сознательного пути поэта. Он не стал монахом и не разуверился в человечестве.

Стремительным был путь духовного восхождения Мюссе, мучительными и страстными его поиски правды.

В ранней юности он испытал влияние отца, исповедовавшего взгляды Руссо. Курс коллежа Мюссе завершил исследованием «О происхождении наших чувств», проникнутым антиклерикальными мотивами. В 1828 году он сближается с кружком В. Гюго, объединявшим писателей-романтиков, вышедших на бой с классицизмом. Эта борьба не ограничивалась литературными целями — свержением устаревших традиций. Имелось в виду и свержение устаревших политических форм жизни.

Июльская революция 1830 года привела к власти буржуазную монархию Луи Филиппа. Захватив с помощью народа власть, буржуазия тотчас же предала народ. Истинных причин происшедшего Мюссе не понял. Случившееся он относил к «фатальному исходу событий». Но мир, построенный на крови павших революционеров, возмущал совесть поэта, и под его пером рождались строки, полные гнева и человеческой боли.

За именем Мюссе до наших дней плетется легенда, подновляемая идеологами клерикализма и реакционной буржуазной критикой.

«Величайший пессимист», «певец высокого индивидуализма», «предтеча современного декаданса» — это далеко не все характеристики Альфреда де Мюссе, данные буржуазной критикой. Титана и ратоборца изображают, как это делают во Франции Э. Монтегю и П. Гастинель, примерным монархистом, верноподданным бездарного Луи-Филиппа.

Нет, сквозь огненные десятилетия мы видим лицо другого Мюссе — ратоборца и искателя, мыслителя, думающего о человеческом счастье.

Нетрудно установить симпатии и антипатии поэта.

Кровавый Тьер защищает драконовские «сентябрьские законы», принятые правительством после неудачного покушения республиканца Фиески на Луи-Филиппа. Мюссе пишет страстную сатирическую поэму «Закон о печати».

А гневные статьи-памфлеты «Письма Дюпюи и Котоне» — разве не говорят они о неприкрытой вражде поэта к монархии и религии?

В поэме «Ролла» Мюссе прямо говорит: «Я не принадлежу к тем, о Христос, которые дрожащими шагами приходят молиться в твои храмы... Я не верую в твое святое слово, о Христос, я слишком поздно появился в слишком старом мире».

К концу жизни Мюссе, терзаемый болезнями, потеряв многих друзей, отходит от литературы. Но весь его путь — это поиск человеческого счастья.

Прославленная «Исповедь сына века» — раздумья писателя над судьбой молодого поколения. Это ярчайший документ эпохи, рассказ о духовной драме молодежи.

«Исповедь» — кровью сердца написанная книга. О крахе идеалов поколения. О жалком ничтожестве Луи-Филиппа и его окружении. О буржуазной монархии, самодовольной, прогнившей снизу доверху, беспощадной и неспособной собрать под своими знаменами юность века.

Да, мятущийся дух Мюссе искал правды. Он не смог почувствовать новые, революционные ветры, пронесшиеся над Францией, и, ненавидя погрязший во лжи, проституированный мир наживы, терзался неверием и пессимизмом. Когда тучи закрывали горизонты и затянувшаяся политическая ночь, казалось, не обещала рассвета, трагически звучали его строки. Он мечется и в атеизме своем; хочет найти людям веру, снова и снова убеждаясь в лживости легенды о Христе. Но какими бы дорогами сомнений и исканий ни шла его мысль, он всегда оставался певцом земной жизни. Творчество Мюссе по самому духу своему противостоит песнопениям официозных поэтов той поры, воспевавших королевские лилии и мудрость католических догматов.

Буржуазное литературоведение почти все произведения Мюссе, в том числе и «Исповедь сына века», связывает с его высоким чувством к Жорж Санд. Некоторые различия во взглядах, разница характеров не мешали им глубоко уважать друг друга, и разрыв их никогда не означал взаимной неприязни. Сама Жорж Санд после выхода в свет «Исповеди» писала о Мюссе: «Когда о нем дурно говорят, я не могу слышать этого без гнева...»

Лжеученые, привыкшие копаться в грязном белье истории, хотят опошлить и то крылатое чувство, которое может вызвать лишь восхищение перед душевным благородством человека, писавшего Жорж Санд: «Я закончу рассказ о тебе своим гимном любви; из глубины сердца, которому двадцать лет, я воззову ко всем юным сыновьям земли. Я протрублю в самые уши нашего века, пресыщенного и развращенного, безбожного и распутного, я наполню их гласом... трубы человеческого возрождения... Я сделаю так, что... грядущие поколения станут повторять иные из моих слов — и, быть может, благословят некогда тех, кто постучался с мировой ветвью любви в руках у врат свободы».

Однажды Мюссе написал своему другу:

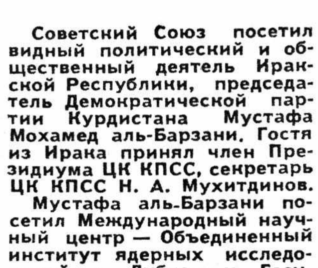
И что бы ни было, скажу,
как Байрон, я:
Пусть океан шумит,
но он — моя дорога,
Пусть загнан мой скакун,
но шпор остры края.
И я могу, какой ни ждал бы
я судьбины,
Печатью траурной с тобой
скрепить звено.
И буду ль жив иль нет, —
вот сердца половина,
Бери, она твоя, пока
стучит оно.

Мюссе отдал свое сердце людям. Оно поныне стучит, сердце его поэзии! В старых переулках Парижа и в стенах студенческих общежитий Москвы. По всему миру.

Призыв Всемирного Совета Мира отметить 150-летие со дня рождения Мюссе нашел отклик у миллионов людей.

Нескончаема эстафета поколений. Из глубины веков, через битвы и бури — к новым далям и новым горизонтам лежит путь вдохновенного слова.

Анатолий ЕЛКИН

Советский Союз посетил видный политический и общественный деятель Иракской Республики, председатель Демократической партии Курдистана Мустафа Мохамед аль-Барзани. Гостя из Ирака принял член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. А. Мухитдинов.

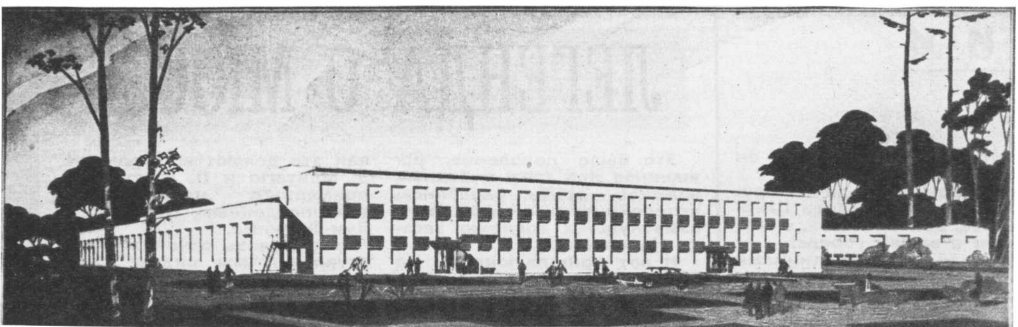
Мустафа аль-Барзани посетил Международный научный центр — Объединенный институт ядерных исследований в Дубне — и Государственную библиотеку имени Ленина.

На снимке: Мустафа аль-Барзани в Библиотеке имени Ленина.

Фото А. Половнева.

Проект одного из зданий полигона.

ДОРОГА БУДЕТ ТРУДНАЯ...

Поток автомобилей несется с бешеной скоростью — двести километров в час. Вот одна из машин сворачивает с автострады, мчится по мощеной дороге, затем по проселочной, круто взмывает вверх на подъемах, летит вниз на отвесных спусках. Затем автомобиль преодолевает пески Средней Азии, болота Брянщины, и тут же на него обрушивается тропический ливень. И на всем протяжении этого фантастического пути нет ни одного орудовца; вместо них на обочине стоят автоматы-реле, которые отмечают скорость проходящей машины.

Странная картина, не правда ли? А ведь именно в таких вот условиях и должны проводиться опытные и серийные испытания автомашин. Но совершить прогон машины из одного конца Советского Союза в другой, да еще за несколько часов, практически невозможно. Поэтому до сих пор автозаводы проводили испытания на местных дорогах. Это отнимало много времени, да и качество проверки оставляло желать лучшего.

Недавно в Московской области началось строительство первого в Советском Союзе полигона для испытания новых марок автомобилей.

Сейчас институт «Союздорпроект» разрабатывает чертежи необычного сооружения, воздвигает поселок строителей, прокладывает подъездной путь.

Для испытания автомобилей и дорожных сооружений на полигоне построят всевозможные камеры, ванны, а главное, дороги различного профиля. Самая длинная дорога — пятнадцатикилометровая кольцевая. На ней машины будут развивать максимальную скорость. Мощеный восьмикилометровый «тракт» предназначается для пробеговых испытаний, в результате которых выявится степень износа двигателя и отдельных его деталей. Грунтовая дорога самая «сложная»: именно здесь раскинутся болота и другие тяжелые участки пути.

В камере, похожей на трубу, будет проверяться герметичность машин. Специальные установки обдадут автомобиль вихрем пыли, зальют потоками дождя. Грязевая ванна позволит проверить проходимость на трудных участках пути. Кроме того, на полигоне будет построена площадка для испытания рулевых устройств.

Всего через два-три года осуществится давняя мечта создателей автомашин. Войдет в строй полигон со всеми лабораториями, мастерскими, счетными станциями, пунктами диспетчерского управления.

В. ГОЛОВАШЕВ

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА СТРАНЫ

Фото А. Бочинина.

В просторной комнате за большим овальным столом собрались ребята: здесь занимается кружок юных филателистов Московского Дома пионеров. Игорь Иванов, высокий паренек с красным галстуком на груди, рассказывает о Мальгашской Республике. Он много читал о природе Мадагаскара, о том, как поработили страну колонизаторы, и о том, как народ отстаивал свою свободу и независимость.

— А вот и марки, которые мне удалось достать,— говорит, заканчивая свое выступление, Игорь и высыпает на стол яркие бумажные квадратики.

...Сто пятьдесят коллекционеров объединяет кружок. Со всей серьезностью, возможной в его возрасте, занимается здесь 9-летний Миша Кузин, с первого до десятого класса сохранил верность своему увлечению Никита Зоров.

Марка — визитная карточка страны. Эти слова Георгия Димитрова стали девизом юных филателистов.

Собирая коллекции, ребята учатся понимать язык марок, узнавать по ним интересные сведения о странах. Среди коллекций, подготовленных кружковцами, есть стенды: «Где жил и работал В. И. Ленин», «Сорок лет Советскому Азербайджану», «Визит Н. С. Хрущева в США». Эти работы демонстрировались на двух международных филателистических выставках: в Чехословакии и в ГДР — и оба раза удостоились высшей награды.

Кружковцы с помощью своего энтузиаста-руководителя Лидии Николаевны Баскаковой приготовили 19 коллекций, посвященных новым государствам, образовавшимся в 1960 году. Особенно интересен стенд «Африка 1940 и 1960 годов».

У юных филателистов большие международные связи: они переписываются и обмениваются марками с пионерами стран народной демократии, со школьниками капиталистических государств.

Л. КАФАНОВА

Где золото моют...

Рано приходит сюда зима. Не успеют отойти осенние дожди, как выпадает снег. К концу октября замерзает Витим — спокойная, величавая река. А горный приток его, Мамакан, поддается морозам только к декабрю.

Но люди изменили злой характер Мамакана. Сначала они перегородили реку крепкой перемычкой, потом положили донные трубы. Осенью прошлого года перекрыли его русло. Вода пошла по новому, искусственному руслу.

Мамаканская ГЭС строится в зоне вечной мерзлоты.

Она даст энергию золотопромышленным предприятиям.

Пройдет немного времени, и первая турбина Мамаканской ГЭС даст ток.

В. МУХОРТОВ

Поросята на самообслуживании

Василий Филиппович Минин из псковского совхоза «Полоное» за восемь месяцев откормил 4 024 свиньи. Каждого поросенка он откармливал за полчаса!

Решив последовать примеру знатного свинаря Ярослава Семеновича Чижа, Минин приспособил к новым условиям работы трактор. Машина нагружала и разгружала длинные кормушки с картофелем, силосом, корнеплодами, убирала помещение.

Но основной откорм шел в летнем лагере, какие раньше в хозяйстве не устраивались.

Лагерь раскинули на большом клеверном поле. Здесь поставили длинный стометровый навес, кормушки, автопоилки. Теплым майским днем сюда привезли сразу две тысячи с лишним поросят. Огромное стадо!

Минин выбрал участок с поспевшим клевером, огородил его колышками, с изоляторами на конце, протянул проволоку и подключил к батарее. По проводам пошел ток. Электропастух должен был надежно стеречь поросят. Но не устерег. Поросята терлись о проволоку, шагали через нее и разбегались.

Конфуз вышел из-за того, что ток оказался слабым.

Минин, однако, не растерялся. Он призвал на помощь свой верный трактор. Приладил к нему электрооборудование с автомашины и таким образом обеспечил в сети необходимое напряжение.

Теперь дело пошло. То на одном, то на другом зеленом поле появлялись белые столбики электропастуха, которого поросята, раз ожегшись, боялись пуще огня. Участки использовались поочередно. Стравленные поля тут же подкармливались минеральными удобрениями, поливались, и через каких-нибудь две недели травы вновь вырастали. Так клевера скармливались трижды. А когда они кончились, Минин включил в зеленый конвейер подросший к тому времени горох с овсом. А там и картофель поспел. Клубни тоже не надо было ни копать, ни возить, ни раздавать по кормушкам: свиньи отлично доставали их из земли сами.

Словом, в лагере было полное самообслуживание.

Когда осенью стадо сняли с откорма, Минину могла позавидовать любая хозяйка: поросята превратились в крупных свиней.

Теперь механизатор опять содержит поросят в зимнем помещении, и трактор снова верно служит ему. На ферме набирают вес тысячи поросят. Минин рассчитывает их сдать к 1 марта — к тому числу, когда он впервые пришел на ферму. За год он откормит пять тысяч! Такого результата еще не достигал никто.

«Наш Чиж» — так называют Минина на Псковщине. Минин послал Ярославу Семеновичу письмо, в котором сообщил, что он откормил 4 024 свиньи общим весом 3 495 центнеров и вдвое снизил стоимость свинины. Написал, что в честь предстоящего Пленума ЦК КПСС взял новое обязательство — откормить 6 тысяч свиней.

Василий Филиппович Минин.

Фото В. Мартынюка.

С. МИХАЙЛОВ

М. Божий. ДУМЫ МОИ, ДУМЫ МОИ...

ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ УКРАИНА».

И. Карась, В. Сизиков. КОЛХОЗНЫЕ ПОЛЯ.

А. Наседкин. В КОЛХОЗ.

Анатолий **КАЛИНИН**

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Все знали, что Клавдия Пухлякова не боится ни бога, ни самого председателя колхоза. Недаром председатель Тимофей Ильич Ермаков, объезжая хозяйство колхоза, всегда старался стороной прошмыгнуть на своей «Победе» мимо свинофермы четвертой бригады. Тимофей Ильич объяснял это себе тем, что на свиноферме и без его вмешательства дела идут хорошо, не признаваясь, что на самом деле ему не хочется лишний раз встретиться там с Пухляковой.

Если же ему все-таки не удавалось незаметно проскользнуть мимо фермы, он должен был приготовиться принять от Клавдии на свою голову сразу весь тот залп не особенно приятных слов и выражений, что она приберегла для него за неделю. И можно было не сомневаться, что она не забудет ни одной из тех мелочей, что с такой бы охотой забыл Тимофей Ильич.

Голос у Клавдии был громкий, его издали можно было угадать, когда хуторские женщины, собираясь вечером на посиделки, запевали песню «Конь боевой с походным вьюком...». Председательская «Победа», отъехав от фермы, уже заворачивала за угол свинарника, а в уши Тимофея Ильича все еще толкались летящие ему вдогонку слова, что кабы он не заливал с самого утра глаза кукурузной бражкой, он бы видел, что только одна, меньшая, половина предназначенной свиноматкам дерти попадает из амбара на ферму, а большая половина уплывает «налево». Одну половину дерти везут на свинарник, а другую — во двор к главному бухгалтеру или к старшему кладовщику. Председателю нелишне бы поинтересоваться, на каких харчах подрастают у них в катухах сразу по два и по три кабанчика...

Между тем при взгляде на Клавдию Пухлякову никто не мог бы сказать, что у нее такой характер. Скромной, красивой наружности женщина, с тихими серыми глазами. Можно было поклясться, что прячется где-то в самой глубине этих глаз затаенная печаль. И все лицо Клавдии с того дня, как ей принесли похоронную о муже, убитом под Таганрогом, как будто было задернуто дымкой.

Но стоило всего лишь один раз услышать, как достается от нее председателю колхоза, чтобы тут же и согласиться с общеизвестным утверждением о тихих омутах, в которых чаще всего и водятся черти. Главный бухгалтер колхоза никак иначе и не называл Клавдию Пухлякову за глаза, как сатаной в юбке. В глаза он предпочитал величать ее Клавдией Петровной.

Тем более странным могло показаться, что есть, оказывается, вещи, которые заставляют бледнеть и эту женщину. И совсем удивительным должно было показаться, что трепещет она тех самых вещей, к которым давно уже со снисходительным презрением относятся даже самые маленькие дети. Во-первых, достаточно было произнести при Клавдии только одно слово «цыгане», чтобы она тут же неузнаваемо изменилась в лице, стала непохожей на себя. При известии о том, что поблизости от хутора появились цыганские шатры, она, судя по ее поведению, не только сама начинала испытывать суеверный страх, но и панически боялась за своих детей-двояшек: мальчика, столь же черноголового и кудрявого, сколь белоголовой и кудрявой была девочка, его сестренка. Она немедленно зазывала их с улицы в дом, и пока стояли за хутором шатры, строжайше запрещала им бегать вместе с другими ребятишками на выгон.

Свирепых племенных хряков не боялась на ферме, бесстрашно заходила к ним в загон и умела усмирить их, когда они начинали пороть друг друга клыками, а тут трепетала, как сухой лист на придонской вербе под осенним ветром.

Во-вторых, весь хутор терялся в догадках о причине той несомненной власти, которую с некоторых пор приобрела над Клавдией самая вздорная из хуторских старух, болтливая и вороватая Лущилиха. Стоило лишь этой бывшей кулачке, от которой давно уже отвернулись все остальные люди, прийти к Клавдии и в разговоре нечаянно напомнить: «А ты не забыла, Клава, как мы с тобой хоронились в степи в кукурузе от немецкой бомбежки?..» — и грозная для самого председателя Клавдия внезапно добрела, становилась мягкой, как воск, и непременно спешила чем-нибудь порадовать старуху. Чаще всего Лущилиха уходила от нее с поросенком, только что полученным Клавдией на ферме за хорошую работу. Трудно было сказать, сколько после войны перекочевало таким способом премиальных поросят из катуха Клавдии в катух бабки.

Люди терялись в догадках о причинах такой щедрости Клавдии еще и потому, что до войны, пожалуй, ни к кому другому в хуторе не относилась она с такой откровенной враждебностью, как к Лущилихе и ее мужу. Не могла простить она им и при случае всегда напоминала публично, что до коллективизации держали они самый большой в хуторе виноградный сад на четыре тысячи донских чаш — кустов, а когда начиналась коллективизация, вдруг распродали все свое движимое и недвижимое имущество и куда-то бежали из хутора налегке, чтобы много лет спустя, когда давно уже минула пора раскулачивания, приехать обратно. Не прощала Клавдия мужу Лущилихи, что он, еще совсем моложавый, крепкий дед, по возвращении в хутор не пошел работать в колхоз, а, отделываясь ссылкой на слабое здоровье, подряжается складывать из камня-ракушечника большие скотные сараи и дома, откладывает в сундук тысячи. Не прощала и старухе ее длинного языка, осведомленности о всем, что случалось и что не случалось в хуторе. У нее можно было получить самые точные сведения даже о том, какой парень какие слова говорил своей девушке под яром не далее как вчера и как они миловались друг с дружкой.

Для этого Лущилиха разбросает у своего двора под яром полдюжины круглых пиленых чурбаков, выждет, пока гуляющие вечером молодые парочки набредут на них и присядут отдохнуть, а сама подлезет у себя во дворе к плетню и, стоя на четвереньках, не дыша, слушает. Наутро весь хутор знает, кто с кем минувшей ночью и сколько раз поцеловался. «Ей еще будет, что трухлявый плетень подломится, и она спикирует с яра прямо в Дон»,— зловеще предсказывала Клавдия.

И вдруг она, что называется, прикусила язык. Совсем не слышно стало, чтобы она высказывалась о Лущилиных с такой же неприязнью, как, бывало, прежде. Ни одного худого слова в адрес Лущилиных теперь нельзя было вытянуть и клещами из уст Клавдии. Если же ей приходилось слышать, как в ее присутствии начинали ругать их другие женщины, она помалкивала и потихоньку уходила от этого места. Нет, она не заступалась за Лущилиху, но и не спешила присоединиться к тем разговорам, которые раньше начинала первая.

В довершение ко всему все стали замечать, что во взаимоотношениях Клавдии с бабкой Лущилихой произошел явный перелом к лучшему, и они даже перешли в некое подобие дружбы. Во всяком случае, теперь старуха, завидев идущую ей навстречу Клавдию, не спешила улизнуть в первую калитку, а, наоборот, с самым сладчайшим выражением на лице спешила к ней на своих ногах-тумбах и, как самого дорогого человека, приветствовала:

— Доброго здоровьица, Клава! А я уже соскучилась за тобой. Как раз сегодня собиралась зайти.

Никто не видел, чтобы Клавдия при этом тоже встречно расцветала улыбкой, но и не замечали наблюдавшие за их встречей женщины, чтобы она протестовала против таких словоизлияний старухи. Чаще женщины видели, как потом Лущилиха, уцепившись за рукав Клавдии, провожала ее и они вместе скрывались за дверью ее дома. Все знали, что через полчаса или через час старуха непременно появится из калитки Клавдии с поросенком в мешке, оглашающим своим визгом весь хутор, или же с оклунком зерна, заработанного Клавдией в поте лица в колхозе.

Казалось, только для того и старается она так на ферме, ухаживая за свиноматками и хряками, чтобы Лущилины на старости лет ни в чем не испытывали недостатка. Не из христианского же милосердия сменила Клавдия свой гнев против них, бывших кулаков, на милость! Всем в хуторе было известно, что ни в господа бога, ни в его архангелов она никогда не верила и теперь вряд ли уже поверит. Не поверила она в них и тогда, когда получила похоронную о муже и предприимчивый попик из станицы решил наведаться по этому случаю к ней в дом, чтобы отслужить панихиду. Ни слова не говоря, Клавдия взяла попика за рукав подрясника и вывела за калитку.

От ответов на вопросы, какими же все-таки средствами Лущилихе удалось разжалобить ее сердце, Клавдия обычно уклонялась. От насмешек же по поводу ее суеверных страхов перед цыганами отговаривалась:

— Я ими с детства напуганная. Меня маленькую одна цыганка чудок не украла.

— Что-то раньше мы не примечали за тобой этой страсти,— напоминали ей женщины.

— Нет, я всегда их боялась,— твердо отвечала Клавдия.

Люди посмеивались и склонны были простить ей эту причуду. К тому же еще не выветрились у них из памяти старые рассказы, что цыгане любят воровать детей и потом учат их просить милостыню. После гибели мужа на войне у Клавдии Пухляковой только и осталось всей радости в жизни — дети. Вот и не надышится она на них и начинает метаться, прячет их, как наседка, едва лишь цыгане раскинут за хутором свои палатки. И хотя со временем ее дети-двояшки давно уже превратились в парня и девушку и украсть кого-нибудь из них было не так-то просто, строжайший материнский запрет по-прежнему оставался для них в силе. Пока стояли цыганские шатры на бугре,

никто из них не смел и на полшага отлучаться из дома.

Люди снисходительно посмеивались, по собственному опыту зная, что почти у каждого человека есть какая-нибудь своя слабость.

Но, как часто бывает, с тем, чего больше всего хотел бы избежать в своей жизни человек, жизнь и спешит познакомить его в первую очередь. После одного случая страхи Клавдии, над которыми она со временем уже не прочь была и сама посмеяться, вспыхнули с новой силой.

* * *

На попутной машине она из хутора, где жила, приехала в станицу, где находилось правление колхоза. Председатель третий месяц уже стороной объезжал свиноферму, и Клавдия решила сама нагрянуть в правление, чтобы окончательно выяснить с ним вопрос: каким образом на коротком, всего восьмикилометровом, пути от колхозного амбара до фермы исчезает половина зерна и дерти? И как, по мнению Тимофея Ильича, свинари и свинарки могут после этого отвечать за приплод и привес закрепленных за ними свиноматок и поросят?

Если не удастся сегодня же окончательно решить этот наболевший вопрос, то Клавдия прямо из правления махнет без пересадки в район к прокурору. А там председатель хочет — пусть едет туда отчитываться на мягком лимузине, а хочет — пусть идет по дорожке пешком. Если он и дальше согласен смотреть на расхитителей у себя под боком сквозь пальцы, то другие уже насмотрелись, хватит. Не здесь, так в другом месте Клавдия все равно выведет их на чистую воду.

С этим настроением она и поднималась по ступенькам в правление. Перед дверью с золоченой табличкой «Председатель колхоза Тимофей Ильич Ермаков» ее попыталась было задержать девушка-счетовод, вся мелко накудрявленная, как новорожденный белый барашек:

— Тимофей Ильич занят. У него люди.

Но Клавдия так сверкнула на нее из-под надвинутого на лоб платка серыми глазами, что девушка тут же махнула рукой.

— Проходите, проходите.

Клавдию здесь знали. Открыв дверь с табличкой, она убедилась, что накудрявленная девушка ее не обманула. В кабинете у председателя действительно были люди. Сам Тимофей Ильич сидел на своем обычном месте в углу под большой картой земельных угодий колхоза, между тумбами письменного стола были видны его обутые в черные сапоги ноги. Сбоку от него, опираясь растопыренными пальцами обеих рук о край стола и вкрадчивым движением подавшись к Тимофею Ильичу, стоял бухгалтер колхоза. Третьего человека в кабинете Клавдия не смогла угадать, потому что он стоял перед столом председателя спиной к двери. И вообще этот черноволосый, хорошего роста мужчина в синем костюме был, кажется, ей не знаком. Она не помнила, чтобы у кого-нибудь из знакомых мужчин были такие же черные, до синевы, волосы. И голос этого человека, слегка глуховатый, густой и как будто смягченный усталостью, Клавдия слышала впервые.

— Так не отдашь? — спрашивал он председателя колхоза.

Председатель Тимофей Ильич Ермаков, откидываясь на спинку стула своим внушительным туловищем, в свою очередь, спрашивал его:

— Мы с тобой этот обмен договором оформили?

— Оформили,— отвечал черноволосый мужчина.

— Полюбовно?

— Полюбовно.

— Так что же ты теперь от меня хочешь?

Незнакомый Клавдии мужчина махнул рукой.

— Договор — бумага. Через час кобыла пала.

При этих словах бухгалтер колхоза, не отрывая рук от края стола, с живостью извернулся в его сторону всем своим телом.

— Где?

— Как только доехали на ней до того хутора, что под бугром, так и легла.

Бухгалтер так и повернулся на каблуках вокруг своей оси и, обхватывая живот руками, сгибаясь вдвое, бросился к противоположной стенке.

— Ой, ратуйте, люди добрые! В кои веки нашелся хороший человек: цыгана обманул.

— Я вижу, тут у вас не один жулик,— с презрением в глуховатом, мягком голосе сказал черноволосый мужчина.

Теперь Клавдия уже окончательно догадалась, о чем шел разговор в кабинете у председателя. Она уже слышала об этой истории. Еще недели две назад старший кладовщик Федор Демин, отпуская ей обрат для поросят, с веселым хохотом рассказывал, как недавно отличился их председатель колхоза. Никому до этого не удавалось надуть цыган, а ему удалось. Цыгане разбили на станичном выгоне свои шатры и пришли к Тимофею Ильичу с предложением обменять полтысячи лопат на хорошую лошадь. У них, оказывается, одна лошадь только что пала в упряжке, а они как раз кочуют на постоянное местожительство в соседний район. Будут там кузнечить и работать конюхами в колхозе. Тимофей Ильич согласился и отдал им за лопаты ту самую кобылу, что зимой на Дону провалилась в прорубь. С той поры у нее и стали чахнуть все внутренности, хотя по виду она оставалась все такой же исправной кобылой. Ее уже назначили под нож, когда подвернулись цыгане.

Давясь от смеха, кладовщик рассказывал:

— Тимофей Ильич договаривался с ними по всем правилам. Недоуздок передавал ихнему главному цыгану честь по чести, из полы в полу. А как только цыгане отъехали от станицы, она возьми и грохнись об землю сразу со всех четырех ног. Тут только цыгане поняли свою промашку...

И, недоумевая, почему Клавдия, с которой он делится этой новостью, не только не разделяет его бурного веселья, а совсем наоборот, как-то даже потускнела, кладовщик Федор Демин с сердцем сплюнул:

— Тю, дуреха! Да ты никак опять цыган испугалась?.. То-то я вижу, ты вся изменилась с лица. Вот дура, так дура, чисто малое дите. Да уже и малые дети их перестали бояться. Мой пацан как увидит их шатры за станицей, так и торчит там с утра до вечера. Глупая, теперь

не цыган надо бояться, а водородной бомбы!— И он опять захохотал, закрутил головой.— Нет, ты только подумай, самим цыганам сумел полумертвую кобылу всучить! А еще говорят и пишут в нашей районной газетке «Советский Дон», что наш председатель — плохой хозяин.

* * *

Знала бы Клавдия, что ожидает ее за дверью с табличкой «Председатель колхоза Тимофей Ильич Ермаков», ни за что не пренебрегла бы предупреждением накудрявленной, как барашек, девушки и круто повернула бы от этой двери назад. Но было поздно, она не только уже вошла в кабинет и закрыла за собой дверь, уже и Тимофей Ильич успел ее заметить и коротким кивком головы дал понять, что ей придется подождать, пока он освободится. При этом он ни на секунду не прервал своего разговора с цыганом.

— Но, но, ты меня жуликом не величай, ты ищи жуликов где-нибудь в другом месте.

Бухгалтер ввернул:

— За это можно и статью припаять. Как за клевету.

— Что такое жулик? — глубокомысленно спросил председатель. И сам же ответил: — Это тот, кто для своей личной выгоды старается с другого человека семь шкур спустить. А я не лично для себя, а для колхоза беспокоюсь. Вон хоть у этой женщины спроси, она за колхоз кому угодно горло перервет. Как ты, Клавдия Петровна, считаешь?

Еще этого ей недоставало. Но и не могла же она согласиться с тем, с чем никогда не соглашалась в жизни. Ее ответ прошелестел от двери чуть слышно:

— Если, Тимофей Ильич, по правде, то надо бы эти лопаты людям вернуть.

Черноволосый мужчина полуобернулся и бросил на нее через плечо взгляд. Она не могла его заметить, потому что отвечала, не поднимая глаз от пола. А Тимофей Ильич, услышав ее слова, поморщился. Не такого, видимо, ответа ожидал он от Клавдии Пухляковой.

— Что такое, между прочим, правда? Это не что-нибудь вообще. Если для колхоза получается польза, то, значит, наша правда.

Горькое презрение и насмешка вместе сплелись в словах цыгана:

— Ты, что же, председатель, надеешься так свой колхоз поднять?

Тимофей Ильич встал за столом во весь рост, выпрямился.

— Цыган меня марксизму учит?! А где ты был, борода, когда я эти штуки зарабатывал?

И с этими словами он широко распахнул свой пиджак. Искрами блеснули у него на груди боевые медали.

Цыган слегка подался вперед, с уважением всматриваясь в его награды.

— Молодец, не зря воевал. Где я был? Там же, председатель, где и ты.

И он спокойно отвернул обеими руками борта своего темно-синего пиджака, ослепив всех в комнате, в том числе и Клавдию, блеском целого, что называется, иконостаса орденов и медалей. Перед ними сразу померкли три медали председателя, потому что у цыгана было их неизмеримо больше и из них внушительно выступали два самых уважаемых ордена: Орден Красного Знамени и солдатский Орден Славы.

Даже бухгалтер, зажмуривая глаза, не удержался от восклицания:

— Вот это ну!

А Тимофею Ильичу ничего другого не оставалось, как незаметно запахнуть пиджак, пряча более скромную позолоту своих наград. Не скрывая восхищения, он вышел из-за стола, чтобы поближе рассмотреть ордена и медали на груди у цыгана.

— Так вот ты, оказывается, какой цыган! Где же ты их сразу столько заслужил?

Цыган сухо ответил:

— В разведке. Но это, председатель, к делу совсем не относится. У нас тут с тобой не вечер воспоминаний боевых друзей. Сперва отдай распоряжение, чтобы вернули лопаты, а потом уже спрашивай.

Тимофей Ильич положил руку ему на плечо.

— Погоди, с этим всегда успеется. Ты, оказывается, грамотный парень, и язык у тебя неплохо подвешен. А все-таки не можешь обуздать свою цыганскую кровь. Горяч. Я все же постарше тебя и по возрасту и по своему званию старшины запаса, а ты на меня здесь кричишь и в присутствии других людей подрываешь мой авторитет. В нашем колхозе и без тебя есть кому на председателя кричать.— И Тимофей Ильич не взглянул, а только чуть заметно повел бровью в сторону двери, где стояла Клавдия Пухлякова.

Спокойным движением цыган снял его руку со своего плеча.

— Я на тебя не кричу, а вот ты здесь действительно кричал. Если ты и с другими людьми так обращаешься, то это еще хорошо, что никто из них тебя не побил. И наши воинские звания мы тоже не будем здесь разбирать. Не место.

С беспокойством в голосе Тимофей Ильич спросил:

— Что ты хочешь этим сказать? Если уж ты начал говорить, то договаривай до конца.

Все в колхозе знали, что Тимофей Ильич далеко не лишен был тщеславия и очень гордился тем, что на фронте дослужился до звания старшины.

Все так же спокойно цыган ответил:

— Ничего такого я не хочу сказать. Старшина — хорошее звание. Но есть, председатель, и другие звания.

— Например?

— Например, лейтенант.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что среди вас, цыган, тоже бывают лейтенанты?

— Кто знает, может быть, и бывают.

— Ну, уж это ты врешь,— с уверенностью заявил председатель.— Ордена и медали еще можно личным геройством заслужить, а чтобы лейтенанта заработать,— для этого одного геройства мало. Тут надо, брат, и образование иметь или по крайней мере талант. Конечно, случается, что человеку образование заменяет талант, но это редко. Для этого надо не цыганскую голову на плечах иметь.

Совсем тихим голосом цыган поинтересовался:

— Почему же не цыганскую? У цыган голова тоже круглая.

— Это ты мне не объясняй. Дружба народов, знаю... Не об этом речь. У цыган в голове всю жизнь только и было, как бы половчее честного человека обмануть, а этой одной науки на войне, как ты сам должен знать, еще мало. В разведке эта наука, понятно, еще могла тебе службу сослужить и даже помочь заработать один-два лишних ордена, а вот чтобы в бою командовать, тут совсем другая наука нужна.

И Тимофей Ильич ушел на свое место за стол, очень довольный, что ему наконец удалось подобрать подходящее объяснение, почему орденам и медалям цыгана посчастливилось несколько притушить блеск его собственных медалей. Из-за стола он насмешливо-победоносно поглядывал на цыгана и на бухгалтера. Бухгалтер не замедлил оценить его находчивость достойным образом:

— Да, это тебе не у наковальни плясать.

— И не присваивать чужое,— в тон ему добавил цыган.

— Но-но! — угрожающе повысил голос бухгалтер.

Цыган на него и внимания не обратил. Он обращался только к председателю:

— Один раз, председатель, ты уже ошибся. А что будет, если ты ошибешься и во второй раз?

Переглядываясь с бухгалтером, председатель торжественно пообещал:

— Если я совершу эту ошибку, то вот тебе мое слово: прикажу заплатить деньги за твои лопаты — и дело с концом.

Цыган покачал головой.

— Одного твоего слова мало.

Председатель искренне возмутился:

— Отказываешься верить председателю колхоза?

— Ему-то я верю, да вдруг он опять скажет, что для пользы колхоза не запрещается и обмануть.

— Этого я не говорил. Я говорил по-другому. Ну, если мало тебе моего честного слова, то можно и при свидетелях. Вот тебе уже свидетель номер один.— Тимофей Ильич повел рукой в сторону бухгалтера.— Подходит?

— Нет! — кратко сказал цыган.

— А! Ну, если не хочешь, то вот тебе другой свидетель.— И председатель повел рукой в сторону Клавдии.

— Вот если эта женщина согласится, то тогда и я, пожалуй, согласен.

И, поворачиваясь, цыган в упор взглянул на Клавдию. До этого она не видела его лица. Разговаривая с председателем, он стоял к ней спиной и только иногда немного поворачивался так, что она видела его острую кудрявую бородку. Теперь же она встретилась с его взглядом. И Клавдии вдруг показалось, что он заглянул своими ярко-черными глазами прямо ей в душу.

— Слышишь, Пухлякова, эта борода пожелала тебя свидетельницей иметь,— насмешливо сказал Тимофей Ильич.— Нам он, получается, не доверяет, а вот ты ему, должно быть, приглянулась. Чем-то ты ему понравилась. Постой, постой, куда же ты?! — в неподдельном изумлении закричал председатель, привставая со стула.

Но Клавдия уже не слышала.

* * *

Она не помнила, как открыла спиной дверь и мимо удивленной девушки-счетовода стремглав бросилась вниз по ступенькам правления. Накудрявленная девушка и другие сотрудники бухгалтерии прилипли к окнам. Еще никто не наблюдал, чтобы Клавдия Пухлякова ретировалась из кабинета председателя колхоза подобным способом. Обычно всегда он, едва заметив ее мелькнувший в окне силуэт, через другой ход спасался от нее на задний двор и отсиживался там в гараже до той минуты, пока шофер не возвращался из разведки с известием, что гроза в образе этой яростной женщины прошла и скрылась за станицей, за холмами.

Опомнилась Клавдия и смогла взглянуть на свое поведение как бы со стороны уже на береговой тропинке, наторенной сквозь заросли репейника вдоль Дона из станицы в хутор. Почему-то она избрала не верхнюю, горовую дорогу, где ее за четверть часа могла подвезти домой любая попутная машина, а эту глухую, пешеходную стежку. Сбежала со ста-

ничного крутогорья, как от погони. Кофточка билась у нее на груди так, будто под нею был спрятан голубь.

И вообще это ее бегство из кабинета председателя должно было показаться всем людям до крайности нелепым. Клавдия вспомнила, как округлились изумрудные глаза на личике у этой девчонки. Страшно должен был удивиться и сам председатель, который, конечно же, при появлении Клавдии в правлении не мог не догадаться, что неспроста она проделала сегодня свой путь из хутора в станицу.

И вот теперь она неизвестно почему возвращается в хутор, не раскрыв даже рта для разговора, к которому готовилась не один месяц. Что она скажет на ферме другим свинарям и свинаркам, ожидающим результатов предпринятого ею похода? Скажет, что зерно и дерть так по-прежнему и будут уплывать «налево»?!

И чего она так испугалась? Этого цыгана с кудрявой острой бородкой? Но неужели она всю свою жизнь так и будет бояться цыган и каждый из них всегда будет внушать ей панический страх, будто он непременно должен принести ей несчастье, что-нибудь над ней сделать или же что-то у нее отнять? Глупые, детские страхи! И этот цыган совсем не такой страшный. Даже наоборот, он довольно красивый мужчина с добрыми, словно бы чем-то опечаленными глазами. И с Тимофеем Ильичом он разговаривал рассудительно, ни разу не повысив голоса. Между тем у него были все основания повысить голос и даже стукнуть кулаком по столу. На его месте Клавдия так бы и поступила. Обидели человека, да еще и насмехаются. Особенно бухгалтер, который так все время и вьется вокруг председателя, как уж, так и нашептывает ему на ухо, что похитрее сказать да как погаже ответить...

А ведь Клавдия очень хорошо знала, что нужно сказать этому бухгалтеру про дерть и зерно, чтобы он еще побыстрее завертелся, как настоящий уж, когда ему наступят на хвост каблуком. Знала, что ему сказать, и собиралась сделать это сегодня в присутствии председателя — и не сказала. Вместо того, чтобы наслаждаться сейчас тем, как этот главный расхититель извивается под каблуком неумолимых фактов, убегает от него прочь по тропинке вдоль Дона. Еще немного, и сердце, разорвав кофту, выскочит на свободу, как горячая птица.

Успокаиваясь, она пошла медленнее, подставляя лицо и грудь ветру, тянувшему из-за Дона. Узкая тропинка исчезала впереди в зеленых кустах репейника, появляясь из них на пригорках. Жесткие, уже затвердевающие к осени репьи кусали ей ноги.

Мягкий, предупреждающий звонок велосипеда за спиной заставил Клавдию сойти с тропинки и посторониться. Велосипедист в развевающемся от ветра пиджаке быстро промчался мимо нее и, проехав еще немного вперед, вдруг остановился. Соскакивая с велосипеда и придерживая его за руль, он повернул к Клавдии голову с черной кудрявой бородкой, и она сразу же узнала того самого цыгана. Она оказалась наедине с ним. Ни впереди, ни позади на тропинке никого не было.

Описав с велосипедом полукруг прямо по кустам репейника, он подошел к Клавдии и сказал, протягивая ей руку:

— Это вы? А председатель потом вас искал. Спасибо, что хоть вы заступились. Будем знакомы, меня зовут Будулаем.

Еще в кабинете у председателя Клавдия обратила внимание, что говорит он по-русски совсем чисто. Странно, что теперь вблизи от него она не испытывала никакого страха. Он дружелюбно смотрел на нее своими черными, как будто чем-то опечаленными глазами и улыбался, обнажая ослепительно белые зубы. Ничего пугающего не было в его лице, не портила его и эта небольшая бородка. Что ж поделаешь, если эти люди все еще не могут отвыкнуть носить бороды! Значит, такой у них обычай.

И все же от растерянности она ничего не сказала ему в ответ, не назвала даже своего имени, а только позволила ему пожать свою безвольную руку. Его рукопожатие было бережным и коротким.

— Но все-таки и ваше заступничество не помогло,— не столько с ожесточением, сколько с веселым огорчением сказал он, не замечая растерянности Клавдии.— Отказался от своего честного слова и после того, как заставил меня показать ему свой военный билет. Ну, хорош у вас председатель! Не хотелось, а, видно, придется мне пожаловаться на него в райком. Вы мне не скажете, сколько еще осталось до райцентра?

— Через наш хутор проедете, а там, мы считаем, не больше шести километров,— обретая дар речи, ответила Клавдия.

— Спасибо. До свидания.

И, вскочив на велосипед, он вскоре скрылся за первым поворотом тропинки, оставив ее наедине с запоздалым раскаянием, что она холодно обошлась с этим человеком. Не растолковала даже ему как следует, что ехать до районной станицы все время нужно низом, по-над виноградными садами, и никуда не сворачивать, еле выдавила из себя два слова... А он ничем не заслужил подобного обращения. И в правлении он разговаривал с председателем культурно, за справедливость стоял, и здесь не стал набиваться на более близкое знакомство с Клавдией, а только вежливо поблагодарил ее, спросил о дороге и сразу уехал.

Так что же, что он цыган? И наружностью он ничуть не хуже других мужчин. Ему даже идет эта, конечно, непривычная для Клавдии бородка. Ей давно уже пора отбросить все свои никчемные страхи.

И впоследствии Клавдия вспоминала об этой встрече не иначе как с угрызениями совести. Впрочем, вскоре она, вероятно, и совсем бы забыла о своем мимолетном знакомстве с цыганом, если бы ей не напомнила о нем Лущилиха.

Как всегда, она наведалась к Клавдии в вечер того дня, когда лучшим свинарям и свинаркам на ферме выдавали в порядке дополнительной оплаты премиальных поросят. У Клавдии почти не проходило месяца, чтобы она не получила одного, а то и двух поросят. Привезла она и на этот раз из-за Дона, куда на лето перевозили из хутора свиней, месячного поросенка.

— Я, Клавочка, за это время за тобой просто ужас как соскучилась,— переступая через порог дома Клавдии, говорила Лущилиха.— Ты, считай, там за Доном целое лето как в ссылке живешь, все Америку догоняешь... А нонче, слышу, на вашем краю хутора поросеночек визжит, значит, думаю, наша передовая колхозница теперь дома. Дай, думаю, хоть одним глазочком взгляну на нее.— Она по-родственному звонко расцеловала Клавдию в обе щеки.— А у меня для тебя, Клавочка, как новостей, как новостей!..

И, усаживаясь без приглашения, закрывая широкой сборчатой юбкой весь табурет, она не по-старушечьи зоркими глазами вглядывалась, какое впечатление произведут ее новости на Клавдию. Бабка Лущилиха не сомневалась, что Клавдия не сможет остаться к ним безразличной.

Еще бы ей остаться безразличной! По самым точным сведениям, принесенным Лущилихой, тот самый цыган, которого так ловко обманул председатель колхоза, оказался не таким-то простым цыганом. Оказывается, из правления он нашел дорогу прямо в райком партии и на другой же день туда вызвали Тимофея Ильича. Лущилиха имела сведения об этом от двоюродного племянника, что возил на «Победе» самого секретаря райкома. Вчера племянник попутно заехал к ней порожняком на полчаса, она угостила его ладанным виноградным вином, и он разговорился. Прогостевал не полчаса, а целых два.

К тому часу, когда председателя колхоза вызвали в райком, племянник Лущилихи как раз зашел к секретарю райкома Ивану Дмитриевичу Еремину узнать, поедут они сегодня после обеда в командировку по колхозам района или нет, и все, что происходило в кабинете у секретаря, видел своими глазами. В ожидании, когда Иван Дмитриевич освободится, присел на уголочек дивана и весь его разговор с Тимофеем Ильичом и с цыганом слышал слово в слово...

* * *

Когда председатель колхоза Тимофей Ильич Ермаков вошел к секретарю райкома, у того в кабинете уже был цыган. Нашлись добрые люди, указали ему дорогу прямо в райком. Увидев цыгана у секретаря райкома, председатель сразу потускнел и небрежно буркнул:

— А, это ты, борода...

Цыган промолчал, сидя сбоку письменного стола секретаря райкома на стуле.

Лирические записи

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

* * *

Уронила девушка перчатку
И сказала мне: «Благодарю».
Затомило жалостно и сладко
Душу обреченную мою.

В переулок девушка свернула.
Может быть, уедет в Павлоград.
Как она приветливо взглянула,
В душу заронила этот взгляд!

Море ждет... Но что мне это море?
Что мне бирюзовая вода,
Если бирюзовинку во взоре
Не увижу больше никогда?

Если с этой маленькой секунды
Знаю — наяву или во сне —
Все норд-осты, сивера и зунды
Заскулят не в море, а во мне?

А она и думать позабыла...
Полная сиянья и тепла,
Девушка перчатку уронила,
Поблагодарила и ушла.

Евпатория.

ТЕЛЕФОН

Был нездоров. Ты позвонила.
Запросто. Как звонят к подружке.
Трубка наволоку затенила,
Голос твой лежал на подушке.

Я никогда не думал, что голос
Может быть полон запаха лилий,
Что он бывает округлым, как глобус,
Что мир его — мир таинственных линий.

Взойдет звуковая волна к вершинке —
И все засверкает в хрустальных звонах,
Как будто с капелью хвойные льдинки
Падают в отсветах нежно-зеленых.

Но вот вершинка с тоской голубиной
Устремляется в дымные дебри,
И голос уходит в низины, в глубины,
И я растворяюсь в грудном этом тембре.

И в сердце чьи-то неясные строфы,
Не помню, чьи, но высокого класса...
А ты лишь спросила: «Ну, как здоровье?»
Ты только сказала: «Скорей поправляйся!»

Секретарь Иван Дмитриевич Еремин встретил председателя с улыбочкой, вышел из-за стола, протянув ему руку.

— Давненько, Тимофей Ильич, не виделись... А вы разве не знакомы? — с удивлением спросил он, указывая глазами на цыгана.

Пришлось председателю подать руку и цыгану.

— Немного знакомы.

Цыган ничего, пожал ему руку. Тогда секретарь райкома потушил на лице улыбочку и сразу же огорошил председателя словами:

— Ну, а если знакомы, то тогда и совсем хорошо. Как ты, Тимофей Ильич, располагаешь: лопаты вернуть или же деньгами за них расплатиться?

Тимофей Ильич коротко взглянул на цыгана и покраснел так, что наголо бритая голова у него стала как бурак.

— Вы, Иван Дмитриевич, должно быть, не совсем в курсе.— И он тут же подошел к большой карте, занимавшей всю стену в кабинете у секретаря райкома.— Вот нашего колхоза земля. Она, борода, эта несчастная кобыла, где упала? У кургана? — не оборачиваясь, через плечо спросил он у цыгана.

Подошел к карте и цыган. Они все трое остановились у стены.

— Нет, она только стала проходить мимо него и легла.

Тимофей Ильич обрадованно переспросил:

— Ты этот факт лично подтверждаешь?

— Лично подтверждаю,— спокойно ответил цыган.

— Ну, тогда тебе и никакой райком не сможет помочь. Как это в песенке поется: «Понапрасну, Ваня, ходишь, понапрасну ножки бьешь...»

Тут секретарь райкома сурово перебил председателя:

— Почему?

— Да потому, что, дорогой Иван Дмитриевич, до Володина кургана, как вы знаете, нашего колхоза земля, а за курганом — уже «Труженика». Раз она, перейдя этот курган, упала, мы за нее уже не ответчики. Вот если бы она на нашей земле пожелала упасть, то тогда бы другое дело.

И он уже взялся за свою соломенную шляпу, но секретарь тихонько придержал его за локоть.

— Не спеши, Тимофей Ильич. Давай теперь послушаем, что скажет твой приятель.

— Черт ему приятель! — поворачиваясь к цыгану боком, отрезал Тимофей Ильич, за что секретарь райкома тут же наградил его сердитым взглядом.

Он легонько взял Тимофея Ильича обеими руками за плечи и повернул лицом к цыгану. Цыган пояснил:

— Зашаталась-то она, еще не доходя до кургана. Когда она в оглоблях мимо него шла, она, считай, уже была мертвая.

Наголо бритая голова председателя опять стала красной, как бурак.

— Ты что, ветеринарный доктор, чтобы точно знать, живая она была тогда или мертвая?! Факт, что упала она после кургана.

— Нет, она его не перешла. Прямо перед ним и легла. Здесь.

И, взяв из стаканчика на столе у секретаря райкома толстый красный карандаш, цыган твердо указал это место на карте. Тимофей Ильич немедленно вырвал у него из руки карандаш.

— И это еще не все. Там еще межевой столб есть. Полосатый.

— У этого столба и упала,— сказал цыган.— При свидетелях. Там электрики линию тянули.

— А куда она головой легла? — прищуривая один глаз, спросил председатель.

Цыган взял на столе из стаканчика другой, синий, карандаш и показал:

— Вот сюда!

На этот раз Тимофей Ильич и свою соломенную шляпу успел надеть.

— Опять, стало быть, на земле «Труженика».

Цыган засмеялся, открывая все свои белые зубы.

— Должно быть, она перед смертью с тобой посовещалась, куда ей лучше упасть.

Не обращая на его слова ровным счетом никакого внимания, Тимофей Ильич только плечами пожал и протянул руку секретарю.

— Вот видите, Иван Дмитриевич, теперь вы полностью в курсе.

Но секретарь райкома как будто не заметил его протянутой руки и сказал совсем официально, уходя от карты в угол за свой стол:

— Стыдитесь, товарищ Ермаков. Так или иначе, придется вам эти лопаты вернуть.

Председатель как стоял, так, не сняв шляпы, и опустился на стул.

— А чем же, разрешите, Иван Дмитриевич, узнать, мы будем на зиму виноградные лозы зарывать?

Секретарь развел руками.

— Вот этого я не знаю. Но, конечно, за своевременную укрывку лоз мы в первую очередь будем спрашивать с тебя. Вот если хочешь, договаривайся с ним. Может быть, товарищ согласится и деньгами взять.

Цыган отозвался:

— Полюбовно все можно.

Тимофей Ильич из себя вышел, даже руки к небу возвел.

— Да ты понимаешь, чертов сын, что без акта о причине смерти этой проклятой кобылы я не имею на это никакого полного права?! Она у меня значится на балансе как живая.

Цыган вытащил из нагрудного кармана пиджака какую-то бумагу.

— Акт есть.

Тимофей Ильич прочитал этот акт и заметно повеселел:

— Все по форме. Да ты, действительно, грамотный, цыган. А шкуру сняли? Вы еще должны нам шкуру вернуть.

— Сняли и шкуру. Вернем,— успокоил его цыган.

Тогда председатель и совсем развеселился:

— В самом деле ты, цыган, с головой. В первый раз такого встречаю. Сейчас, так и быть, напишу бухгалтеру, за эти проклятые лопаты деньги получишь. И стоило тебе из-за них в райком ходить, человека от важных государственных дел отрывать! Нет, ты, оказывается, хозяйственный, цыган. В заместители ко мне не пойдешь? Мне как раз хороший заместитель нужен.

Он опять потускнел после краткого ответа цыгана.

— Не пойду.

— Почему?

— Боюсь, не сработаемся.

— Вот это ты напрасно,— подписывая распоряжение бухгалтеру, сказал Тимофей Ильич.— Я человек не злопамятный. И ты мне понравился. У нас колхоз хороший, скоро виноград в садах срежем и своего вина надавим.— И, отдавая бумагу цыгану, он засмеялся: — На, крепче держи. Ветер выхватит!

Засмеялся и цыган, опять показывая все свои зубы:

— У меня не выхватит.

Секретарь райкома Иван Дмитриевич Еремин смотрел на них из-за своего большого стола под зеленым сукном и тоже улыбался.

Продолжение следует.

Петрусь БРОВКА

Стихи с чужбины

РАЗВЕЯННАЯ ЛЕГЕНДА

Огни чужого континента...
Ходи, гляди, запоминай!
Давно мы слышали легенду:
Не жизнь в Америке, а рай.

Нью-Йорк, гуляя, озираю.
Рекламных вспышек чехарда.
Не знаю, как там в смысле рая,
Богатства много — это да!

Таких витрин нигде не встретишь,—
Здесь торжествует чистоган.
Все то, что есть на белом свете,
Сюда стеклось из разных стран.

Здесь все нарядно, броско, пышно.
Есть в этом доля красоты.
А все ж, Америка, излишне
Шумишь и задаешься ты.

На мир глядишь ты, как с пригорка,
Самодовольства не тая.
Коль хочешь знать, твоим Нью-Йорком
Не больно восхищаюсь я.

Проспекты, стриты, как теснины,
Где воздух дымен и тяжел.
Здесь, у просторов этих синих,
Иной бы город я возвел.

Он мог бы красками лучиться,
Он белизной ласкал бы взгляд.
А здесь коробки, как темницы,
Казенно-серые стоят.

Средь небоскребов неба мало,
Они, как призраки, кругом,
Как будто расщепили скалы
На части острым колуном.

Весь город, словно бесноватый,
Грохочет в показной красе.
Что из того, что он богатый,
Ему мы цену знаем все.

В стальные сейфы Уолл-стрита
Струится золото рекой.
Мы знаем, что оно добыто
Ценой трагедии людской,

Там, где задушена свобода,
Где в бизнес вложен капитал.
Но руки твоего народа
Я золотыми бы назвал.

Им позавидуешь, умелым,
Они что хочешь смастерят.
Но ты признайся, грешным делом,
Народ не очень-то богат.

В домах трущобных, в тех коробках
Угрюмой тучей день повит,
А у ночлежки за похлебкой
Большая очередь стоит.

У горемык, всего лишенных,
Совсем не водится деньжат.
Их мало радуют мильоны,
Что в сейфах банковских лежат.

Хоть золото и не померкло,
Но чье оно, признайся, чье?
Одним тут рай, другому пекло,
Как видно, каждому свое.

А мы законами иными
Воспитаны в трудах, в борьбе.
...Шепчу твое родное имя,
Отчизна, рвусь душой к тебе.

В ЧАС ВОСХОДА

В окно порой рассветной глянув,
Я не свожу с востока глаз.
Я счастлив: из-за океана
Приходит солнце в этот час.

Оно еще недавно было
В моих полях, в моем бору
И обо всем, что сердцу мило,
Рассказывает поутру.

А я в разлуке изнываю,
Свой дом я вижу лишь во сне.
Что новенького в нашем крае?
Поведай поскорее мне.

Должно быть, осень шарфом рыжим
Окутала стволы берез.
Я струны паутинок вижу
И капельки студеных рос.

А по ночам холодный месяц
Сверкает в небе, как ледок.
И от костра с опушки леса,
Как из трубы, плывет дымок.

Кружатся листьев карусели,
А осень празднично щедра:
Пора веселых новоселий
И свадеб добрая пора.

Запела та, что побойчее,
С улыбкою вступила в круг.
И вот пою я вместе с нею,
Пляшу, помолодевши вдруг.

Я слышу крики: — Горько! Горько!
И нет спасенья молодым...
...Но, помешав мечтам моим,
Сирены взвыли над Нью-Йорком.

Вопят сирены... И не может
Никак постигнуть разум мой:
Ну что, Америка, тревожит
Тебя?.. К чему весь этот вой?

Живи себе, как пожелала.
Нет, нам пирог не нужен твой.
Лишь только б ты не залезала
В чужой карман и в дом чужой.

Мне и смешно и странновато
Глядеть, как много раз на дню
Буржуй, как бы сойдя с плаката,
Идет по Третьей авеню.

А обернусь — и сердце стынет
При виде горестной судьбы.
В теснинах Гàрлема и ныне
Страдают черные рабы.

Америка, мне не пристало
Давать советы, поучать.
Ну, что ж, тебе самой, пожалуй,
Придется многое решать.

А я мечтаю лишь о сроке,
Когда вернусь к себе домой,
Где всходит солнце на востоке,
Где всем я близок, всюду свой.

ОКОЛО МОРОЖЕНЩИКА

Рядом с Нью-Йорком, в Нью-Джéрси,
Машина гудит, звенит,
Всех Майклов, Джеков и Джесси
Притягивая, как магнит.

И сразу веселый рынок,
Ребячий гомон и смех:
Мороженщика машина
Заворожила всех.

Обрадовались бесенята.
Хоть ватою уши заткни.
Ну что ж... Ведь наши ребята
Такие же, как они.

Возьмем горлопана Джека.
Ну как его не любить?
Из этого человека
Что хочешь можно лепить.

Крепыш, несмышленыш, сластена,
Он в будущем весь. Как знать,
Он может стать и ученым
И гангстером может стать.

Не на словах, а на деле
Пекитесь, люди, о нем.
Давайте мы с колыбели
Учить малышей начнем.

Долой револьверы и пушки,
Толкающие на разбой.
К чему такие игрушки
С бессмысленною пальбой?

Пусть дети стремятся к звездам,
К станкам, к страницам поэм.
А войны с их воем грозным
Осточертели всем.

Пускай, окруженные лаской,
Не знающие беды,
Ребята разводят краски,
Выращивают сады.

Давайте, друзья, поможем им
Выстроить мир такой,
Где всех угощают мороженым
И никого — войной.

АТОМНЫЙ ГРИБ

Мы, люди, не знали бы чувства утраты,
Спокойно и дружно прожить мы могли б,
Когда б не грозил нам, как недруг
заклятый,
Атомный
белый
поганый гриб.

Мы жили бы, вдоволь имели бы хлеба,
Никто бы на этой земле не погиб,
Когда бы не вспыхнул средь ясного неба
Атомный
белый
поганый гриб.

Творили бы мирно, стремились бы к
звездам,
Когда б не губил ни деревьев, ни рыб,
Когда б не пронизывал гибелью воздух
Атомный
белый
поганый гриб.

И братство, наверно, царило бы в мире.
И дети, тревоги не зная, росли б,
Когда б не возник над зеленою ширью
Атомный
белый
поганый гриб.

Нью-Йорк.

Авторизованный перевод с белорусского
Якова ХЕЛЕМСКОГО.

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

Не корабль, а комета

Рисунки Б. Боссарта.

— Каково происхождение Тунгусского метеорита? — спрашивает читательница И. Похозяй (Хабаровский край). По просьбе корреспондента «Огонька» на этот вопрос отвечает академик Василий Григорьевич ФЕСЕНКОВ.

30 июня 1908 года в 7 часов утра многие жители центральной Сибири оказались свидетелями необыкновенного события. Огненное тело прорезало небо, и там, где оно соприкоснулось с горизонтом, вспыхнуло ослепительное пламя. Землю сотрясли несколько сильных ударов.

Сейсмические станции зарегистрировали сотрясение почвы, а к западу вплоть до Ирландии в течение нескольких суток стояли белые ночи.

Так произошло падение на землю неведомого небесного тела, которое получило впоследствии название «Тунгусского метеорита».

К сожалению, в то время это явление не привлекло к себе внимания ученых. Тунгусским метеоритом впервые заинтересовались лишь после Октябрьской революции. Советский исследователь Л. А. Кулик предпринял несколько экспедиций к месту предполагаемого падения метеорита. Результаты его изысканий многим показались загадочными: кроме завала леса на десятки километров вокруг, никаких других следов упавшего небесного тела обнаружено не было. Загадка Тунгусского метеорита в последние годы обросла разноречивыми гипотезами. Высказывались даже такие фантастические версии, будто в центральной Сибири потерпел крушение залетевший в земную атмосферу космический корабль, или что в земную атмосферу влетела из космоса своего рода антиматерия, состоящая из тех же частиц, что и обычная материя, только несущая противоположный заряд, вследствие чего и произошел взрыв, который приняли за падение метеорита.

С 1958 года в центральной Сибири работают комплексные научные экспедиции. Они собрали, изучили и систематизировали богатейший материал. И теперь уже можно утверждать, что Тунгусский метеорит — это ворвавшаяся в земную атмосферу комета.

Какие данные это подтверждают?

Прежде всего Тунгусский метеорит летел навстречу Земле. Он ворвался в земную атмосферу вместе с облаком из мельчайших частиц, вытянутым, как и полагается хвосту кометы, в сторону, противоположную Солнцу. А из всех небесных тел только одни кометы могут двигаться вокруг Солнца как в прямом, так и в обратном направлении.

Если мы сравним явления, сопровождавшие падения Тунгусского и Сихотэ-Алинского метеоритов, то мы сразу заметим огромную разницу. В районе падения Сихотэ-Алинского метеорита лес почти не поврежден, зато на каменистых отрогах Сихотэ-Алиня образовалось свыше сотни кратеров и воронок. Разрушения, произведенные Тунгусским падением, носят совершенно иной характер. На многие километры повалена вековая тайга, но нигде нет ни кратеров, ни воронок.

Обычные метеориты, являясь продуктами распада астероидов — малых планет, — сохраняют структуру веществ, из которых состоят сами малые планеты. Они вращаются вокруг Солнца в том же направлении, что и Земля, и потому, падая, они всегда «догоняют» Землю. Кинетическая энергия метеоритов сравнительно невелика. Она почти полностью растрачивается при торможении в земной атмосфере. Падая на землю исключительно под действием силы тяжести, метеориты пробивают кратеры и воронки, дробятся сами, но вызывать настоящих взрывов они не могут.

Так как Тунгусский метеорит летел навстречу Земле, его кинетическая энергия была исключительно велика. При вторжении его в земную атмосферу произошел взрыв, вернее, несколько взрывов. Воздушные волны повалили лес, а вещества, из которых состояло ядро кометы, под действием высоких температур превратились в газы и рассеялись в атмосфере.

Долгое время ходили слухи, что якобы в районе падения Тунгусского метеорита повышенная радиоактивность, что люди, побывавшие там, заболевают лучевой болезнью. Специальные исследования полностью опровергают эти вымыслы.

Итак, тайна Тунгусского метеорита, так долго волновавшая умы ученых, можно сказать, разгадана. Но это вовсе не означает, что работы по изучению Тунгусского падения закончены. Дальнейшие углубленные исследования этого необычайного явления помогут получить новые, более определенные данные о природе комет.

ЧТО ТАКОЕ МИКРОКЛИМАТ?

«Что такое микроклимат? Почему в один и тот же день в Москве бывает 3 градуса тепла, а, скажем, в Наро-Фоминске — на расстоянии каких-нибудь семидесяти километров — 3 градуса холода?» — спрашивает читатель И. Ф. Калуцкий из Глушковского района, Курской области.

По просьбе нашего корреспондента на этот вопрос отвечает доктор географических наук профессор С. САПОЖНИКОВА.

В жаркий летний день вы стараетесь находиться не на солнце, а в тени. Перейдя с солнечной стороны на теневую, вы переменили окружающий вас микроклимат. Он характеризуется очень маленькими площадями. Его можно наблюдать в балконе вашего дома, на цветочной клумбе, на пешеходной дорожке. И везде он будет разный. Микроклимат объединяет явления, которые можно наблюдать в слое воздуха, находящемся над землей на высоте полутора-двух метров. Этот слой воздуха называется приземным. Он характерен большими изменениями скорости ветра, температуры и влажности. Именно в этом слое воздуха проходит основная жизнь и деятельность человека, животных и растений. Пестрота микроклимата объясняется тем, что на него оказывают непосредственное влияние микрорельеф поверхности, характер растительности, плотность почвы и многое другое. Допустим, мы находимся на лугу с густой и сочной травой. В данном месте, в данный час здесь существует вполне определенный микроклимат. Но стоит вам чуть примять траву или даже слегка разрыхлить почву, как он уже изменится. Отец с трехлетним сыном, гуляя в парке, будут находиться в разных микроклиматах, поскольку отец намного выше сына.

Трудно поверить, что микроклимат оказывает свое влияние на общее состояние погоды. А между тем это так, потому что изменение приземного слоя воздуха имеет большие последствия. Приземный слой воздуха в известной степени определяет общее состояние погоды. К тому же влияние этого слоя воздуха может распространяться на значительную толщину атмосферы. Этому явлению уже дано вполне научное объяснение. Разгадка скрывается в том, что наша атмосфера нагревается солнечными лучами не сверху и не непосредственно, а главным образом снизу — тем теплом, которое нагретая солнцем земля отдает в нижние слои атмосферы.

Изучение микроклимата очень важно для людей самых разных профессий — агрономов и врачей, лесоводов и архитекторов.

Представьте весну. Под яркими лучами солнца оживают озимые хлеба. Они еще очень слабы, как человек после долгой болезни. Хорошо стебельку у поверхности земли, которая быстро нагрелась, и как плохо его корню, который лежит на глубине 20—30 сантиметров, где земля еще скована холодом. Разница в температуре стебля и корня такая же, как между Москвой и Ашхабадом.

Почва весной не одинаково прогревается. Раньше прогревается песчаная. А на глинистой почве воде уходить некуда. Под лучами солнца вода испаряется, и на это испарение уходит часть энергии солнца. Следовательно, на нагрев почвы уже идет меньше тепла. Кроме того, влажные почвы более теплоемки. Песчаные почвы весной теплее глинистых. Южные склоны холмов, получающие больше тепла, имеют температуру прилегающего воздуха всегда на несколько градусов выше, чем на ровных местах или на северных склонах. Вот почему южный склон всегда зарастает более теплолюбивыми растениями.

А сколько хлопот приносят весенние заморозки садоводам, если при закладке сада не был учтен микроклимат! Заморозки на почве не везде одинаковы. На вершине холма и на верхней части склона они почти всегда слабее, чем в лощине. Даже в одной долине на расстоянии всего 100 метров ночью может быть разница в температуре до 10°. Из-за этого на дне долины заморозки могут задержаться дней на десять, а на верхней части окончиться раньше, чем на равнине. У реки также всегда теплее. Поверхность воды остывает медленнее, чем поверхность суши, поэтому ночью более теплый водоем выполняет роль печки для более холодной суши.

Нельзя забывать о микроклимате строителю и архитектору. Необходимо его учитывать при постройке детских площадок. Например, в Ленинграде детские площадки в парках построены не на траве, а на песке, на солнечном месте; в Ташкенте, наоборот, — под тенью деревьев. В ветреный день вы стараетесь спрятаться за какую-нибудь стену. Поэтому необходимо улицы городов проектировать таким образом, чтобы на них как можно меньше хозяйничал ветер. Но зато в жарких местах нужно обеспечить движение воздуха.

Изучение микроклимата — очень важная и нужная проблема. Но наука о нем сравнительно молода. И своего последнего слова она не сказала, многие вопросы еще ждут ответа.

КТО ПЕРВЫЙ ВЗВЕСИЛ ЗЕМЛЮ?

Можно ли взвесить земной шар? Кто первый подобрал для него подходящую чашу весов?

Н. ШЕМЕЛИНА. Москва

Первым, кому удалось с поразительной точностью «взвесить» нашу планету, был замечательный английский ученый Генри Кэвендиш. Он использовал для этого теперь хорошо знакомый физикам метод крутильных весов. Значение, полученное им в самом конце XVIII века, мало чем отличается от многократно впоследствии измеренной средней плотности Земли, равной 5,52 г/см³.

Генри Кэвендиш прославился не только измерением веса Земли. Обычно первые сведения, которые мы приобретаем в школе по химии, касаются состава воды (H_2O), но мало кто знает, что этими сведениями мы тоже обязаны Кэвендишу. Это он доказал, что соединение двух объемов водорода и одного объема кислорода дает воду и что вода, следовательно, является не элементарным «началом», как думали древние мыслители, а сложным веществом...

Кэвендиш происходил из старинного английского рода герцогов Девонширских. Несмотря на громадное состояние, перешедшее ему в наследство, он вел почти отшельническую жизнь, отдавая все свои силы поискам научных истин. Окружавшие смотрели на него как на чудака. Он не имел близких друзей, всячески избегал людей и особенно общества женщин; своей внешностью совершенно не интересовался и ходил в одном и том же старомодном покрое платье. Кэвендиш не разрешал себя рисовать, и никакого портрета ученого не осталось его потомкам. До нас дошло только его полукарикатурное изображение, которое украдкой сделал какой-то художник.

Кэвендиш не придавал большого значения своевременной публикации своих трудов. В результате многие ценнейшие мысли, наблюдения, открытия в области электричества остались совершенно неизвестными его современникам. Лишь спустя сто лет сохранившиеся в личном архиве рукописи этого ученого были изданы знаменитым английским физиком Максвеллом, который буквально заново «открыл» Кэвендиша, если не для науки, то по крайней мере для ее истории.

В. ТИТОВА,
научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР

Республиканская школа-интернат.

Слово о Таджикистане

А. СОФРОНОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Будущее лучше всего видится через детей. Вот они перед нами, черноглазые, стриженые, в разноцветных шерстяных кофточках. Вот они бродят стайками, держась друг за друга, за платье воспитательницы, бродят по аллеям, среди пестрых цветов, которые много выше их. Вот они спят в аккуратных, чистых спаленках, и на них со стены, словно живой, смотрит Володя Ульянов. Вот они обступили маленького медведя, любимца и забавника, который тянет к ним свои когтистые лапы. Вот они кормят попугайчиков...

Все это происходит на горе, расположенной над столицей Таджикистана — Сталинабадом, в школе-интернате, чудесном сказочном доме, который взрослые подарили детям.

У директора интерната есть перевод брошюры, изданной в Соединенных Штатах Америки. Называется она «Школа имени Моисея Брауна». В брошюре рассказывается о том, как в американском городе Провидение в 1874 году был организован пансион, в который дети могли поступить на долгий срок. Обучение в нем стоит 2 тысячи долларов в год, причем все деньги надо вносить вперед. Отправляя ребенка в пансион, следует: «...снабдить его двумя ковриками, занавесками для окон, пятью простынями, четырьмя наволочками, одним матрацным чехлом, шерстяным одеялом, полотенцами, бельевой сумкой и пр. и пр.».

Цитата эта приведена не для того, чтобы лишний раз подчеркнуть преимущества нашей системы обучения и условий, в которых находятся у нас все дети трудящихся — школьники и студенты. Цитата приведена для сведения о том, кто может поступать в США в учебные заведения и такого типа, какими являются пансионы. Брошюра подарена директору сталинабадского интерната группой туристов из США. Не верить ей нет никаких оснований.

О сталинабадском интернате стоит и нужно писать. Удивительно хорошо должны чувствовать себя дети на зеленых его просторах. От одного года до восемнадцати лет дети будут находиться здесь и пройдут все ступени становления человека.

Невольно думаешь: отсюда, с этой горы, как бы видится будущее, будущее тех, кто получит в интернате настоящее коммунистическое воспитание для того, чтобы своими руками строить новую жизнь.

Часами вы можете ходить по тихим аллеям, смотреть, как воздвигается стадион, как поднимаются корпуса учебных заведений. Пока в интернате живет 300 мальчиков и девочек, но скоро их будет 1 020. На одних партах сидят таджики, русские, украинцы, узбеки, дети многих национальностей.

Как известно, недавно в Сталинабаде проходила Первая советская конференция солидарности народов Азии и Африки. В дни работы конференции в Сталинабад прилетела делегация из Японии. Среди гостей была Сунико Танака, мать троих детей, мужественная женщина, одна из организаторов антиамериканских демонстраций в Токио в те горячие дни, когда японский народ перед носом Эйзенхауэра закрыл вход в свою страну. Сунико Танака была в восторге от интерната.

Гостья из Индонезии Амина Хидоят перед осмотром интерната сказала:

— Все же я предпочитаю воспитание детей в семье.

Прощаясь же, она заявила:

— Если всюду будут такие условия для общественного воспитания, то, пожалуй, можно отказаться от утверждения, что воспитание детей в семье имеет преимущества.

В интернате принято с гостями не спорить. Пусть смотрят. Да и нужно ли спорить по этим вопросам? Нет нужды противопоставлять одно другому. Но если говорить о том, что уже осязаемо, что наглядно видно, то, безусловно, сталинабадская школа-интернат — один из образцов того, как нужно воспитывать детей.

...Мы много ездили по Таджикистану. Все советские люди очень гостеприимны. Такой у нас характер. Любой из нас не мыслит себя иначе, как хлебосолом, человеком, открывающим двери своего дома не только для тех, кто живет под одним с тобой небом, но и для гостей из разных стран. Но гостеприимство таджикского народа покоряет всех. Так было и во время сталинабадской конференции солидарности народов Азии и Африки. Студенты из стран Африки и Азии, обучающиеся в московских вузах, были приняты таджиками как самые близкие друзья, как братья. Юноши из Камеруна, Уганды, Сомали, Алжира, Китая, Вьетнама, из других стран быстро обрели друзей среди смуглых сталинабадских юношей и стройных, как тростиночки, девушек. Мы видели их на улицах Сталинабада, в театрах, на литературных вечерах, они не расставались друг с другом.

В путешествии по Таджикистану каждый день перед нами открывалось новое.

О том, что в Ленинабадском районе существует колхоз «Москва», известно многим. Его председателя Саидходжу Урунходжаева хорошо знают в нашей стране. Этот большой, полный, несколько грузноватый человек запомнился. Не раз его портреты печатались в газетах и журналах. Были в печати и сообщения об удивительном Дворце культуры в колхозе «Москва». Три года назад читатели «Огонька» познакомились с работами колхозных мастеров, украсивших прекрасными национальными орнаментами по дереву стены и потолки Дворца культуры. Но фотография — только фотография! Как бы она ни была хороша, она не может все же передать прелести и первозданности художественного открытия, которое предстает перед твоими глазами.

Мы приехали в колхоз «Москва» осенним, пасмурным днем, небо было затянуто тучами. И вдруг перед огромным Дворцом культуры увидели фонтаны, поднимающиеся вдоль каменных лестниц. Что это такое? Вдруг из-за туч вышло солнце. Фонтаны заиграли всеми цветами радуги. Сказочное зрелище!

Мы вошли в Дом культуры и там увидели ставшие знаменитыми орнаменты мастеров из колхоза «Москва». Это и было то уникальное произведение, которое создано руками местных художников и резчиков по дереву. В одном из коридоров нам встретился усто (мастер) Ачил Фаязов, один из создателей всего того, что открылось перед нашими глазами. Мы познакомились с мастером, спросили:

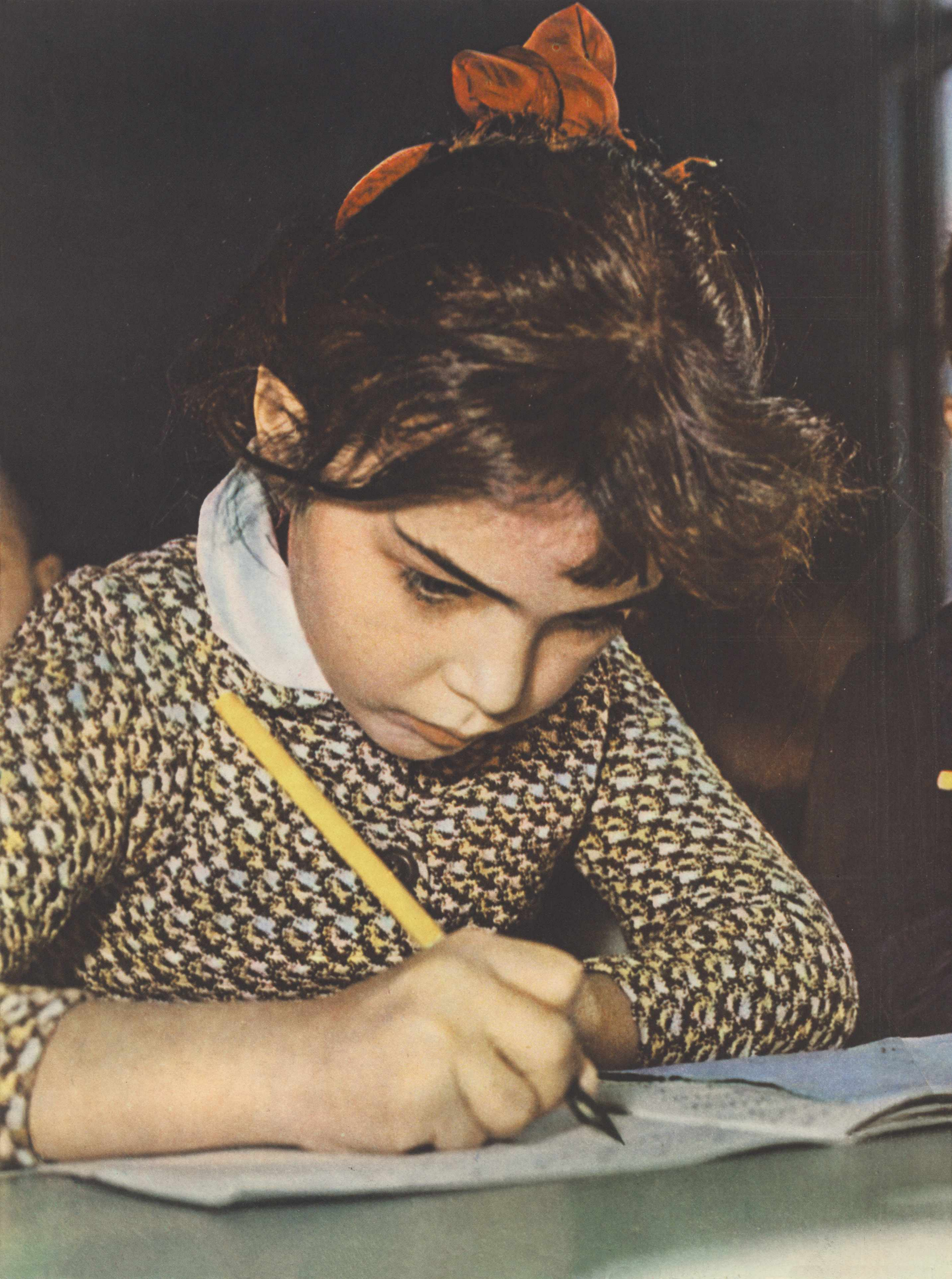
— Есть ли у вас ученики?

— О, учеников много. Во Дворце культуры мастерская. Обучают мастера Раджабов, Салиев и другие...

...На здании Дворца культуры — мраморная доска с высеченными стихами Саади. В прозаическом переводе они звучат так: «Сколько

Воспитательница Валентина Кахановская с маленьким Мурадали.

В классе.

На всех парусах.

Трудная задача.

Зооуголок.

Спи спокойно, маленькая Риан...

«Поезд» тронулся.

бы ты ни учился, но если у тебя нет практики, ты глупец».

Все вокруг нас говорило о великой практике, которой занимаются колхозники «Москвы».

Саидходжа Урунходжаев молча поглаживал седоватые усы. Тридцать лет председательствует он в этом колхозе. Ничего здесь не было — голая земля, пустыри. Тридцать лет прошло. Тридцать лет! И вот этот полный, неторопливый человек, которого можно было бы назвать колхозным маршалом (артель дает десятки миллионов прибыли в год), смотрит сейчас спокойными и вместе с тем как бы удивленными глазами на все, что происходит вокруг. Нет, недаром прошли годы! Люди живут, борются, строят. Постоянно строят. Рядом с Дворцом культуры, с его залами, кабинетами, аудиториями поднимается новое здание — школа-интернат для колхоза.

— Стоимость интерната двенадцать с половиной миллионов,— говорит Урунходжаев.— Очень любим мы наших детей. Эта школа будет девятнадцатой в колхозе.

Чем больше путешествуешь по Таджикистану, тем больше восхищаешься всем, что видишь. Знаменитая Вахшская долина — заповедник белого золота. Здесь все строится: сносят глиняные кибитки, возводят новые дома для колхозников, сооружают межколхозный санаторий. Мы были в нем. Прекрасное здание на двести человек. Каждая палата на двоих. Озеро, посреди которого островок. Здесь будет чайхана...

Нам показывают хлопковый завод. Его строит колхоз имени Ленина.

В Таджикистане есть поговорка: «Богатого поздравляют, когда он что-либо найдет, найдет бедный — удивляются: как это ты нашел?» В Таджикистане уже перестали удивляться всему, что происходит вокруг, что создается руками тружеников республики. Удивителен этот сплав новых характеров и новых достижений в жизни.

Мы побывали на электростанции «Дружба народов», расположенной возле Ленинабада. Она построена усилиями двух республик — Узбекистана и Таджикистана. И ток дает двум республикам. Но кажется, что в каждом сердце живущих здесь людей находится своя маленькая электростанция «Дружба народов»: так тесно, так плотно связаны они друг с другом. Нам советовали познакомиться с секретарем Курган-Тюбинского райкома партии Н. П. Парамоновым. О нем говорили: «Николай Петрович — интереснейший человек. Приехал юношей сюда и остался навсегда в Таджикистане».

Мы повидались с Николаем Петровичем. Да, он действительно приехал сюда юношей. Да, он не предполагал оставаться здесь, этот паренек из Сызрани, работавший там на кожевенном заводе. По комсомольской путевке его прислали в Таджикистан. Да нет, что вы! Он рассчитывал быть здесь не больше года!

Его направили на Вахшстрой. Это было в начале тридцатых годов. Да нет же, Парамонов меньше всего собирался оставаться в Таджикистане. Но год сменялся годом. Николай Петрович перешел на партийную работу. Война его застает слушателем ленинских курсов. Парамонов — батальонный комиссар, защитник города Ленина. Опухший от голода, он все же выживает. В 1943 году его направляют во вторую ударную армию. 27 февраля 1944 года, после прорыва трех линий немецкой обороны на подходах к Нарве он падает лицом в снег, перерубленный пулеметным огнем. Пять пуль получил Парамонов. Его отвезли в Таджикистан. Положенное время отлежал, встал на ноги, просился на фронт, но ему отказали: «Будешь заканчивать войну здесь, в Таджикистане». Николай Петрович снова стал секретарем райкома партии.

После войны жили трудно. И Парамонов понял: он не имеет права уехать отсюда никогда и никуда. Как коммунист, как русский человек, он обязан помочь своим друзьям и братьям поднять запущенное сельское хозяйство.

Он знает, что такое тяжелая жизнь, сам когда-то был беспризорником, ездил в «собачьих ящиках». Но это все было, когда молодая Советская республика только-только поднималась на ноги.

Сейчас — прошла война, страна выстояла, разгромила врага, завоевала всесветную победу. Парамонов понимал это. Прихрамывая, ходил от дома к дому, подбирал работников, привлекал молодежь, верных помощников. Надо было вести бой за урожайность, вести бой за то, чтобы хлопчатник сеяли квадратно-гнездовым способом. Консерваторы сопротивлялись. С 1954 года все пошло по-другому. Люди стали работать не за страх, а за совесть.

Сейчас в Вахшской долине поднимаются все новые сады и виноградники. Мы их видели — бесконечные ряды виноградных лоз, яблонь, груш.

Решается одна проблема, возникает другая. Долго думали, как перейти в колхозах на денежную оплату. И нашли правильный путь. Теперь все колхозники довольны, каждый месяц — зарплата, каждый год — отпуск. Много сделано, а дел все невпроворот. Еще нет хороших машин для тонковолокнистого хлопка, их надо создавать. Кто об этом будет думать? И снова предложения идут из Курган-Тюбинского района.

Сотни, тысячи забот у курган-тюбинских коммунистов! В этом и счастье жизни.

...Мы сидим с Николаем Петровичем. Скромный человек, из которого щипцами не вытащишь слова о себе, вдруг забывает обо всем, когда начинает говорить о красотах Таджикистана. Да, полной жизнью живет здесь этот бывший сызранский паренек, русский человек, снискавший такую любовь и уважение братьев-таджиков. Золотая звездочка Героя Социалистического Труда поблескивает на его груди. Это о таких, как Николай Парамонов, говорил первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Турсун Ульджабаев, выступая в Сталинабаде на открытии декады русской литературы: «В боях за Советскую власть, в трудовых буднях социалистических строек родилась, окрепла и закалилась вечная братская дружба русского и таджикского народов. Русский с таджиком — братья навек, и нет такой силы, которая могла бы разрушить или подорвать это великое братство!»

Вот ты какой, Таджикистан! Какой ты широкий, добрый, как хорошо под твоим звездным небом, под твоими снежными горными отрогами, под Памиром, который где-то там, высоко, и где идет жизнь, не менее бурная, чем в Вахшской долине. Вот ты какой, Таджикистан! Велико счастье узнавания, радость встречи с твоей золотой землей!

И когда повидаешь эту удивительную страну, поездишь по ее горным дорогам и осенним долинам, то поймешь, почему так душевно говорят о своей республике партийные и советские работники, экономисты и поэты, все те, кому принадлежит ее сегодняшний и завтрашний день. В их устах каждая цифра поет. В самом деле — за все предыдущие годы в хозяйство Таджикистана было вложено 10 миллиардов рублей, а за семилетие будет вложено 11 миллиардов. Слушайте дальше. Здесь будет развита горная промышленность. Будут добываться золото, серебро. Поднимется новый энергетический каскад: кроме электростанции «Дружба народов», ныне самой большой электростанции в Средней Азии, поднимется Головная ГЭС на Вахше, а затем развернется строительство мощной Нурекской ГЭС — дальнейшее движение и огромный рост энергетики всей Средней Азии. А еще будут новые крупнейшие промышленные предприятия, начнется энергичное освоение пустынь. 300 тысяч гектаров земли оросят для высших сортов хлопка.

Бедный, нищий дореволюционный Таджикистан, разве мог ты думать об этом?! Уже сейчас республика выпускает в год 45 миллионов метров ткани, а семилетка предусматривает 105 миллионов метров. К 1965 году Таджикистан даст до 53 миллионов метров шелковых тканей — вдвое больше, чем в настоящее время. В Ходженте строится ковровый комбинат. Каракуль, смушка, шерсть — всего становится больше. В республике, насчитывающей около двух миллионов жителей, имеется 29 высших учебных заведений и техникумов, 30 тысяч студентов, 360 тысяч школьников, а те, кто еще учится в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Баку, — 400 тысяч учащихся на два миллиона! Вам нравятся эти цифры?

А сотни маститых и молодых, жаждущих творчества ученых, объединенных Академией наук Таджикистана!

Мы слушали прекрасных певиц, их изумительные соловьиные голоса звенели под сводами Государственного театра оперы и балета имени Садриддина Айни.

Секретарь Курган-Тюбинского райкома партии Н. П. Парамонов.

А таджикская литература? Ее знаменитые классики? Мудрый современник Максима Горького Айни. А стихи Мирзо Турсун-заде, лауреата Ленинской премии, славного борца за мир и дружбу народов? Вместе с ним хочется повторять его стихи о прекрасной столице Таджикистана:

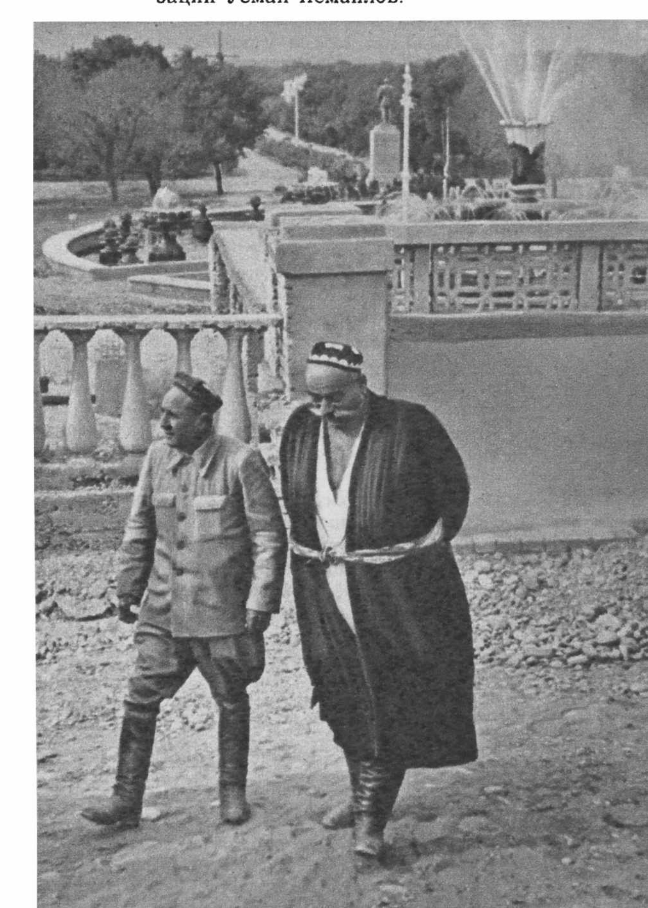
Торжественно светает... Как же здесь
Утра, в Сталинабаде, хороши!
Из-за холмов, как радостная весть,
Весенняя заря встает в тиши.

Фонтаны плещут, и, лаская взгляд,
Цветы коврами яркими горят.
Шумящие потоки горных вод,
Как пояса, объемлют город-сад.

Далеко оглашается простор
Гудком. За ним еще один, другой,
Поют, сливаются в могучий хор
Промышленности нашей молодой.

Как же все-таки хорошо бывает чувствовать горячую руку дружбы, познавать радость новых встреч, навсегда увозить в сердце образы замечательных людей! До чего же хорошо видеть будущее, каким оно видится в детях, да, именно в детях того прекрасного сада, что раскинулся на территории школы-интерната в Сталинабаде!

Председатель колхоза «Москва» Саидходжа Урунходжаев (справа) и секретарь парторганизации Усман Исмаилов.

СТАНЦИЯ „МАЛЬЧИКИ"

Юрий ЯКОВЛЕВ Повесть **Рисунки П. САРКИСЯНА.**

10. Костер в снежной крепости

Должны же быть на станции «Мальчики» мальчишки? Или человек, давший название станции, жестоко подшутил над Алешей? А если они действительно есть, то неужели пес — верный спутник следопытов — не поможет найти их след?

И пес решил помочь. Он побежал впереди. Алеша зашагал следом. Временами пес оглядывался, чтобы удостовериться, поспевает ли за ним Алеша. Они свернули в небольшой переулочек, который так занесло снегом, что он был похож на гребень снежного хребта. Тропинка то поднималась вверх, то опускалась вниз. Ноги скользили. И один раз Алеша чуть не упал, но в последнюю минуту удержал равновесие. Пес Пятница скакал по тропке, как горный козел. Ему все было нипочем.

Но вот хребет кончился, и путешественники спустились в долину — вышли на широкую улицу. Вот тут-то Алеша наконец встретил истинных аборигенов станции «Мальчики»— мальчишек. Их было много: десять, а может быть, двадцать. Ребята соорудили снежную крепость. И когда Алеша со своим верным спутником появился на большой улице, начался снежный штурм. Снежные ядра летели в снежные стены и попадали в снежных ребят. Именно в снежных, потому что все участники боя были с ног до головы облеплены снегом.

Алеше очень захотелось скомкать в ладошках снежок и кинуться в бой. Но, соблюдая этикет, одинаковый для всех мальчишек мира, он терпеливо стоял в сторонке и ждал, когда его заметят. И его заметили.

Снежный натиск сразу пошел на спад. Ребята стали разглядывать Алешу и перешептываться: «Новенький!» А как известно, новенький — целое событие в мальчишеской жизни!

Новенького всегда встречают ледяным презрением. Ему приписывают множество отвратительных качеств, хотя на деле он может оказаться очень хорошим малым. Каждый на всякий случай считает его хвастунишкой (хотя он еще не успел раскрыть рта), задирой (хотя он скромно стоит в сторонке), ябедой (хотя он еще не знает ни одного имени), трусом (хотя он еще не ретировался в драке). И нет в мальчишеских душах ни снисхождения, ни сочувствия к новенькому. Ему неизбежно предстоит пройти суровое испытание, прежде чем он будет принят в шумное братство мальчишек.

Алеша хорошо знал этот закон, не имеющий исключений, и мужественно приготовился к испытаниям.

После короткого военного совета, который осажденные и нападающие немедленно провели у стен крепости, самый рослый парнишка подошел к Алеше. Он был рыжий, как огонь: челка рыжая, брови рыжие, ресницы рыжие, и глаза тоже были рыжие. Взрослые называют такие глаза светло-карими.

— Ты к кому приехал? — спросил парнишка независимым тоном. Он мог себе позволить так говорить, так как за его спиной стояло целое войско.

— Ни к кому,— ответил Алеша.

— Рассказывай! — недоверчиво пробурчал рыжий и сдвинул шапку на затылок.

От этого он стал еще рыжей.

Алеша стоял и молчал. Снежная гвардия надвигалась все ближе. И верный Пятница тревожно замахал хвостом. А разговор продолжался.

— Московский?

— Из Москвы.

— Московские все такие надутые.

— Я не надутый.

— Рассказывай!

Было похоже на то, что все эти дипломатические переговоры окончатся дракой. Рыжий только искал повода, чтобы от слов перейти к делу. И плохо пришлось бы Алеше, если бы ему в голову не пришла неожиданная мысль.

— А я умею костры разжигать, на время,— сказал он.

— Как на время? — заинтересовались ребята.

— А так, — объяснил Алеша, — вы сосчитаете до ста — костер будет гореть.

Сообщение Алеши произвело на ребят необходимое впечатление.

— Давай, давай! — закричали они.

Отступать было некуда. И Алеша повелительно сказал:

— Тащите хворост!

Сами не замечая того, ребята сразу подчинились приказу новенького. Все бросились в разные стороны, и не прошло и минуты, как один тащил сломанный ящик из-под печенья, другой — полено, третий — кусок картона. Алеша сделал в снегу ямку и стал складывать в нее весь горючий материал, который натаскали ребята. Он это делал спокойно и уверенно, но в глубине души волновался: а вдруг костер не зажжется, что тогда? Пятница стоял рядом и внимательно наблюдал за тем, что делал его повелитель. Теперь его хвостик на пружинке напоминал стрелку прибора, испытывающего новую машину. Он волновался.

Наконец костер был сложен.

— Готово! Готово! — закричали ребята.— Зажигай!

— Нужны спички,— сказал Алеша и стал шарить в карманах, хотя откуда в них было взяться спичкам...

И вдруг тоненький голосок произнес:

— У меня есть спички. Много!

Это был маленький мальчик, закутанный и круглощекий, как шарик. Казалось, он не пришел сюда, а прикатился, как колобок. Колобок держал в согнутой руке, как дрова, два батона с откусанными горбушками и кирпичик черного хлеба. В другой руке у него была пачка спичек — целых десять коробков! Колобок шел из магазина и свернул с дороги из любопытства.

— Давай! — сказал Алеша и, взяв в руки коробок, опустился на колено.— Считайте до ста!

— Раз, два, три, четыре...

Алеша чиркнул спичку, но ветер мгновенно погасил ее, словно специально стоял у него за плечами и ждал удобного момента.

— Двенадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Теперь Алеша был уже осторожен. Он сложил руки коробочкой и чиркнул второй спичкой. Спичка горела, как фитилек в фонарике. А ладошки просвечивали насквозь. Две варежки бесполезно болтались на тесемочках, как на привязи. Алеша вспомнил, как вожатый Костя учил старших ребят разжигать костер. И он старался делать все так же, как пионеры в лагере, соревнуясь на лучшего кострового.

— ...Тридцать девять, сорок, сорок один...

Вспыхнула бумага. Алеша лег перед костром и стал дуть на огонек. Щеке было холодно: она касалась снега. Но Алеша терпел.

Пламя было хилым и болезненным. Оно то оживало, то умирало. Если бы можно было, Алеша отдал бы ему все свое тепло, только бы оно не погасло.

— ...Шестьдесят пять, шестьдесят шесть, шестьдесят семь...

Ребята считали очень быстро. И Алеша хотел было сказать: «Не торопитесь, это не по правилам»,— но для этого нужно было перестать раздувать пламя, а оно могло погаснуть.

— ...Восемьдесят девять, девяносто...

«Ну гори же, костер! Очень прошу тебя!» И тут, словно сочувствуя Алеше, пламя окрепло. Запахло дымом. Затрещал ящик из-под печенья.

— ...Девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь!.. Горит! Горит! — закричали ребята.

А мальчик-колобок тоненьким голоском запел:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Птички летят,
Колокольчики звенят!

Костер пылал. Он горел щедро, дымно, в полную силу. Ребята потянулись к огню. Каждому хотелось погреть руки, чтобы испытать, настоящий ли это костер.

— Здо́рово у тебя получается! — сказал молчавший до этого времени высокий худой мальчик в очках. Он был, как и все, в снегу, и даже очки его были залеплены снегом.

— Могу научить,— сказал Алеша.

— И меня! И меня! — загалдели ребята.

— Меня первого,— сказал Колобок,— ведь я тебе спички дал!

И он откусил последнюю уцелевшую горбушку.

— А как тебя звать? — спросил Алешу парень в очках.

— Алешкой,— ответил он.— А тебя?

— Я Марат.

— Марат, — повторил Алеша. Ему очень понравилось это необычное имя.

В эту минуту Алеша был почти счастлив.

Кто сказал, что звери боятся огня? Хотя пес Пятница и был потомком диких зверей, костер

Окончание. См. «Огонек» № 49.

не испугал его. Он протиснулся между ребячьих ног, которые, как живой забор, окружили костер, и все время норовил сунуть свой черный носик в самое пламя. Пятница вдыхал в себя горьковатый дымок и жмурил глаза от блаженства. Он пожинал лавры своего друга.

Горел костер. Таяли снежинки. А вместе с ними таял лед недоверия. Алеша был признан полноправным гражданином станции «Мальчики».

11. Старшина Синяк

Торжество не бывает вечным. Каждому торжеству приходит конец. Иногда торжество потухает постепенно, как свет в театре. Но порой оно гаснет неожиданно и мгновенно, как свет в квартире, когда перегорают пробки.

Именно так произошло и теперь. Торжество было неожиданно прервано появлением блюстителя порядка, старшины Синяка. Он незаметно появился за спиной ребят, и верный Пятница не успел тявкнуть, извещая о приближении опасности, а на улице уже зазвучал трубный голос старшины:

— Поселок хотите спалить?

Если бы над тихой станцией «Мальчики» грянул салют из сорока орудий, он произвел бы на мальчишек, столпившихся у костра, меньшее действие, чем спокойный голос старшины.

Оказалось, что каждый из ребят представляет собой сжатую пружину. Теперь все пружины мгновенно разжались, и огнепоклонники разлетелись в разные стороны.

У костра остались двое: Алеша и Марат. Первый — от неожиданности, второй — из солидарности.

— Поселок хотите спалить? — повторил старшина Синяк, и от его ледяного голоса костер сразу ослаб.

— Нет, не хотим,— сказал Алеша.

— Не хотим,— повторил старшина так, как будто записал каждое Алешино слово.— А для чего с огнем балуете?

— Мы не балуем,— сказал Марат.

— Помолчи,— растягивая буквы, произнес Синяк,— не тебя спрашиваю.

Он желал говорить только с Алешей, будто его профессиональная проницательность безошибочно определила, кто был создателем этого очага пожара.

Глубоко ошибается тот, кто считает, что ложь является лучшим средством спасения. Нет, чаще простая правда оказывается чудодейственной палочкой-выручалочкой.

— Пионеры в лагере учились костры разжигать, на время. Я тоже научился и показал ребятам, как это делается, — сказал Алеша.

Он думал, что это правдивое объяснение вряд ли поможет ему, ибо, как он понял, этим костром нарушил какой-то неведомый закон станции «Мальчики» и должен за это держать ответ.

Но его слова произвели на старшину Синяка совершенно обратное действие. Во-первых, у старшины изменился голос: из трубного он стал простым, комнатным. Во-вторых, в ледяных глазах блюстителя порядка мелькнули веселые любопытные огоньки.

— Как на время? Расскажи.

И Алеша рассказал про лагерь, про вожатого Костю, про состязание костровых.

— Вот здорово! — воскликнул Синяк.— А когда я был пионером, нас этому не учили. Другое время было. Слушай, а ты покажи мне, как это делается.

Красные погоны и красные петлицы делали участкового похожим на снегиря. Алеша, подумав об этом, улыбнулся и стал объяснять, как следует разжигать костер, а старшина слушал. И когда Алеша кончил свое объяснение, милиционер сказал:

— В жизни все может пригодиться... А ты приезжий, что ли?

Алеша умолк. Ему опять задали вопрос, на который так трудно было ответить. И тут Марат пришел ему на помощь. Он сказал:

— Алеша ко мне приехал.

— Друг, значит?

— Друг!

— Ну, пока,— сказал старшина Синяк.— А костер вы погасите: неудобно в поселке огонь жечь. Пожарная инспекция мне всыплет.

Алеша и Марат не представляли себе, что есть на свете такая сила, которая может «всыпать» строгому старшине милиции. И оттого, что она все же есть, старшина показался им еще более симпатичным.

Милиционер ушел. Костер догорел. Ребята не появлялись. Было время обеда, и все разошлись по домам.

— Мне пора,— сказал Марат.

— Я тебя подожду,— сказал Алеша.

И снова он остался один. Совсем один, если не считать летнего пса по прозвищу Пятница.

12. Одиночество

Говорят, радость летит на крыльях. У горя нет крыльев. Оно движется медленно.

Горе отстало от стремительной электрички, на которой Алеша ехал на станцию «Мальчики». Оно боялось приблизиться к мальчику, когда Алеша был в окружении ребят. Но теперь, улучив момент, когда Алеша остался один, оно явилось к нему. И снова защемило сердце. Напрасно Пятница с полной готовностью помочь заглядывал в глаза своему другу и повелителю; он не мог вцепиться зубами в горе: ведь оно ходит по свету в шапке-невидимке.

Алеша вспомнил маму, папу, утреннюю ссору. И снова возник неразрешимый вопрос: почему родные, любимые люди нарочно делают друг другу больно? Они считают, что все, что между ними происходит, не касается Алеши. Но это не так: Алеша страдает.

Жизнь в представлении Алеши была разделена на две части: на детскую и взрослую. Детской жизнью была школа, утренние сеансы в кино, «детские» книжки, «детские» коньки, «детские» врачи. У взрослых все было свое: и книжки, и врачи, и кинофильмы. Детей не пускают во взрослую жизнь. На афишах пишут обидные слова: «Детям до шестнадцати лет вход воспрещен». В библиотеках говорят: «Эта книга для взрослых».

Почему же Алешино горе было не из детской жизни? Почему жизнь не защитила его от взрослого горя, ведь оно Алеше не под силу?

Неподалеку от снежного поля боя, мимо платформы станции «Мальчики», с простуженным свистом пробежал паровоз. Он выдохнул огромную порцию дыма. Дым расплылся по голубому небу, вымазал сажей облака, закрыл солнце, и оно сразу стало тусклым и темным шариком, как в закопченном стеклышке. Нет, это было не маленькое стеклышко, которое можно оторвать от глаз. Облако черного дыма расползалось по небу, закрывая собой полсвета. И Алеша смотрел на небо в надежде, что ветер развеет дым и солнышко снова прозреет. Но было безветренно. И дым застыл без движения...

Вы знаете, какое самое вкусное кушанье на свете? Печеная утка или котлеты с макаронами? Жареная картошка и сколько хочешь компоту? Нет! Самое вкусное — хлеб. Кусок черного хлеба, даже немного черствого. Это хорошо знает голодный человек. И наш герой неожиданно почувствовал сильный голод. Он не ел с самого утра: ушел из дому, так и не позавтракав. Самое вкусное, самое лакомое, самое прекрасное — хлеб. Но хлеба не было. Как, впрочем, не было ничего: ни дома, ни тепла, ни скамейки, чтобы присесть.

Молча ходил Алеша по снежной крепости, по опустевшей площади, бывшей веселым бранным полем. И за ним по пятам шагал тоже голодный, но все же не такой несчастный пес Пятница. Оба они чувствовали себя, как на необитаемом острове.

Что будет дальше? Через час? Через день? Через год?

Надо куда-то идти, что-то делать. А может быть, просто заплакать? Нет, нет! Покуда есть силы, надо крепиться.

В сказках в такие минуты обычно появляются добрые феи. Фея не пришла к Алеше, потому что станция «Мальчики» не была сказочной страной, а была самой обычной: с продмагом, со школой, с киоском, обросшим сосульками, и милиционером по фамилии Синяк.

Но если на свете нет добрых фей, то доброго человека встретить не так уж трудно.

— Алеша!

Мальчик вздрогнул от неожиданности и оглянулся. К нему в пальто нараспашку бежал Марат.

— Алеша! Пойдем к нам, мама зовет.

Алеша стал было бормотать, что это неудобно, что ему и здесь хорошо, но Марат уже тащил его за рукав, а глаза так весело светились из-за стекол очков, что Алеша сдался и послушно пошел за Маратом.

Так он очутился в совершенно незнакомом доме у совершенно незнакомых людей.

13. Переживания Пятницы

На крыльце, на досках, очищенных от снега, сидел пес Пятница. Вид у него был унылый. Уши опущены. Короткий хвостик не вертелся, будто у невидимой пружинки кончился завод. Из-под двери в щелку веяло теплом. Пятница

приблизился к этому теплому течению и лег. Он вытянул лапы, положил на них голову и закрыл глаза.

Но он не спал. Он думал:

«Неужели я ошибся в друге? Я его водил по всем знакомым мне тропкам и не бросил в трудную минуту, когда жестокие мальчишки (я-то хорошо знаю их нрав!) устроили ему испытание. А он оставил меня одного. Ему хорошо — он в тепле, а я дрожу в своей легкой шкурке. Он, наверное, грызет кости и ест теплую похлебку, в которую накрошены крупные куски хлеба. А я голоден.

А может быть, он сейчас выйдет и вынесет мне мозговую косточку с хрящиками и остатками мяса или целую миску вкусной еды?..»

На этом месте Пятница прервал свои мысли и открыл один глаз, чтобы посмотреть, не идет ли Алеша с костью или с миской. Но никто не шел. Тогда Пятница жалобно тявкнул: то ли хотел пристыдить друга, то ли позвать его. И снова он закрыл глаза. Он не уходил. Он верил в человека. И твердо решил окоченеть, но дождаться его. Таким был этот славный бездомный пес, получивший сегодня имя Пятница.

14. Обед

У взрослых есть нехорошая привычка расспрашивать. Стоит маленькому человеку переступить порог незнакомого дома, как ему тут же будет задано по меньшей мере пять вопросов: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет? На кого ты похож — на папу или на маму? Как ты учишься? Кем ты собираешься стать — летчиком или поэтом?»

Большинство взрослых, обращаясь к маленькому человеку с этими вопросами, порой даже не удосужатся выслушать ответы. Задав эти вопросы, они считают, что выполнили долг перед молодым поколением, проявили внимание, заботу и так далее и тому подобное.

Когда Алеша, подталкиваемый другом, красный от смущения, вошел в дом, мама Марата не задала ему ни одного вопроса. Она только

внимательно посмотрела на него и просто, как будто Алеша каждый день бывает у них в доме, сказала:

— Раздевайся, Алеша. Мойте, ребята, руки, будем обедать.

Алеша покраснел еще больше и, запинаясь, сказал:

— Спасибо... я не хочу.

Он был человеком с характером и считал такой ответ достойным мужчины. Да у него и в самом деле в это мгновение от волнения пропал аппетит.

Но мама Марата с притворной строгостью сказала:

— Что?! Без разговоров.

И Алеша сдался.

Мама Марата была высокой, светловолосой. Она, как и Марат, носила очки. Держалась она так прямо, что, казалось, ей никогда не приходилось нагибаться. Движения у нее были широкие, немного резкие. «Строгая», — решил Алеша. Но в это время она сняла очки, и лицо ее сразу стало добродушным и даже немного беспомощным. Казалось, вся ее строгость была в этих очках, как сила Черномора — в бороде.

В это время из соседней комнаты вышел папа Марата — тоже высокий и тоже в очках. Лицо у него было такое моложавое и глаза такие озорные, будто он был не мужчиной, а очень большим мальчиком. В одной руке он держал раскрытую книгу, в другой — карандаш. Он только что завершил занятия и, как каждый человек, окончивший дело, был в хорошем расположении духа.

— Поторапливайтесь, а то есть хочется! — сказал он. И, посмотрев на Алешу, сказал: — Здравствуй, Алеша!

Алеша открыл рот, чтобы ответить на приветствие, но Марат уже утащил его за рукав в другую комнату. Стягивая с него шубу-дубленку, он говорил:

— Ты не удивляйся, что у нас в семье все в очках. Мы, Карнаковы, все близорукие.

Алеше показалось, что он произнес эти слова с гордостью. А Марат уже тащил его к умывальнику, совал ему в руки мыло, полотенце, торопил, будто не хотел ему дать опомниться.

Когда человек маленький, у него всего одно имя. Когда он немного подрастает, к имени добавляется фамилия. А когда становится взрослым, появляется еще отчество. Говорят, в Европе у людей нет отчеств, а на Востоке есть даже старики, носящие одно лишь имя, без отчества и фамилии.

Алеша думал об этом, не решаясь спросить у Марата, как звать его маму и папу. Но Марат хотя и не был человеком, умеющим читать чужие мысли, вдруг сказал сам:

— Мою маму зовут Ольга Ивановна, а папу — Сергей Владимирович. — И добавил: — Ты не стесняйся. Они хорошие.

Алеша почему-то вспомнил о своих папе и маме, и ему захотелось сказать: «Мои тоже хорошие»,— будто кто-то ставил это под сомнение.

Хотя семья Карнаковых встретила незнакомого Алешу без обычных вопросов, мальчик понимал, что рано или поздно его спросят, кто он и откуда. И каждый раз, когда кто-нибудь во время обеда обращался к нему, сердце его обрывалось: «Сейчас спросят». Но речь шла о другом.

— Знаете ли вы, что такое ПЭС? — спросил Сергей Владимирович, обращаясь к обоим мальчикам.

Мальчики молчали. Они не знали, что такое ПЭС.

— ПЭС — это приливная электростанция,— говорил папа Марата, и в глазах его вспыхивали огоньки.— Турбины ПЭС приводятся в движение морским приливом. Здорово?

— Здорово! — сказал Марат.

Алеша закивал головой: у него был полон рот.

Сергей Владимирович работал зоотехником в соседнем совхозе, но он был человек увлекающийся, мечтательный. Порой создавалось впечатление, что он даже немного стеснялся своей обыденной специальности — вечно он говорил о плотинах, турбинах, реакторах. Его планы казались бы несбыточными, если бы он по вечерам не сидел за книгами и учебниками: он вдруг стал студентом-заочником энергетического института. А утром он снова спешил к своим телкам, выслушивал их, взвешивал и трепал по холке.

Ольга Ивановна была учительницей. Она относилась к своему мужу немного покровительственно, как обычно относятся к мечтателям. Но где-то в глубине души верила, что рано или поздно он создаст что-то удивительное.

Обед шел полным ходом. Тарелки мелели, как моря во время отлива.

В это время Алеша услышал тихий лай. «Пятница!» — подумал он, и ему стало стыдно, что он обедает в тепле, а его дружок голодает на морозе. И тогда, превозмогая неловкость, он спросил:

— Можно я отнесу косточку Пятнице?

— Какой Пятнице? — спросил папа Марата и улыбнулся.— Что у тебя за Пятница, товарищ Робинзон?

— Это собачка такая,— сказал Алеша,— она голодная.

— Конечно, можно,— сказала Ольга Ивановна,— можешь прихватить и мою косточку.

И тут вмешался Марат:

— Мама, давай впустим пса в кухню!

Алеша даже не смел мечтать о таком счастье для Пятницы. А Ольга Ивановна посмотрела на него испытующе и, видимо, поняв, что это будет приятно Алеше не менее чем псу, сказала:

— Ладно. Только в комнату его не впускай.

Нет, в людей все-таки стоит верить! Недаром Пятница терпеливо поджидал своего друга на морозе. Его страдания вознаградились. И, похрустывая в теплой кухне косточками, он со стыдом думал, что мог хоть на минуту усомниться в своем друге. Откуда только взялся завод у пружинки — хвостик махал легко и

безостановочно. Глаза весело поблескивали. А челюсти двигались с такой силой, что могли бы без труда разгрызть даже железку. И если на свете бывает седьмое небо, то маленький черноносый пес Пятница был именно там — на седьмом небе.

15. Признание

Обед кончился. Марат стал показывать другу коллекцию марок.

— Самые ценные марки, — сказал он Алеше.— Вот марка Гвинеи, а вот Кубы...

Марки мелькали перед Алешей. А вместе с ними перед его глазами проплывали пальмы, ливанские кедры, египетские пирамиды. И Алеше казалось, что он бредет по этим далеким незнакомым странам и нет ему возврата домой.

И тревожные мысли снова вернулись к нему. Что будет дальше? Ну, посидит он здесь полчасика, а потом надо будет уходить. Куда? Горе вышло из темного уголка и вплотную подошло к Алеше.

— У тебя что-нибудь случилось? — спросила Ольга Ивановна.— Ты провинился?

Алеша покачал головой.

И вдруг слезы одна за другой потекли по его широким скулам, по большим веснушкам.

— Они ссорятся...— говорил Алеша.— Все время ругаются из-за меня. Вот я и ушел куда глаза глядят...

И в комнате стало тихо. И было только слышно, как всхлипывает Алеша.

Любовь — это что-то незаметное и необходимое. Алеша очень любил своих родителей, но в обычные, хорошие дни он не замечал этой своей любви. Зато сейчас далеко от дома, на незнакомой станции «Мальчики», он почувствовал эту любовь. Но она не принесла ему радости, а, наоборот, причинила страдание. И он сквозь слезы сказал:

— Хочу домой!

Никто не знал, как трудно было ему произнести эти слова. Его гордость была унижена. Он почувствовал себя слабым и беспомощным. Он погибал. Но слова «хочу домой» стали для него тем спасательным кругом, который не дал ему пойти ко дну.

Ольга Ивановна наклонилась к нему и сняла очки. И от этого она стала уютной и родной. И Алеша поднял на нее свои глаза, полные слез.

Ему нужно было сказать, что он знает дорогу, что ему нужно только три рубля пятьдесят копеек на билет, а от вокзала он дойдет сам. И что деньги он обязательно отдаст: пришлет по почте. Но почему-то он не мог произнести ни слова.

А Ольга Ивановна сказала:

— Собирайтесь, мы поедем провожать Алешу!

Она выпрямилась, надела очки и снова стала похожа на строгую полновластную хозяйку дома.

— Вот здорово! — сказал Марат.— В Москву поедем!

— Отлично! — сказал Сергей Владимирович.— Иду натягивать ботинки.

И весь дом пришел в движение. Все собирались в дорогу дружно, без суеты, без споров, не мешая друг другу. Словно в доме, как на хорошем корабле, все знали, что кому надо делать.

Алеша сидел на стуле и наблюдал за приготовлениями. В это время он почувствовал, что кто-то трется о его ногу. Он наклонил голову и увидел Пятницу. Пес смотрел на него глазами, полными счастья, благодаря его за верность и за обед. «Не стоит унывать! — говорили его глаза.— Жизнь не так страшна, если смотреть на нее веселее. Слышишь, мой повелитель!»

И Алеша решил, что никогда не расстанется с Пятницей.

16. Прощай, станция «Мальчики»!

Прощай, станция «Мальчики»!

До свидания, домики ростом в один этаж, дорожки, проложенные в снегу, киоск с сосульками, похожими на неровную ледяную челку. До свидания, холодные угольки костра! До свидания, мальчишки, в честь которых названа станция, и старшина милиции Синяк!

Было уже темно, когда Алеша с Маратом, Ольгой Ивановной, Сергеем Владимировичем и неизменным Пятницей поднялись на пустынную платформу станции «Мальчики». Теперь все они, конечно, исключая летнего пса, знали о том, что заставило Алешу пуститься в путь, и семья Карнаковых убедила его, что он не лишний человек в доме, что папа и мама, забыв о всех своих ссорах и раздорах, наверняка сбились с ног, разыскивая сына. Они очень ждут его, и поэтому надо спешить.

Алеша шел впереди со своим новым другом, и они вели разговор.

— А у тебя есть марка со снежным человеком? — спрашивал Алеша.

И Марат отвечал:

— А разве такая марка есть?

— Должна быть! — убежденно говорил Алеша.— Ведь есть марка со спутником, с атомоходом. Все, что открывают люди, рисуют на марках. Мне бы очень хотелось повидать снежного человека, а тебе?

— Где его увидишь? — отвечал Марат, и друг тут же уточнял:

— В Тибете. Вот бы попасть в Тибет!

— У меня есть китайская марка,— говорил Марат.

— Я буду присылать тебе письма с красивыми марками, ладно? — откликался Алеша.

— Запиши мой адрес, — говорит Марат.

— Мне негде записать, я запомню.

— А не забудешь?

— Нет, никогда не забуду. Говори!

— Станция «Мальчики», улица...

Но тут из-за спины послышался голос Сергея Владимировича:

— Поторапливайтесь! Скоро поезд.

На платформе горел фонарь. Он был похож на перевернутую тарелку. Ветер слегка раскачивал фонарь, и тень от столба ходила по снегу взад-вперед, как маятник. На платформе было несколько пассажиров и дежурный по станции в красной шапочке. На этот раз он оказался мужчиной с бородой. И Алеше показалось, что это утренняя дежурная ради шутки приклеила себе бороду.

— Четыре билета,— сказал папа Марата, склонившись к светящемуся окошечку кассы.

— Я один доеду, спасибо,— сказал Алеша.

Но Марат потянул его за рукав.

— Нет, нет, мы поедем вместе. Поговорим в поезде.

Вдалеке показались огни электрички. Алеша еще раз оглянулся на станцию. На белом щите крупными черными буквами было написано: «Мальчики». Еще утром это была незнакомая, чужая станция, а сейчас она навсегда вошла в Алешину жизнь. Потому что любой уголок земли, где ты встречаешь друзей, становится родным.

Поезд был уже совсем близко, когда Алеша вспомнил о Пятнице. Маленький песик ни на шаг не отходил от него, полностью доверив ему свою судьбу. Неужели сейчас они расстанутся навсегда?

— А как быть с Пятницей? — спросил Алеша.

Сергей Владимирович покачал головой. Ольга Ивановна сказала:

— Придется оставить его здесь. С собаками в поезд не пускают.

В это время поезд подошел к платформе и затормозил. Все сели в вагон. На перроне остался один только пес Пятница. Он стоял, маленький, одинокий и несчастный. У Алеши сжалось сердце. Поезд тронулся.

И тут произошло нечто совсем неожиданное: Пятница побежал вслед за вагоном и с разбега прыгнул на ходу на площадку электрички, где стоял Алеша со своими новыми друзьями.

— Пятница! — крикнул Алеша и, схватив пса, поднял его и прижал к своей бурой дубленке.

Пес хотя с виду был невелик, но оказался тяжелым. Однако Алеша держал его на руках. А. Пятница, воспользовавшись моментом, лизнул своего покровителя в щеку.

— Оказывается, пес сам распорядился своей судьбой,— сказал Сергей Владимирович, протирая очки.

— Придется его высадить на следующей станции,— сказала Ольга Ивановна.

Алеша забеспокоился. Но Марат, хорошо знавший свою маму, дернул его за рукав: мол, молчи, все будет в порядке. И действительно, через пять минут Ольга Ивановна уже сидела на корточках перед песиком и, поглаживая его, приговаривала:

— Ишь ты, паршивец! Как это тебя угораздило прыгнуть на ходу? Отвечай!

Но что мог ей ответить Пятница? Он только усиленно крутил своим коротким хвостиком и поглядывал на Алешу.

17. Домой

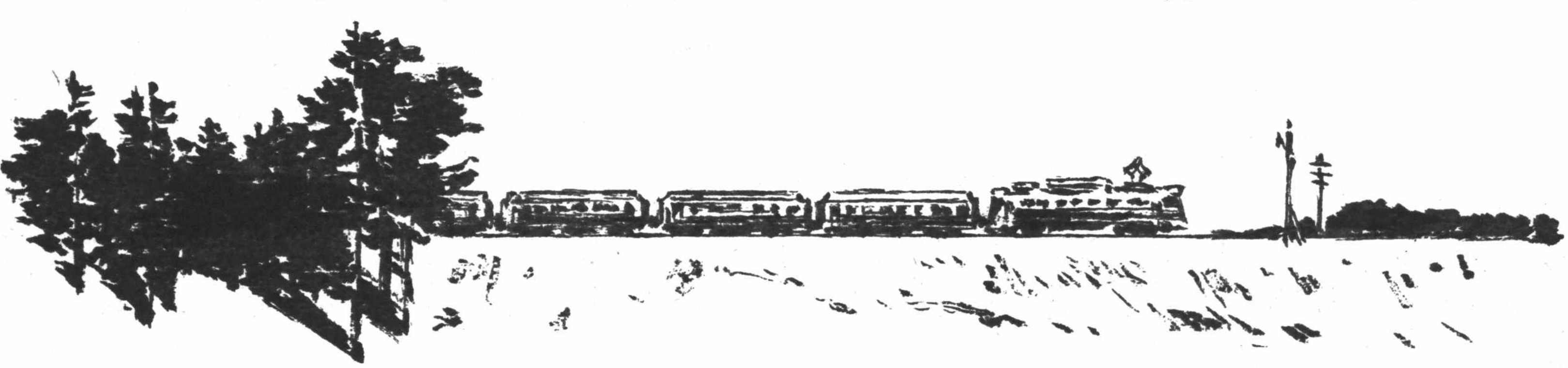
Поезд домой всегда едет недостаточно быстро, тем более, если кажется, что ты не был дома целую вечность. Сегодня утром, покидая свой дом, Алеша был уверен, что вернется через много-много лет другим человеком. Но пусть он возвращался в тот же день, возвращался не плечистым, высоким мужчиной, а все таким же Алешей — и старая шубка не стала ему мала, и ботинки не жали, и варежки висели на тесемочках, как будто без них могли убежать, — все же на станции «Мальчики» с ним, с Алешей, произошло что-то значительное. Это путешествие вернуло ему веру в хороших людей, веру в то, что черная копоть не вечно застилает солнце: проходит время, и оно вновь сияет в голубом небе без единого пятнышка, хотя кое-кто и говорит, что на солнце есть пятна.

Поезд мчался, подгоняемый Алешиным нетерпением. За окном ничего не было видно. Только огни — много огней — на земле и в небе светили, мерцали, указывали путь людям и поездам.

Алеша представлял себе, как он взбежит по крутой лестнице на третий этаж, как, не снимая варежек, нажмет на кнопку звонка. Как мама и папа будут обнимать его, тискать, словно желая убедиться, что это он, Алеша, живой и невредимый. И как они в честь счастливого возвращения разрешат ему оставить пса по имени Пятница. Правда, в этой картине возвращения, нарисованной Алешиным воображением, не нашлось места для трех незнакомых жителей станции «Мальчики». Но зачем было их включать в воображаемую картину, когда они сидели рядом с ним, спокойные, доброжелательные, все трое в очках? И оттого, что они были рядом, что они встретились в трудную минуту, Алеша почувствовал, как что-то теплое и покойное обволокло его сердце.

Папа с мамой никогда больше не будут ссориться, и он никогда больше не уйдет из дому. И все будет хорошо.

А поезд мчался вперед, оставляя где-то во тьме мерцающие огоньки станции «Мальчики».

Вот как рождается большая победа. На этих снимках показан нелегкий труд героя Скво Вэлли — Евгения Гришина. Как видите, для того, чтобы побеждать на льду, надо тренироваться и на водной дорожке, и на помосте, и на асфальтированном шоссе.

Фото Н. Волкова.

СЕКУ

Римма ЖУКОВА,
заслуженный мастер спорта

Лунный свет, вплетаясь в электрический, дробится и сверкает алмазной пылью на ветках деревьев. В кружевном орнаменте льда и света медленно и синхронно скользят по дорожке темные силуэты скороходов. Наступила зима, начали тренировки и молодые спортсмены и прославленные мастера ледяной дорожки. Скоро мы увидим на старте трехкратного чемпиона мира Олега Гончаренко, героев Скво Вэлли Евгения Гришина и Виктора Косичкина, двукратную чемпионку мира Ингу Воронину (Артамонову) и многих других.

Календарь состязаний уже известен. Он насыщен интересными встречами и традиционными соревнованиями. Личное первенство СССР для мужчин будет разыгрываться в Горьком, для женщин — в Куйбышеве; первенство Европы для мужчин — в Финляндии, первенство мира — в Швеции, а для женщин — в Норвегии. Предстоят матчи Москва — Норвегия в Осло и Москве, встреча Ленинград — Хельсинки. Впервые будет разыгран приз имени выдающегося советского конькобежца Якова Мельникова. Зимы явно не хватает, календарь захватывает и кусочек весны. Командное первенство СССР предполагается провести в апреле в Мончегорске.

Болельщики уже строят прогнозы, спорят, волнуются. Удержатся ли Валентина и Борис Стенины на пьедестале чемпионов мира? Кто главный противник наших конькобежцев? Кнут Юханнесен? Роальд Ос?

Я понимаю волнение любителей конькобежного спорта. Я тоже влюблена в коньки и готова говорить о них с утра до вечера. И мне хочется, чтобы наши конькобежцы всегда выступали так же блестяще, как на зимних Олимпийских играх в Скво Вэлли; чтобы в плеяде чемпионов мира всегда сверкали советские имена; чтобы во всех клетках таблицы мировых рекордов стояли минуты и секунды, показанные нашими скороходами.

Но я не берусь предсказывать будущих победителей: слишком широкий размах получил конькобежный спорт в нашей стране, и число мастеров ледяной дорожки растет с каждым новым сезоном. Да и на мировой арене конькобежный спорт завоевывает все большее признание — увеличивается число стран, принимающих участие в мировых и европейских чемпионатах. В программу Олимпийских игр включен теперь скоростной бег на коньках для женщин, и каждая новая зима освещается новыми «звездами» (а спортивные «звезды», как известно, с неба не падают!).

Одним словом, конькобежный спорт полон неожиданностей (о, эти подготовленные неожиданности!), и не случайно даже искушенные болельщики конькобежного спорта теряются. Им непонятно: почему малоизвестная немецкая спортсменка Хельга Хаазе сумела выиграть в Скво Вэлли пятисотметровую дистанцию у лучших скороходок мира? Почему наши конькобежцы выступили неудачно на прошлогоднем первенстве Европы в Осло? Почему Евгению Гришину удалось выиграть дважды Олимпийские игры, а Олег Гончаренко «выдохся»?

Впрочем, болельщики всегда умеют оправдать своих любимцев. «Лед на стадионе «Бишлет» был тяжелый, а наши конькобежцы тренировались в условиях высокогорного катка», «Олег Гончаренко тактически неверно построил бег», «Для Хельги Хаазе удачно сложилась обстановка».

Но то, что позволительно болельщикам, исключается для спортсменов. Они должны уметь правильно оценивать и победы и поражения. Все эти успокоительные причины: и состояние льда и погоды, и тактика, и благоприятная жеребьевка — конечно, имеют значение, но это не главное, не первенствующее.

Главным фактором успеха для скороходов является один фактор — время.

Азбучная истина? Да, истина, но не совсем азбучная. Постараюсь разъяснить.

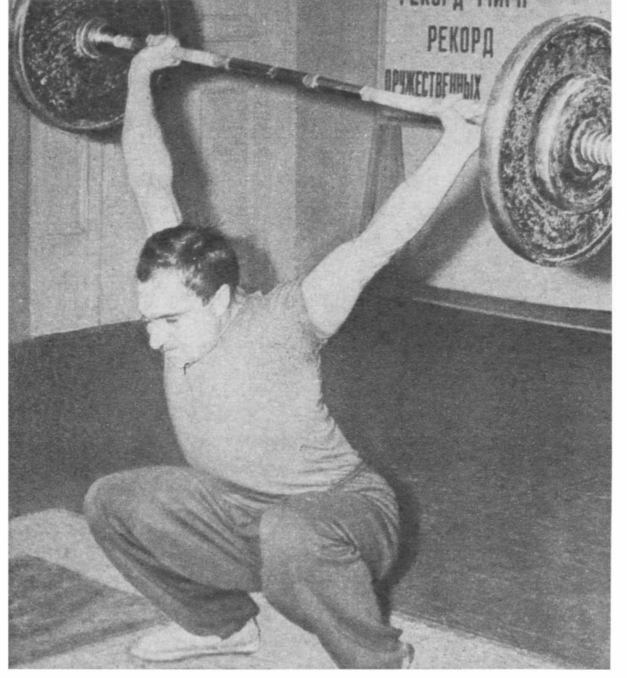
Софья Кондакова, экс-чемпион мира, отличный спринтер, еще в 1959 году выиграла на первенстве мира пятисотметровую дистанцию, а в следующем, 1960 году не попала на Олимпийские игры. Стала хуже бегать? Нет, ее личные результаты непрерывно повышаются. В прошедшем зимнем сезоне Софья Кондакова обновила свои секунды на всех дистанциях, но потолок рекордов растет еще быстрее.

Не попала в Скво Вэлли и молодая талантливая спортсменка Инга Воронина, хотя ее личные результаты также улучшились. А Олег Гончаренко? Ведь он не «выдохся», не стал бегать хуже!..

Список спортсменов, личные результаты которых улучшаются, а они, несмотря на это, не победили в международных соревнованиях, можно продолжить. Я глубоко убеждена в том, что наши ведущие конькобежцы при современном уровне мирового конькобежного спорта в своих тренировочных планах и графиках бега должны ориентироваться лишь на одно — на мировые рекорды. Иначе их ждут поражения, как бы ни росли результаты, какой бы совершенной ни была тактика и как бы удачно ни сложилась обстановка соревнований.

Попытаюсь доказать свою точку зрения.

В начале прошлого сезона Клара Гусева, молодая рязанская спортсменка, пробежала 500 метров за 47 секунд. Никто еще на равнинных катках мира не бегал с подобной скоростью. И позже Клара показывала отличные результаты на

НДЫ И „ЗВЕЗДЫ"

спринтерских дистанциях. Она и стала олимпийской чемпионкой в беге на 1 000 метров.

Миниатюрная Хельга Хаазе из ГДР приехала к нам в Советский Союз, не умея кататься по-настоящему на коньках. Она училась у наших конькобежцев, упорно тренировалась, год за годом улучшала рекорды своей страны, незадолго до Олимпийских игр пробежала в Давосе 500 метров меньше чем за 46 секунд. И вот в Скво Вэлли она повторила свой результат — 45,9 секунды, немного не достав до мирового рекорда Тамары Рыловой, и стала победительницей на этой дистанции.

Были скептики, иронически относившиеся к включению Евгения Гришина в олимпийскую команду. По их мнению, Кортина д'Ампеццо не могло повториться в Скво Вэлли. Гришин сделал невозможное возможным. На VIII Олимпийских играх он полностью повторил феноменальные результаты Кортина д'Ампеццо, а после окончания Белой олимпиады улучшил ему же принадлежавший мировой рекорд в беге на 500 метров. Таковы были накопленные им огромные резервы скорости. В них и таится разгадка его последнего триумфа. Да, победа Гришина не случайна: ведь за последние годы он регулярно показывает результаты мирового класса на спринтерских дистанциях!

Может быть, такое равнение на мировые достижения правомерно лишь для отдельных дистанций? А в многоборье? Оказывается, и для многоборья действителен тот же суровый принцип — равнение на максимальные скорости.

В начале сезона 1959/60 года восемь наших спортсменок превысили рекорд мира по сумме многоборья. Они же вышли в финал женского первенства мира. Вот еще один пример: Борис Стенин стал чемпионом Советского Союза 1960 года с отличной суммой — 186,246 очка — результат высшего международного класса, и он-то и выиграл лавровый венок чемпиона мира. Чемпион Европы 1960 года многоборец норвежец Кнут Юханнесен именно в этом же сезоне установил новый мировой рекорд в беге на 10 000 метров, а многообещающий многоборец Лидия Скобликова — в беге на 1 500 метров.

Вот и возникает вопрос: на что должны ориентироваться наши скороходы, готовясь к новому сезону, на «звезды» или на секунды? Кого они должны считать главными своими соперниками: Роальда Оса, Хелену Пилейчик, Кнута Юханнесена, Хельгу Хаазе или же рекордные секунды? Мне кажется, что лучше держать равнение не на Юханнесена как такового, а на его мировой рекорд, на лучшие достижения наших и зарубежных скороходов. Тот же Юханнесен или Хаазе могут в новом сезоне показать и худшие результаты, но это не может нас успокаивать: ориентир все равно остается один и тот же — мировые рекорды.

Секунды улучшаются и будут улучшаться. Нет предела дерзанию человека, но при курсе на максимальные результаты лучших скороходов тренерам особенно необходимо пополнять ряды своих учеников молодыми способными спортсменами. Резервы большого спорта должны непрерывно расширяться. Именно такие резервы и дали нам Николая Штельбаумса и Владимира Шилыковского — предшественников Косичкина и Юханнесена по штурму мирового рекорда на 10 000 метров. А теперь на подходе новые силы — Владимир Котов из Калинина, Лев Зайцев из Куйбышева, Владимир Гуров из Москвы, Эдуард Матусевич из Минска, в этом году впервые вошедшая в сборную команду страны Гулитэ из Риги. Многие молодые спортсмены готовы занять места в первой шеренге. Дело лишь за тренерами. Они должны исключительно точно дозировать нагрузки — это необходимо при равнении на рекордные секунды.

Помню первую встречу с трехкратным олимпийским чемпионом Ялмаром Андерсеном, обаятельнейшим человеком, большим другом советских конькобежцев. Меня поразили методы его тренировок — количество километров, набеганных, наезженных, накатанных на велосипеде и на лодке. Впервые от него услышала я о беге по глубокому снегу с грузом. Я знаю, как тренируется Евгений Гришин. Он не теряет времени ни летом, ни осенью. Вот в чем секрет его спортивной молодости. Гришин — прирожденный спринтер, но он неустанно добивается высоких результатов на длинных дистанциях, а Виктор Косичкин, показавший результаты мирового класса в беге на 5 000 и 10 000 метров, поставил перед собой задачу научиться хорошо бегать короткие дистанции...

Скоро над дорожками вспыхнут ослепительные прожекторы; любители конькобежного спорта заполнят трибуны, начнут свой стремительный бег секундные стрелки, и, может быть, тогда мои мысли, высказанные выше, помогут вам понять, как рождается на ледяном круге большая победа.

БОССЫ ВСТРЕВОЖЕНЫ

После окончания XVII Олимпийских игр президент Международного олимпийского комитета Эвери Брендедж, американец по национальности, скинул с себя тогу беспристрастия и заявил: «...Если бы не наши замечательные спортсмены-негры, мы были бы второразрядной страной в спорте уже сейчас». Нельзя отказать мистеру Брендеджу в откровенности, но что же должен заявить президент Международного олимпийского комитета после появления в зарубежной прессе следующих сообщений:

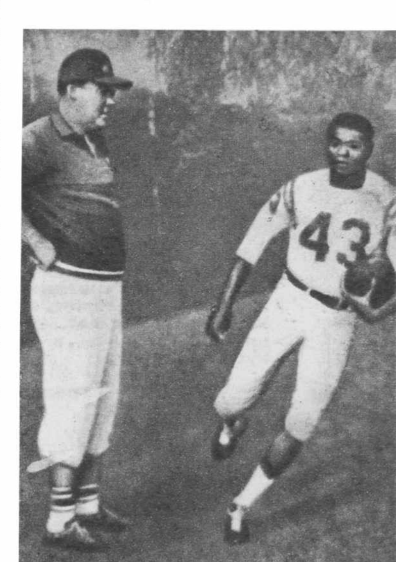
«Рафер Джонсон, олимпийский чемпион в десятиборье, предстанет перед кинокамерой студии «XX век». Черный колосс выступит в роли солдата британской армии в бурской войне. Это первый из серии фильмов с участием Джонсона. Он подписал контракт на 7 лет» (газета «Экип»).

«Один из величайших американских спринтеров ушел из легкой атлетики. Рей Нортон, большой и изящный негр из университета Сан-Хозе, едва вернувшись из Рима, подписал контракт с профессиональным футбольным клубом «Сан-Франциско Форти Найн». Его заработная плата составит примерно 8 000 долларов в год» (агентство «Юпи»).

К этим двум сообщениям остается добавить еще одно, появившееся в американской печати: двукратный олимпийский чемпион в беге на 800 метров американский негр Мел Уайтфильд приглашен главным тренером в Гану. И это не единичный факт. Примеру Ганы собираются последовать и другие африканские страны. Ведь среди прославившихся в прошлом и настоящем спортсменов-негров немало таких, которые по окончании высших учебных заведений (где их держат в качестве живой спортивной рекламы) не могут найти работы по специальности. Негров-тренеров можно пересчитать по пальцам. Их допускают к этой работе только в тех университетах, где отсутствует расовая сегрегация. Поэтому в ближайшие годы ожидается «утечка» на африканский материк выдающихся американских спортсменов-негров. Это, несомненно, будет способствовать росту и развитию спорта в Африке, обладающей неиссякаемым резервом талантливых и предрасположенных к спорту людей, которым не хватает техники и мастерства...

М. ВЛАДИМИРОВ

Рей Нортон вернулся к своей «первой любви» — американскому футболу.

Миниатюры

Расул Рза, народный поэт Азербайджана

СТАРАЯ РУКОПИСЬ

Страницы пожелтели,
строки стерлись.
Края иных страниц
под тяжестью годов,
подсохнув,
искрошились.
Но остались
прошедшие через века:
улыбка,
капли слез,
желанье
и надежда,
ум человеческий
и сердца теплота,
остались радость и печаль,
в которых
запах человека.

НИКЧЕМНОСТЬ

Одним ударом топора
отсек он ветку у ствола
и с гордостью сказал:
— Видал,
как отточил я мой топор!
Сказал я:
— Да,
топор остер,
глаз меткий, руки не дрожат,
но не стыдишься ль ты смотреть
на ветки,
что у ног твоих,
как пальцы мертвые, лежат?

Баку.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Говорят,
что приносят печаль
вечера,
говорят,
ночи сердце томят,
душит мгла,
говорят,
говорят...
Ну, а дни?
Белым днем
с нетерпением ждем:
хоть бы вечер скорей наступил,
ночь пришла.

Каир.

Перевела с азербайджанского М. Павлова.

ХУДОЖНИК. ЭТОГО МАЛО!

МАСТЕРСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ВЕЗДЕ

Слово предоставляется ленинградской самодеятельности

ПРОТИВ РАВНОДУШИЯ

Мне, рядовому участнику самодеятельности, отдавшему любимому делу около тридцати лет жизни, хотелось бы высказать не только свое мнение, но и мнение многих моих товарищей — артистов Народного театра Выборгской стороны.

В своей речи на XXI съезде партии член Президиума ЦК КПСС Е. А. Фурцева сказала: «...Пришло время, когда, наряду с государственными театрами и коллективами, самое широкое развитие должны получить все формы массовой художественной самодеятельности».

Вот с этих позиций и следует определять место профессионального и самодеятельного театров в советском искусстве, тем более что цели и задачи у них едины. Наравне с профессиональными театрами лучшие коллективы художественной самодеятельности являются очагами духовного воспитания трудящихся. Многие из них известны не только в нашей стране. Например, участники танцевального коллектива Дворца культуры имени Горького — студенты, слесари, продавцы, врачи — ездили в Японию, Финляндию, Германию, Венгрию и наравне с профессиональными артистами защищали там честь советского хореографического искусства. Мы не удивляемся, когда учащийся ремесленного училища, самодеятельный скульптор Ленинградского Дома учителя на Всемирном фестивале молодежи получает за свои работы приз.

Такого творческого успеха, например, ленинградская самодеятельность достигла благодаря тому, что эстетическое воспитание ее участников ведется в тесной связи с хорошо поставленной работой по овладению сценическим мастерством, по овладению второй профессией. Влюбленные в эту вторую профессию, мы отдаем ей часть своей жизни.

М. С. Шагинян, посмотрев постановку нашего театра «Два цвета» и отметив настоящую заразительную театральность спектакля, почти утраченную многими профессиональными театрами, пришла к выводу об отмирании профессионального театра и о процветании самодеятельного. Конечно, это не так.

Но самодеятельный театр на нынешнем его этапе развития для мастеров-профессионалов становится предупреждением против равнодушия в искусстве. Это верно подметила М. Шагинян.

Между профессиональным и самодеятельным театрами не может быть конкуренции, между ними должно существовать соревнование, стимулирующее их творческий рост, повышающее мастерство.

А. КАЧАЛОВ,
артист Народного театра Выборгской стороны

О МОЕЙ МЕЧТЕ

Я актер одного из народных театров Ленинградской области. Конечно, именоваться актером — смелость с моей стороны, но меня простит и поймет любой человек, знающий, что такое мечта.

Прежде всего об «импульсивном ответе» будущего технолога Марка Кондратько. Несмотря на то, что М. Шагинян характеризует его как талантливого актера, я не верю в его талант. Ибо быть артистом, пусть даже не профессионалом, но подлинным художником, это — немало, это — ответственность. Тут нужны либо серьезная подготовка, либо богатый опыт и, конечно, большая отдача искусству.

У молодежи, по-настоящему любящей искусство и беззаветно преданной ему, не ослабевает и никогда не ослабеет тяга к профессионализму — та самая тяга, которую не заметила Мариэтта Сергеевна. Отдавать всего себя, каждую минуту своего времени, все свои мысли и чаяния творчеству — это ли не счастье?!

Вот и спрашивается, чего мало Марку Кондратько? Оторвать артистов от жизни театр не может, ибо в отрыве от жизни нет искусства. Актер — гражданин, шагающий в жизни не рядом, а вместе со всем народом.

О сцене я мечтаю с детства и знаю немало юношей и девушек, готовых самозабвенно служить искусству, для которых пройти в массовке на профессиональных подмостках было бы счастьем. Они становятся энтузиастами самодеятельности театрального искусства и на всю жизнь сохраняют любовь и преклонение перед сценой.

Поэтому нам всем, горячо любящим театр, становится обидно, когда Кондратько, «не задумываясь», говорит: «Нет, для меня этого мало», — а большая советская писательница видит в этом «черточку наступающей эры коммунизма». Именно поэтому так отрадно знать, что в противоположность таким, к счастью, редким, «молодым талантам», как Марк Кондратько, живет, трудится, мечтает и упорно добивается претворения своей мечты в жизнь молодежь, самоотверженно любящая искусство.

А. ПОПОВ,
лауреат фестиваля молодежи и студентов Ленинграда

МЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО РАБОЧИЕ

Давно мы участвуем в самодеятельности. Для нас занятия в драматическом коллективе не развлечение, не времяпрепровождение, а вторая и притом горячо любимая профессия.

Но в первую очередь мы рабочие, служащие, инженеры и свои знания, опыт отдаем прежде всего производству. Правда, участие в самодеятельности стало для нас жизненной необходимостью, но это все же не дает нам права считать себя артистами.

Мы понимаем: чтобы стать профессионалом в искусстве, надо не только обладать большим талантом, но посвятить творчеству всю свою жизнь, всего себя безраздельно. Наш же основной долг — производство, и мы должны прежде всего там совершенствовать свое мастерство. А два дела хорошо одновременно не делаются.

Мы очень рады, что Шагинян подняла большой разговор о самодеятельности, хотя она и не коснулась тех проблем, которые нас, «ветеранов», особенно волнуют. А о них следует поговорить.

В самодеятельность еще мало вовлекается молодежь.

Необходимо уделить серьезное внимание строительству Дворцов и Домов культуры, клубов. Сейчас все перешли на семичасовой рабочий день, наступит время, оно уже не за горами, когда работать будут по шесть, пять часов, и тогда еще больше людей пойдет в клубы. А в Ленинграде, например, при огромном жилом строительстве общественных зданий сооружают мало.

Наш заводской Дом культуры имени Ильича, построенный еще в тридцатых годах, стал непомерно тесен, о его расширении идет разговор добрых десять лет, но пока только разговор.

А ведь все это очень сдерживает развитие самодеятельности.

Нужно решительно отказаться от использования клубов и Дворцов культуры в коммерческих целях и предоставить их полностью самодеятельности.

Мало пишут драматурги для самодеятельности, совсем забыли о малых формах: скетчах, одноактных пьесах, водевилях. А это лишает нас возможности выступать в обеденные перерывы в цехах.

Вот какие мысли вызвала у нас статья «Ленинградские вечера». Думаем, что Мариэтта Сергеевна опять приедет к нам, встретится с нами и мы ей расскажем еще много-много интересного.

В. НИКОЛАШЕВ,
электромонтер,
А. ТИМОШКИН, мастер, Г. ВИЛОВ, мастер.
участники драматического театра-студии при Доме культуры имени Ильича

НАКОНЕЦ ПО-СЕРЬЕЗНОМУ!

С мастерством большого писателя М. С. Шагинян своим очерком наконец по-серьезному заставила заговорить об очень важной проблеме.

Самодеятельность беззаветно предана искусству. Каждый ее участник готов после большого трудового дня ехать за тридевять земель, чтобы совершенно безвозмездно выступить где-нибудь в самом глухом и далеком уголке. Ведь театр — их вторая профессия, и ей они отдают все свободные вечера, выходные дни и даже отпуска.

Но, чтобы самодеятельность несла зрителям лучшее и наиболее яркое в своем творчестве, ей надо помочь. И она готова принять любую крупицу помощи, которую, к сожалению, еще немногие мастера искусств ей дают. Если бы можно было провести среди актеров анкету, посвященную шефству над самодеятельностью, то результаты были бы более чем скромные. А ведь это их кровное дело!

Почему Н. Черкасов, выступивший от лица театральной общественности, как председатель Ленинградского отделения ВТО, ни словом не упомянул о реальной помощи художественной самодеятельности?

Пора прекратить поглаживание по головке и возгласы умиления: «Смотрите, повар, а как играет?» Нам нужна помощь большая, творческая, а не снисходительное одобрение. Самодеятельное искусство никогда не придет на смену профессиональному. Они будут существовать рядом, делая одно общее большое дело. Но для этого самодеятельное творчество должно быть на очень высоком уровне! Не теряя своей непосредственности, свежести и молодости, стремиться к мастерству.

В. РЕМИЗОВ,
художественный руководитель театра-студии Ленинградского Дома работников просвещения,
П. ХЕЙФЕЦ,
председатель совета театра-студии,
Е. ГАЛИНДО,
член совета театра-студии

Т. Яблонская. БЛИЗНЕЦЫ.

К. Ломыкин. ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!

Г. Бельцов. БЕСЕДА.

Г. Зоря. СУВЕНИРЫ.

Я ВЕРЮ В ТЕАТР!

М. РОМАНОВ,
народный артист СССР

Трудно представить настоящего художника, который всегда доволен собой, до конца удовлетворен своим творчеством. Там, где царит самодовольство, не может быть искусства. Оно опошляется, застывает на мертвой точке и наконец перестает существовать.

Поэтому, наверное, дискуссии о судьбе театра всегда привлекают актеров и режиссеров. У каждого есть свой идеал, своя мечта, сценические стремления, беспокойства и надежды, которыми нельзя не поделиться с товарищами по искусству, со зрителями. Мне тоже хочется сказать, что я думаю о будущем театре, как представляю его себе.

Путь искусства нельзя предсказать. Подлинные художественные произведения всегда потрясают нас как откровение. Не может быть точных рецептов и раз навсегда данных нормативов. Кто не ищет постоянно и безостановочно, ничего не добьется. Театр будущего, небывало прекрасный театр коммунистического общества, родится в результате многих смелых исканий и открытий многих славных художников.

Но закладывается он сегодня, трудом каждого из нас. Мы в ответе не только перед своим зрителем, но и перед теми, кто сменит нас, кому передадим дело нашей жизни. Мы в ответе за дальнейшую судьбу театра, поэтому разговор о будущем — это разговор о настоящем.

Есть разное понимание целей и задач театра. Все мы признаем авторитет Гоголя и Белинского, Станиславского и Немировича-Данченко, соглашаемся с тем, что сцена— общественная кафедра и трибуна, с которой можно сказать много добра, что главные лица в театре — драматург и актер, проникновенно доносящий до зрителя идею пьесы. Но практически, в каждодневном творчестве мы порой стыдливо обходим эти великие заветы, ставим заведомо неважные пьесы, идя на сделку с собственной совестью (актеры вывезут!). Позволяем режиссерам и художникам воздвигать на сцене грандиозные сооружения — помосты и станки, среди которых теряется маленькая фигурка актера и еле-еле доносятся произносимые слова, заглушенные оригинальным музыкальным оформлением. Под предлогом новаторства подчас показываем вместо спектакля сумму кратких эпизодов, где актер не успевает открыть рот, как неумолимый механизм вертящейся сцены уносит его за кулисы.

Можно рассматривать сопоставление театра с самодеятельностью как показатель несерьезных и некомпетентных суждений. Но, к сожалению, это мнение симптоматично. На наших профессиональных сценах встречаются и дурное любительство, и дилетантство, и ремесленничество, а на подмостках народных театров—настоящее искусство.

Поэтому о путях, какими должно идти искусство, сегодня надо говорить.

Итак, о будущем.

Театр коммунизма, вернее, театры, ибо, мне думается, возникнет бесконечное разнообразие коллективов, во главу угла поставят **драматурга.** Каждый коллектив «своего» — согласно художественным устремлениям и принципам. У одного — великий комедиограф, у другого — высочайший трагик, у третьего — сочный жанрист, у четвертого — всеведущий психолог. Но зритель пойдет именно на пьесы этого «своего» любимого писателя, как некогда ходил на Островского в Малый, на Чехова и Горького — во МХАТ, на Погодина — в театр Революции.

Может быть, это сузит диапазон театров? Ничуть! Это будут труппы с определенным художественным направлением, творческими принципами, без равнодушной всеядности и нивелировки.

Драматурги станут писать для «своих», хорошо им известных актеров, в то же время сами обогащаясь их творчеством,— содружество талантов, родственных и близких.

Театр должен существовать во имя жизни человеческого духа. Эта мысль Станиславского выражена, может быть, несколько старомодными словами, но истина, в ней заключенная, никогда не постареет. Искусство существует во имя Человека, во имя того, чтобы показывать душу Человека. Все остальное сопутствует, помогает и содействует этому. Нет человеческой души, нет человека — сцена мертва, хотя бы на ней извивались десятки метров бархатных занавесей и возвышались золотые врата совершеннейшей работы. Не водяные каскады, не чудеса подлинной живописи и современной пиротехники, кино-и фотоэффекты, шумовые сигналы и все таинства машинерии создают театр. Сценическое искусство «выражает себя» в актере, в этом его смысл и значение.

Я верю, что в дальнейшем откажутся от гигантомании в строительстве театральных зданий. Дворцы противопоказаны искусству сцены. Станиславский и Немирович-Данченко мудро обдумали архитектонику своего театра. Зритель, пришедший во МХАТ, приобщается к искусству, не подвергаясь ненужным «наскокам» мраморных лестниц и дешевой золотой мишуры. Праздничность в театре рождается не от созерцания тисненого плюша и двойных зеркал. Радость приобщения к творчеству, к искусству — вот чувство, которое должно владеть зрителем, просветляя и облагораживая его. А купеческая роскошь отделки только мешает зарождению этого чувства.

В театре станут чудодействовать актеры, которые представят образцовый ансамбль в каждом спектакле. Плохих актеров там попросту не может быть. Все роли найдут совершенных исполнителей. Труппы будут составляться только из талантов. И никаких компромиссов, которые так дурно сказываются на качестве исполнения.

Коллективы с едиными творческими устремлениями, с единой художественной волей, с полной самоотдачей во имя высоких целей искусства — так рисуется мне труппа будущего театра.

Но это отнюдь не означает, что воцарится идиллия. Там, где идет беспрерывное творчество, там и горячие споры, и столкновения мнений, и настоящее соревнование мастеров.

Главной чертой актерской работы станет высокий профессионализм. Тот, кто противопоставляет театру самодеятельность, забывает, что актер — это профессия, сложная, ответственная, трудная, требующая всей жизни человека. Ведь даже сходя со сцены, мастер сожалеет о каком-то невоплощенном, не доведенном до завершения замысле.

Многие большие актеры вышли из любителей. Любителем был молодой Станиславский. Но вступив на путь профессионального искусства, любитель умирает — он становится профессионалом, навеки оставляет изящный дилетантизм и предается систематическому, каждодневному труду. Нельзя служить двум богам, как говорили в старину. Театр не шутка и не увлечение для тех, кто посвятил ему жизнь. Помню, в Александринском театре работал хороший актер Горелов. Он был когда-то врачом, но любовь к сцене победила — он навсегда оставил медицину во имя искусства.

Широкое распространение самодеятельности радует нас: это показатель возросшей культуры народа, расширение духовного кругозора тысяч людей. Занятие искусством воспитывает, облагораживает, рождает новые запросы и высокий вкус. Но противоестественно делать из этого вывод, что профессиональное искусство отомрет и уступит место самодеятельности.

Наоборот, чем выше уровень участников самодеятельности — наших строгих, компетентных зрителей,— тем выше должно подниматься искусство театра. Высота зрительских требований — беспрерывный стимул совершенствовать сценическое мастерство.

Вся жизнь Станиславского была посвящена беспощадному изгнанию со сцены дурной любительщины и ремесла — этих пороков, неразрывно связанных между собой. Мы не всегда задумываемся над подлинным смыслом деятельности величайшего реформатора нашей сцены.

Воспитать в себе артиста не значит сыграть одну, две, даже несколько ролей. Артист не исполнитель отдельных ролей, а пожизненный художник, а роли — это выражение новых этапов его творческого развития, совершенствования и расширения профессионального кругозора. Жизнь актера может сложиться и так, что все накопленное он воплотит полностью лишь в одном сценическом образе. Но в создании этого образа сконцентрируется вся творческая энергия, долголетний, неустанный труд. Значительный образ не создашь на опыте мелких сценических зарисовок — «правдоподобных» копий с жизненных прототипов. А на сцене мы часто встречаемся с такого рода актерскими работами. Метко подхваченная деталь, походочка, жест — и «типичная» роль, иногда весьма «достоверная», готова.

Актерское искусство без обобщений, без большой мысли не может существовать. Деталь — только способ выражения, и делать ее самодовлеющим трюком — значит губить сценическое искусство, губить идею образа.

Все это не ново. За нашими плечами огромный опыт отечественного театра, но мы не всегда обращаемся к этому сокровищу.

Законы театрального искусства нельзя уничтожить. Только применять их нужно, творчески развивая и совершенствуя.

Театр будущего, конечно, должен возглавляться необыкновенно талантливой режиссурой, чуткой к драматургии, к природе актерского искусства, миссия ее—предельное раскрытие пьесы талантами артистов. Как часто сейчас нам недостает такой режиссуры!

Поговаривают, что театр отмирает — уступает дорогу кино и телевидению. Между прочим, такие разговоры далеко не новы. Каждый раз, когда искусство сцены доходило до перевала к следующему этапу, возникали подобные суждения. Были уже статьи о «смерти театра», о «кризисе театра», о «конце театра». А театр жив и будет жить вечно.

Ибо только актер в мгновенном, неповторимом акте творчества может рассказать о человеке, о сложной и прекрасной человеческой душе, заставив зрителя вот здесь, на глазах, приобщиться к этой удивительной душе. Не было бы театра — и в искусстве образовалась бы пустота, которую не восполнишь ни чтением, ни кинематографом. Не случайно многие выдающиеся актеры кино стремятся играть на сцене: живого общения со зрителем, создания непосредственного, каждый раз вновь рождаемого образа ничто заменить не может.

Мои дорогие коллеги и товарищи — Черкасов, Рубен Симонов, Плятт — горячо ратуют за искусство театра. Я всей душой присоединяюсь к ним. Но дело в том, что впрямую никто существованию театра не угрожает. Мы обороняемся против мнений. Обороняемся рационально, и это, конечно, нужно. Но не это главное.

Искусство должно покорять. Сколько мы читали воспоминаний о великой силе театра, о его волшебной власти над сердцами! Где-то на галерке, стиснутые восторженной толпой людей, боясь проронить слово, с жарким сердцебиением, восприняли мы сами первое «сценическое крещение». И это соучастие в творчестве великих мастеров было событием в нашей жизни.

И театр будущего я вижу только таким: на каждом спектакле, рожденном вдохновением его участников, зрительный зал замирает от восторга и волнения.

Театр будет сотрясать сердца правдой и красотой творчества.

В это я верю!

Георгий РАДОВ

Из дорожной тетради

Прощание с Донцовым

С Семеном Васильевичем мы обходили фермы. Председатель, защищаясь воротником кожушка, бодро шагал через сугробы и рассказывал:

— Мясное дело, его надо с расчетцем вести! С запасом. Вот сдали мы взрослый скот в заготовку, квартальный план закрыли, а бычков придержали. Отрастет трава, пойдут наши бычки нагуливать мясо. К осени, знаешь, какие будут! Мамонты! Так колесом и пойдет! Этих бычков сдадим осенью, а молодежь, первогодочков, тех оставим на будущее лето. Кругооборот? Конвейер? Кабы не помешали...

— Кто же вам помешает, Семен Васильевич?

— Дурачье дело нехитрое. Это завести конвейер — трудная вещь, а порушить его можно в два счета...

— Да кто же порушит?

— Ох, могут найтись мастера!

Так говорил он в полдень, а перед вечером явился его дружок, председатель из соседнего района, взъерошенный, как воробей, отряхнул снег с ушанки, бросил с порога:

— Семен, с тебя район мясо требует?

— Вот видишь? — обернулся ко мне Семен Васильевич.— Началось! Какое мясо, Петро? — спросил он у председателя.— Мы план закрыли...

— И мы закрыли. А требуют!

— Сдавай!

— Нечего сдавать! Остались бычки-годовички. Жалко!

— Ну, не сдавай.

— Говорят — нужно...

— Глупости! — рассердился Семен Васильевич.— Не нужны государству твои годовички в ноябре месяце. На каждом бычке страна потеряет по центнеру. Куда тебя торопят? Держись, Петро!

Но, судя по унылому виду соседа, он не собирался держаться. Вздохнул, сгреб шапку и вышел. Семен Васильевич проводил его укоризненным взглядом:

— Сдаст бычков, чертов сын! Сдаст, нарушит конвейер, подрубит хозяйство. Ах, что ж это делается! Району ихнему, видишь, хочется с тринадцатого места в сводке в первую пятерку перескочить, и жмут...

— Но это ж хорошо, если хочется. Для дела стараются. Соревнование! — вступился я за соседний район.

— Какое там соревнование! Скажи, азарт, как на футболе! Покрасоваться перед начальством хотят! Кабы для дела, надо б им загодя заботиться. А раз скота не вырастили, нечего и дрова ломать. Что за амбиция без амуниции? Ну, сдадут они этих недорослых бычков, а завтра? На луне будут скот заготавливать? Этот Петро, парень молодой, робкий, не захочет с начальством ссориться — на него и насели! Сдаст все, что прикажут. С потрохами...

Через неделю Семен Васильевич съездил к соседу и воротился мрачнее тучи.

— Сдал? — спросил я у него.

— Хуже! И бычков сдал и поросят, а еще накупил на хуторах коров. Там и коровы-то — одно название, но он же цены взвинтил! Покупал по девяти с полтиной и тут же сдавал по семи рублей. И коров перевел и растратился. Убытки подсчитывает. Вот он, азарт! Чистое браконьерство!

Подумал, покосился в окно и сказал, как продиктовал:

— Крепкие нервы надо иметь в сельском хозяйстве!

А вечером, когда мы, поужинав, закурили, он снова вспомнил незадачливого соседа, нахмурился и заговорил:

— Я-то учен по этой части. Как учен! Ты знавал нашего Григория Павловича? Донцова не знаешь? Жаль. Имел бы представление. Недолго он у нас послужил, а след оставил. Когда его прислали? Постой... Летом, нет, весной его прислали, как раз под конец сева. Заметный в области был товарищ. За два года высо-око вымахал! И в областном управлении служил, и хлебопродуктами командовал, и уже метили его замом в облисполком, но какая-то там вышла осечка — послали в район. На укрепление...

А человек он был, не буду грешить, неусыпный. Сорок пять лет, здоровый, крепкий. С твердым характером. В ночь-полночь, бывало, позвонит, а в голосе никакой усталости, так и звенит по проводам. И на зорьке гляди, не проспи, председатель, а то он раньше тебя на ферму явится. Ну и подкован был, что называется, на все четыре! Какое б ни было совещание— врачи ли сойдутся, агрономы, ветеринары либо учителя,—он речь держит по самому существу вопроса, как будто всем наукам обучен...

Нет, что там, сильный работник, да и к тому же артельный мужик! И мы, председатели, сам знаешь, не все же время в работе: когда и на рыбалку соберешься, когда и на охоту. А то просто на речку закатишься в свободный час прочистить мозги. И он компаниями не гребовал. И рыбачил с нами. И уток влет бил. Ну и пригублял, не без этого, в меру, понятно! Словом, как-то скоренько к нам притерся, перешел со всеми на «ты».

А в делах сразу зашел с козырей. Я же тебе говорю, приехал весной, пока освоился, вот тебе и уборка. Убрали, он тут же команду дает всему району: сейте по стерне кукурузу! Категорическую команду! Раньше-то у нас этот пожнивный сев был вроде добровольной нагрузки: кто посеет — похвалят, кто не посеет — не взыщут. А Григорий Павлович на всех насел. Посеяли! Поднялась кукуруза, и сразу нам высшая отметка. На первое место в области выскочили! Хоть по пожнивному, а на первое. Пошел слушок: вот оно — появилась и у рубежанцев твердая рука. Правда, получился и маленький перебор: когда кукурузу в траншеи уложили, посчитали силос «зеленым» весом, на воду скидки не сделали. Цифирка вышла — дай боже! — и вовсе ахнула область, везут нам знамя переходящее. Оно б, конечно, и без фокуса нас отметили, ну а с фокусом мы еще видней. А и фокус-то не раскусишь: в яму не залезешь, не взвесишь, сколько там силоса, а сколько воды.

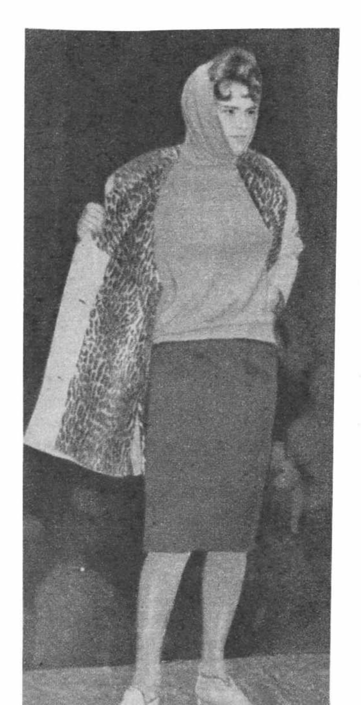
Вот как начал Григорий Павлович — знамя отвоевал. Ну и пошел и пошел! Что ни затеет область, он ну просто-таки из кожи лезет, чтоб быть в первой пятерке. Помню, с тысячниками он разворачивался. Как раз пошла тогда мода на свинарей-тысячников. Зовет меня: «Семен, на тебя весь мир смотрит. Чтоб был свинячий лагерь на тыщу свиней через сорок восемь часов». «Зачем же через сорок восемь, Григорий Павлович? Это вам не бега, дело серьезное. Построить надо, механизацию дать, электричество подвести». «А! Потом все сделаешь, ты, главное, открой! Дай пример!» Оч-чень ему хотелось первому в области в газетки попасть. Меня не уговорил, к соседу кинулся, а сосед (я еще скажу про него) готов, всегда пожалуйста! Согнали всех свиней до кучи, приставили к ним одного хлопца, а к нему пятерых подсобников: механизациито никакой! Ну, подсобники— они вроде в подполье, негласные, а парень-то на виду, расписали его на всю область. Сделали бедного хлопца брехуном, зачислили ему всю свинину, а он-то ее только сдавал, а откармливали-то свиней подсобники. Ну, это потом все открылось, а поначалу сильно шумели про хлопца. И учти, когда через месяц мы сделали настоящий лагерь с полной механизацией, без брехни, Григорий Павлович и поглядеть на него не заехал. То уже ему было неинтересно. Не поспели мы, видишь, к моменту!

Сильное меня тогда взяло сомнение: что, думаю, такое с нашим Донцовым? Мужик солидный, хозяйство знает и может его без баловства вести, с чего же его тянет на фокусы, на показуху, на всякие копеечные вытребеньки? Да разве же этими штучками «в сорок восемь часов» район подымешь? Большое было сомнение, только не дал я ему ходу: заботы засосали. Не то с постройками, не то с уборкой вышел затор, напрочь забыл я про Григория Павловича и его штучки. А зря забыл. Надо б было задуматься...

ДОМА МОДЕЛЕЙ КИЕВА, ТАЛЛИНА, РИГИ, АЛМА-АТЫ и многих других городов показывают свои работы во Всесоюзном Доме моделей. Лучшие фасоны одежды, принятые жюри, будут представлены на выставке, которая откроется в начале нового года в Центральном выставочном зале Москвы.

Фото А. Каменского.

КРУПНЕЙШИЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ КИНОРЕЖИССЕР ДЖУЗЕППЕ ДЕ САНТИС посетил Советский Союз по приглашению советских кинематографистов. Вместе с ним приехала актриса Гордана Милетич. Зарубежные гости знакомились с нашими новыми фильмами, с работой московских и тбилисской киностудий.

В Центральном Доме кино Де Сантис и Гордана Милетич встретились с многочисленными советскими друзьями. Показывая московским зрителям свой первый фильм «Трагическая охота», итальянский режиссер сказал, что эта картина сделана им под влиянием советской кинематографии, которая всегда отмечает глубокую роль социальных условий в жизни человека.

На снимке: Де Сантис и Гордана Милетич.

Фото Е. Умнова.

БАЛЕТ КУБЫ ЗАКОНЧИЛ ГАСТРОЛИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Москвичи, ленинградцы и рижане восторженно аплодировали мастерам искусства героического народа. Прима-балерина балета Алисия Алонсо покорила зрителей изящным и темпераментным танцем, виртуозной техникой.

Молодой коллектив балета прочно связал свое будущее с завоеваниями кубинской революции, с развитием национальной культуры своей страны.

На снимке: танцуют Алисия Алонсо и Родольфо Родригес.

Что там говорить, крупный был на моду любитель. И с нюхом каким! Дойдет до него слушок, что где-то кто-то наверху высказался насчет подсолнухов—созывает нас, дает команду: перекраивайте планы, севообороты, подсолнухи, мол, нынче, не в фаворе, а в фавор входит, допустим, лен-кудряш. «Да погодите, — говорим, — Григорий Павлович, нельзя же севообороты кроить семь раз на дню, отойдет эта мода, другая явится — опять нам браться за ножницы?» Так и оказывается... Прослышит насчет садов и виноградников, сразу за карандаш: тебе садить пятьсот, а тебе тысячу, а тебе восемьсот, айда за чубуками. «Да охолоньте же вы, Григорий Павлович! Давайте прикинем, сосчитаем. Должен быть у районов какой-то постоянный уклон? Чего же нам метаться из стороны в сторону? Вон и парубок походит-походит, а все-таки к одной прислонится. Зачем же нам такое многоженство? Сватаемся и к свинье, и к овце, и к курице, и к утке, и к пшенице, и к винограду... А завтра кто-то насчет цикория шепнет — опять поворот на все сто восемьдесят. Угомонитесь!» Какое там... Сколько он прожил у нас в районе? Полтора года? Так вот, верь не верь, раз двадцать заходился менять району направление...

Подозрительно мне было все это. Сам хозяиную двадцатый год, и честно тебе скажу: другой раз и хочется побыть на виду, отличиться, прославиться, но не таким же путем! Главное, был бы он молодой либо малограмотный по части сельского хозяйства. Так нет же, все понимал! С чего же его так мотало?

Нет, потом-то мы раскусили, какая тут была подкладка, а тогда не задумывались, только, как могли, отбивались от его затей. Не все отбивались...

С мясом он первый ко мне пристроился. Ну, колхоз ты наш знаешь: крепкий, с запасцем живем, долгов не знаем, можно делать дела. Он и прицелился. Неофициально, помнится, на рыбалке, повел такой разговор. «Надо бы нам с тобой, Семен, отличиться! Бо-ольшая будет мясная кампания, есть шанс прогреметь на всю область». «Как же, Григорий Павлович?» «Подписывай обязательство на три годовых плана». «Кто против трех планов, Григорий Павлович! Может, у людей они и получатся, а мне где его взять, мясо?» «А ты подсчитай». «Ладно, спасибо на добром слове, подсчитаю».

На том разговор и кончился. Съели мы уху, побаловались раками, разъехались. Через неделю зовет: «Подсчитал, Семен?» А я, по правде сказать, и не брался за счеты. Мясная эта цифирь у меня давным-давно на карандаше! Думаешь, самому не хотелось подбавить городским людям и говядины, и свинины, и курятинки? Еще и как хотелось! И старался... Только мясо — это тебе не кукуруза. Там дело другое: землю вспахал, посеял, подавай сводку. А тут с одного удара не получается, надо терпение иметь. Загодя надо прыжок готовить, с расчетцем. Все у меня было на карандаше: и то мясо, что пасется, и то, какое в свинарниках хрюкает, и то, какое еще и на свет не явилось, в утробе, как бы сказать, и то, какого еще и в утробе нет, только в проекте...

Все было подсчитано наперед: и опоросы, и отелы, и выход, и отход, и привес. Не получалось трех планов! И двух не получалось! Полтора, и те с натяжечкой...

«Ох, — говорит, — осторожничаешь, Семен! Сколько у тебя скота, а ты жмешься. А ну-ка смелей!» «Есть, — говорю,— скот, Григорий Павлович, да я-то собираюсь не один день служить людям. Разве ж только сегодня мясо требуется? А завтра что? На крупу люди перейдут? Нет, лучше я осторожненько подсчитаю, зато все почестному выполню и на завтра оставлю задел». Словом, он — свое, я —свое. Расходимся во мнениях. Он: «Давай три плана». А я говорю: «Дадим полтора, зато с таким запасцем войдем в новый год, что и трех планов не побоимся!..» Четыре часа — веришь? — на бюро у нас бой шел. Не уломали! Отпустили с предупреждением: иди, собери актив, считай все заново...

Ну что ты будешь с ним делать? Собрали актив, думаем. Самая легкая вещь, оказывается, три плана дать. Бери за рога коров, бычков-недомерков, маток сдавай, оголяй стадо — вот тебе и три плана. А на другой год что? Какую песню петь? Ладно, говорю, хлопцы, вы тут без меня держитесь, дров не ломайте, а мне самое время печенку лечить. Мотнулся к врачам, взял справку, путевочку и залился на курорты. Пересижу, думаю, месяц, а он, может, угомонится. Какое там! Сижу в санатории, забиваю козла, чую по радио—наш район. Антон, сосед мой милейший, подписал обязательство на три плана, и Григорий Павлович вместе с ним от имени района дает вызов всей области. Тоже три плана. По району...

Э, думаю, Сема, это уже не шуточки! Не вытребеньки! В два счета могут эти модники хозяйство подрубить. Антону-то терять нечего: ему полгода осталось до пенсии, на него шумни — он и на десять планов подпишет, хозяиновать-то не ему. Дослуживает срок под страхом божьим, абы не сняли,— что ему думать о будущих временах?

Собираюсь скоренько, приезжаю домой — боже ты мой, что там делается! Мои хлопцы держатся, а Антон гонит на бойню бычков-недомерков, подсвинков сдает, маток, а Григорий Павлович, гляжу, уже и к коровам примеряется. Нацеливается на коров и опять-таки приступает ко мне: «Вы богачи, миллионеры, не жалейте денег, не крохоборничайте, покупайте коров!» «У кого?» «У колхозников». «Так они же завтра ко мне за молоком прибегут». «Ничего, потом разберемся. Покупай! Район подводишь». Не-ет, думаю, дорогой, тут ты меня не сломаешь, нет у меня пока условий, чтобы все село взять на молочное обеспечение! Да и к чему спешить? Не текут пока у нас молочные реки. Сколько городов у государства, сколько построек, и всех же надо молоком поить... Так к чему же это еще и сельских людей превращать в потребителей? Не пришел срок! Конечно, в тех колхозах, где могут людей обеспечить, там и счет другой, можно сегодня же освобождать хозяек от коровьей заботы. Но не у нас же... Да, выговорок я схватил тогда, но нервы выдержали. Устоял... А Антон-бедолага расстарался на полную катушку. В своем селе свел дивсех коров, еще и по другим районам разослал агентуру. В кредиты залез по самые уши...

Представляешь, за одну весну без малого не подсекли район!

А теперь разберись, будь ласка, зачем оно было нам нужно, это распроклятое браконьерство? Кого обманывали? Покупали у колхозника корову, тут же гнали ее на бойню, кому от этого была польза? Григорию Павловичу?

Вот тут и главный вопрос: он-то с чего браконьерствовал? Теперьто я понимаю! И не я один понимаю, да поздненько мы поумнели. А какой номер он под занавес выкинул! Видит, что с мясом не получилось, и с тысячниками открылся фокус, и насчет силоса приехала ревизия,—а, думает: семь грехов — один строгач, рискну! Хоть на кукурузе проскачу в дамки! И дает команду Антону и другим председателям: вывозите все под метелку... Но тут уже и Антон опомнился: это как же без фуража остаться? А скот?

На том и сгорел Григорий Павлович. Ох, и жаркий был пленум! Там-то мы его и раскусили...

Он зачем, ты спроси, ехал в район? За-чем? Хозяйство поднимать? Да нет, личный же план имел человек! Лич-ный! Осечка-то у него в области, знаешь, из-за чего вышла? Метили его в замы, в облисполком, а тут какая-то с хлебом раскрылась история: не то они кукурузу на корню сдавали под расписки, не то еще что-то. Правда, персональной вины тогда не нашли у Григория Павловича, но авторитет его пошатнулся. Он и попросился в район. Так и наметил себе: двину за год район — опять вернут меня на областную работу. И квартиру городскую не сдавал, держал там тещу. Понимаешь, один год себе отвел сроку — то-то и спешил! А это ж сельское хозяйство! Тут к славе, если по совести ее добывать, дорожка не ближняя. Раньше, чем прогреметь по области, надо фундамент заложить. А пока фундамент закладываешь, и в тени, не на виду, насидишься. Терпи! Держи нервы в порядке, — когда-то еще будет отдача! А ему-то не терпелось! Задерживаться он у нас не собирался, — какая же ему печаль о том, чем мы завтра будем план выполнять?!

Распрощались... После пленума он ко мне заезжал. «Куда,— говорю,— отправишься, Григорий Павлович?» «Ну, была бы,—говорит,— шея, хомут найдется! В совхоз директором посылают». «Надолго?» «Там видно будет». «Ох, — толкую,— Григорий Павлович, ты лучше загодя решай: надолго ли идешь? А то, может, опять на год — и там начнешь браконьерствовать?» Не ответил, обиделся, с тем и отбыл...

А у нас новое руководство. Солидные вроде хлопцы. Секретарь сад посадил — хороший признак, значит, долго жить собирается, не станет сук рубить, на котором сидит. Но все ж таки и за ним смотреть надо. Как бы и он на легкое не соблазнился. Думаешь, не те времена? Дал бы бог...

МЕНЯЕТСЯ ОБЛИК СЕЛА ЧЕРТАЗ, Мартунинского района, Нагорно-Карабахской автономной области. Завершается строительство колхозного Дворца культуры со зрительным залом на 700 мест, красивым фойе и комнатами, где будут заниматься участники самодеятельности.

Фото Э. Даниэляна и Н. Леорь

ИЗ КАНАДСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

На той сторон

Янка БРЫЛЬ

Вначале было два океана: голубой над нами и синий глубоко-глубоко внизу. В этой огромной сине-голубой раковине там и сям отливали перламутром облака, а над ними разрезало простор серебряное крыло самолета. Возникало порой ощущение, что мы стоим на месте, а под нами где-то вертится земля.

Сперва в просветах между облаками проплыли суровые, заснеженные горы Гренландии. Через некоторое время на синем дне раковины начали появляться айсберги — изумрудные ладьи с белыми ветрилами, словно чайки, предвещающие близкий причал. И правда, вот показалась серая россыпь островов, затем — серо-зеленый мрамор материка в бесчисленных заплатках озер. Лабрадор. Постепенно, чем дальше на юг, тем чаще появляются следы человека — сперва только стрелы дорог, а потом и поля и строения поселков.

Навстречу нам с земли зеркальцами поблескивают крыши ферм, крашенных алюминиевой пудрой. Веселый, уже сплошной витраж разноцветных и разноформенных полей, над которыми, таща за собой невод теней, ползут стада белых облаков. Привольно разлилась могучая река. Показался живой гигантский макет аккуратно распланированного города. Ниже, ниже, ниже... И вот она, земля, на которую мы ступаем из заоблачной выси.

* * *

Бывалые люди из нашей туристской группы уверяли нас, что Канада очень напоминает метрополию — Англию. Говорили они об этом в промышленном портовом Монреале, с его многоэтажным, расцвеченным рекламами центром, коттеджами и садами на нарядных окраинах, рекой святого Лаврентия, по которой в глубь континента заходят океанские корабли. Вспоминали наши бывальцы про «гордый Альбион» и в тихой, богатой парками и водой Оттаве — городе банков, костелов и правительственных учреждений. Вспоминали и в небольшом, еще более зеленом и тихом Стратфорде...

Однако тот же Монреаль напоминает и Францию — языком изрядной части жителей, газет, реклам, радио, телевидения, своей архитектурой. Есть там даже местный Нотр-Дам — роскошная копия парижского оригинала.

В Торонто, когда мы осматривали его торговый центр с почти всамделишными небоскребами, радушные хозяева шутя, но с приметной гордостью говорили: «А это наш Уолл-стрит, а это Бродвей, а это...» Словом, если учесть еще автомашины, рекламы американских фирм, полосатые флаги на некоторых зданиях, а также другие, хотя бы внешние, признаки, и в Торонто и в других местах Канады многое напоминает США.

Можно сказать, что и англичанин, и француз, и американец чувствуют себя здесь, как дома. Особенно американец. После второй мировой войны Соединенные Штаты с каждым годом все усиливают свое влияние на экономику и на политику этой страны...

Но, кроме бывших колонизаторов, которые за давностью лет считаются законными владельцами Канады, кроме новых претендентов на то, чтобы распоряжаться ее судьбами, живет здесь с незапамятных времен народ, исконный хозяин этой богатой и живописной земли. Это индейцы. О них упоминают лишь в каком-то музейно-заповедническом плане. Индейцев показывают здесь туристам с куда меньшей серьезностью и уважением, чем мы, например, показываем беловежских зубров...

В первый же наш заокеанский день, сразу после монреальского собора Нотр-Дам и шлюзов на реке святого Лаврентия, нас повезли, как сказали нам гиды, в «индейскую деревню» Канавагва. В этом экзотическом поселке, где больше всего ларьков с томагавками, игрушечными вигвамчиками из коры, масками, луками и другой сувенирной дребеденью, нас торжественно встретил соответственно убранный в перья вождь соответствующего племени, он же, по совместительству, и «файерпокер»—блюститель огня, нечто вроде шамана.

Сперва он очень охотно и один и в обнимку с туристами позировал перед фотоаппаратами, а потом стал молиться. Разжег в каком-то корыте кору, потоптался вокруг дымка, потряхивая бубном, похожим на мандолину с горохом внутри, погудел что-то, а потом накрыл свое огнище какой-то черной, по идее, бобровой шкурой. Идя навстречу желанию гида, он объяснил мистерам туристам содержание молитвы (за наше, разумеется, здоровьичко), вставив в свой английский рассказ несколько фраз по-ирокезски. И тут... тут произошло неожиданное чудо. Сознательно или бессознательно грозно-величественный вождь и всемогущий шаман обронил вдруг слово... по-польски — «дзенькуе». В нашу веселую догадку, что этот подозрительно несклепистый, неотесанный «Монтигомо Ястребиный Коготь» скорее всего какой-нибудь родич Остапа Бендера, пришлось, так сказать, внести поправку. Монтигомо, когда я заговорил с ним по-польски, растянул в панибратской улыбке свою красную, раскормленную на туристских наивностях физиономию и, не чинясь, признался, что он чуть ли не один из самых прямых и законных потомков знаменитого кантора из Ломжи, которого когда-то встречал несравненный Шолом-Алейхем!..

В этой забавной, живой новелле о еще одной форме бизнеса есть свой подтекст, и глубокий и грустный...

Я вспомнил о нем, или, вернее сказать, по-новому пережил все это в Стратфордском музее, перед полотнами Эмилии Карр, написанными на индейские темы, из жизни племен, изолированных в особых поселках — резервациях. Авторская боль и горькое раздумье над судьбой своих героев ярко выражены в образе матери-индианки, укрывающей в своих — каких же беспомощных! — объятиях дитя, символ народного искусства, осужденного на гибель... Кто его знает, то ли спасая это искусство, то ли просто следуя примеру нашего Монтигомо, тут же, под крышей музея, работал какой-то другой художник. Здоровенный джентльмен в белой нейлоновой рубашке с галстуком-бабочкой, он с размаху, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих, рубил индейским топором по здоровенной колоде канадского дуба, высекая на ней некое божество — тотем. Недалеко от этого джентльмена работала не менее шикарная леди — вырезала из дерева маски. Симпатичная молодая работница музея с важностью объяснила туристам, что леди художница является «индианкой со стороны бабушки».

Больше индейцев нам увидеть не пришлось. Впрочем, юг провинций Квебек и Онтарио, где мы были,— это лишь малая часть Канады. Тут, в наиболее густонаселенных и самых культурных районах страны, индейцы — нам это было известно — живут в резервациях, куда, как с галантным огорчением сообщил гид, туристов обычно не возят...

Интересно, что же сказал бы на этот счет мистер Дифенбейкер, премьер-министр Канады, решивший недавно предстать перед миром с трибуны ООН в неприглядной, провокационной роли «опекуна» и «освободителя» народов Восточной Европы?

* * *

Еще в детстве от самого Марка Твена мы узнали, что у земляков его был обычай—давать своим новым городам названия городов европейских. А все же, и зная об этом, приятно было из Торонто за каких-нибудь двадцать минут прилететь в Лондон, а из Лондона автобусом, тоже менее чем за час, приехать в Стратфорд...

Это двадцатитысячный городок с текстильными, мебельными и пищевыми фабриками, с пышно-идиллическими прудами, у берегов которых лебеди злобно щиплют руки туристам, когда те суются к ним с фотоаппаратами. Атмосфера здесь уж настолько английская, что и гостиница, где мы разместились, называется «Виндзор», и в вестибюле ее дымит с портрета сигарой грузный сэр Уинстон Черчилль.

Но Стратфорд, канадский Стратфорд, славен не этим. Начиная с 1953 года тут каждое лето с конца июня до половины сентября проходят шекспировские фестивали, слава которых перешагнула уже океан. Душой этого дела был и остается канадец английского происхождения, страстный почитатель Шекспира и добрый друг Советского Союза, простой, душевный и симпатичный Том Паттерсон, журналист, прогрессивный общественный деятель.

Первые четыре сезона фестиваль проходил во временном помещении под брезентовой крышей, и театр в то время носил название «театр под тентом». В начале пятьдесят второго года группа стратфордских поклонников Шекспира собрала сто двадцать пять долларов, и Том Паттерсон поехал в Нью-Йорк — на поиски «звезд», которые согласились бы послужить благородному делу. Вернулся он с пустыми руками. Тогда друзья обратились в Лондон (не в канадский, конечно, а в заокеанский), к знаменитому театральному деятелю Тайрону Гатрие. «Неосуществимая мечта» неожиданно начала осуществляться. Гатрие загорелся идеей нового шекспировского театра, согласился стать его главным режиссером. Он и Паттерсон постепенно зажгли своим энтузиазмом других — и в Англии и здесь, в Канаде. И вот летом 1953 года в старом

Митинг дружбы в Палермо. Слушатели

е планеты

стратфордском парке, потревожив лебединую тишь, заиграли традиционные трубы, оповещая о начале первого спектакля.

Новый театр построен в пятьдесят шестом году. Славно он выглядит — залитый солнцем, легкий и светлый, на первый взгляд похожий на большой цирк или, еще вернее, на круглый павильон веселой южной выставки! Радостная тревога охватывает вас уже тогда, когда на балконе, опоясывающем здание полукругом, появляются фанфаристы и взамен современных звонков раздаются звуки ренессансной музыки — и вначале и в антракте. Зрительный зал более чем на две тысячи мест, он поднимается амфитеатром с трех сторон. С четвертой стороны в этот роскошный амфитеатр легким возвышением со ступеньками вклинивается открытая сценическая площадка с балконами и подчеркнуто-примитивными входами. «Сон в летнюю ночь». Все эти потешные Пигвы, Миляги, Дудки и Рыла выбрались, например, один за другим словно из домашнего погреба, приподняв крышку потайного хода в самом центре площадки. Все эти условности не кажутся тут странными; поражает, очаровывает неповторимый колорит эпохи: то суровая, то поэтическая веселая среда, куда вас сразу переносит и замечательное оформление художников и замечательная игра актеров.

Кстати, действие начинается всегда выстрелом за сценой, и зрители — даже в пятый или десятый раз — от неожиданности вздрагивают, и по рядам прокатывается веселый шум. Но ненадолго: тут же надо встать и в торжественном молчании прослушать британский гимн.

Мы просмотрели весь репертуар нынешнего сезона: «Сон в летнюю ночь», «Король Иоанн» и «Ромео и Джульетта». Приятно отметить, что в целом игру актеров во всех трех спектаклях можно назвать незаурядной.

Еще приятнее было, когда все эти шекспировские дамы, лорды и короли, ремесленники, эльфы и феи сошли с подмостков и превратились, сперва на творческой встрече с нами, а потом на домашних приемах, просто в интересных и милых людей.

Надо сказать, что стратфордские фестивали не ограничиваются шекспировскими спектаклями. Там нынешним летом в фестивальную программу входили и оперетты, фестиваль кинофильмов, симфонические концерты с участием Леопольда Стоковского, семинар шекспироведов и международная конференция композиторов двадцати пяти стран.

Руководил нашей встречей один из талантливейших канадских режиссеров, Майкл Ленгхем. С подкупающей простотой и искренностью он говорил о том, как тепло его встречали недавно на нашей советской земле. Майкл Ленгхем рассказал, как он, солдат второй мировой войны, томился вместе с русскими в концентрационном лагере, как он был и остался под обаянием этих настоящих людей, верных своим благородным идеалам, мужественных, простых и одаренных. Побывав в СССР, он еще раз убедился в этих качествах советских людей.

* * *

Палермо как город я, собственно говоря, почти и не запомнил. За этим названием перед глазами встает поросшая молодым лесом зеленая равнина на северном берегу огромного озера Онтарио и фигура великого Кобзаря, задумчиво глядящего на солнечное серебро и золото ласковых волн, за живой бескрайностью которых ему видится Днепр и просторы напоенных ароматом украинских степей.

Шевченковский заповедник Палермо...

1 июля 1951 года здесь был поставлен первый на американском континенте памятник гениальному певцу Украины, подарок прогрессивной украинской иммиграции от Советской Родины. Правильнее будет назвать этот памятник подарком украинцам, белорусам и русским — всем, чьи сердца и на далекой чужбине бьются с сыновней любовью к родному народу, к стране отцов, которая стала родиной всеобщего человеческого счастья.

С тех пор каждый год в день 1 июля тут собираются многолюдные шевченковские митинги, торжественно-патриотические, по-украински звонко-веселые. Когда мы приехали в заповедник, шел так называемый «окружной пикник» торонтских украинцев, фактически митинг дружбы, на который собралось тысячи три народу.

На зеленой поляне и в тени деревьев разместились они широким кругом — рабочие, фермеры, интеллигенция из ближних и не слишком ближних краев. Подле радиофицированной эстрады, на которой уже выступал оратор, толпа была значительно плотнее. Как мы убедились, съехались не только украинцы, белорусы и русские, но и другие представители прогрессивной части славянской иммиграции: поляки, болгары, словаки, сербы, македонцы... Было немало и их друзей — канадцев.

Под вечер, выступая на обеде, известный канадский писатель Д. Картер проникновенно говорил о значении и этого заповедника как места дружеских встреч и самого Шевченко как прекрасного символа революционной дружбы для всех людей доброй воли, которые хотят вместе отстаивать мир и строить счастливую жизнь.

— Два названия — Стратфорд и Палермо, два имени — Шекспир и Шевченко... Как это чудесно звучит, дорогие друзья! Как хорошо верить, что такие встречи, как сегодня, только начало нашей большой и крепкой дружбы!..

Так говорил он, автор известных в СССР романов «Будущее за нас» и «Сыновья без отцов», сильной и красивой души человек, неизлечимо больной.

Так говорил, умно и весело, вызывая в толпе взрывы молодого смеха, известный борец за мир Д. Эндикотт. Говорили и другие их соотечественники: поэт У. Макдональд, председатель союза электриков Канады К. Джексон, известный украинский культурный деятель, литературовед и выдающийся переводчик Шевченко на английский язык Джон Вир (Иван Вевюрский). Говорили и советские гости: московский хирург Т. С. Белова, армянский экономист М. С. Шахбазян, белорусский поэт Пимен Панченко... Говорили мы каждый по-своему, на разных языках — и все об одном.

...Под памятник Кобзаря положена земля с горы Чернечьей. А рядом с музеем его имени, открытым на год позднее, склонились три знаменитые вербы, прутиками привезенные сюда с днепровских берегов... Взволнованный, ходишь по залам небольшого музея, организованного здесь при братской помощи советского Киева. По экспонатам вспоминаю киевский и каневский музеи. А вот и незнакомое, свое, местное. Под стеклом — деревянная ступка, рубанок, лопата, грохот, пила, топор... Орудия труда, с которыми еще на склоне прошлого века сюда добирались из-за океана «люди в кожухах»... Так презрительно называли безъязыких и безответных искателей хлеба мошенники и кровососы, которые привозили их сюда на палубах и в трюмах пароходов на новую, так же, как и старая, не щедрую на милости землю...

А вот большой раскрытый альбом с множеством подписей. Это памятная книга мужественных сынов иммигрантской «кожушной голытьбы», подписи тех украинских, русских и белорусских парней, которые отправились отсюда, из Канады, на помощь испанским республиканцам. С уважением думаешь здесь о тех, кто со славой защищал от фашистов Испанскую республику, откуда многие и не вернулись, и о тех, кто в дни второй мировой войны самоотверженно, от трудов рук своих помогал родному советскому народу...

Когда мы несли цветы к памятнику великого Тараса, на дорожке парка нас задержал старик садовник, хотя и в канадском костюме, но с запорожскими усами. Он поздоровался и собственноручно приколол к костюму каждого по розе. Хорошо это: нежный цветок, красный, белый, желтый — огонек счастья в заскорузлых от работы руках старого человека!..

Работница Наталка из дымного онтарийского Гамильтона, смуглая молодица в гуцульском костюме, вышла в круг, привычной рукой поправила микрофон и, что зорька, очаровательно и просто улыбнулась.

— Дорогие советские гости и вся наша местная, так сказать, регулярная публика! Начинаем концерт...

Дальнейшие ее слова потонули в дружном хохоте более чем шестисот человек, которые еще продолжали сидеть за столами или уже стояли густой толпой на освобожденной от столов и стульев площадке большого павильона. Понравилось всем и это забавно неожиданное — «регулярная публика», а вдобавок еще и то, что из группки детей вдруг выбежала маленькая светловолосая девочка и, кинувшись к маме-конферансье, обеими руками вцепилась в ее узорную юбку. Малышку уговорили, погладили по головке и увели. Мама Наталка начала объявлять программу.

Она не только конферансье. Ее звонкий голос — душа известного на всю славянскую Канаду трио «Верховина». По обе стороны Наталки стоят две Марии: постарше, солидная, и «молодесенька та гарнесенька» Марийка с черными глубокими глазами.

Как хорошо, как по-новому звучат тут и острые коломыйки и «Подмосковные вечера»!..

После «Верховины» по предложению все той же Наталки мы, многосотенная самодеятельная стихия, поем «Реве та стогне». Как степь, раздольно и, как гимн, торжественно звучит песня здесь, где за окнами звездное небо, над волнами озера, экзотическое название которого волнующе звенело нам — Онтарио! — еще в индейских, куперовских снах детства...

* * *

Хорошо быть посланцем такой Родины, как наша, на себе испытать, как ее любят и уважают умные, чистые сердцем люди!

Хорошо возвращаться из странствия, и не просто домой, а в такой дом, как наш, советский!

Эти мысли волновали душу в радостный час возвращения, когда на смену бесконечной и бессонной ночи за окном самолета сперва появилась первая звездочка, потом над черным, затянутым тучами дном заря и, наконец, родное солнце!

на концерте трио «Верховина».

Вл. РУДИМ

ЧЕЛОВЕК И ИНСТРУКЦИЯ

Расскажу вам о случае, который меня очень взволновал,—пишет в редакцию из Днепропетровска читатель В. Крылов. — На конечной остановке в троллейбус № 4 не посадили человека с больной ногой.

— У одного болит нога, у другого — голова, нам до этого нет дела, — заявила кондуктор. — У нас есть инструкция, здесь запрещено производить посадку.

Кондуктора поддержали и водитель и контролер. Я записал номер этой машины: «55». Подошел следующий троллейбус. Как я обрадовался, когда пассажиру было разрешено сесть в троллейбус! Вот я и хочу спросить вас: кто же прав? Что же важнее — человек или инструкция?»

Иной читатель может сказать: обыкновенный случай. Один поступил так, другой иначе... Какое это имеет значение?.. Нет! Многое зависит от наших поступков.

У меня в руках командировка в Днепропетровск. Кто те люди, о которых написал читатель «Огонька»?

Оказывается, не пустили в троллейбус человека с больной ногой кондуктор Стадник и водитель Волобой. Присутствовавшая там же контролер Вабилева поддержала их. Такова, мол, инструкция.

Посадили же человека водитель комсомолка Алла Сидоренко и кондуктор Зина Колесник.

Нарушили они этим самым какую-нибудь инструкцию? Для меня было ясно: нет, не нарушили. Более того, они заслуживают самых добрых слов.

А как думают в трамвайно-троллейбусном управлении?

Начальник управления Н. Ф. Конарев говорит:

— Хорошо поступили Сидоренко и Колесник. Инструкция тут ни при чем.

Инструкция... Она, конечно, нужна, и в ряде случаев без нее никак не обойтись. Но ведь, руководствуясь инструкцией, нужно уметь не только букву прочитать! Стадник, Волобой и Вабилева — а их считают неплохими работниками — не ушли дальше буквы, огорчили человека и в конце концов оказались неправы.

Из самого существа нашего советского строя вытекает, что цель любой инструкции в конце концов — любовь к людям, забота о людях. Все инструкции должны быть подчинены этому. Если этого нет, инструкция просто вредна. Но иной раз находятся люди, которые ухитряются и хорошее правило повернуть во вред другим.

Известно: человек красит место, но не всякий. Сколько огорчений и ненужной волокиты доставляет тот, кто ни шагу не сделает без параграфов, инструкций; сколько удовлетворения приносит людям внимательный человек, у кого в сердце горит щедрый, вдохновляющий огонек любви к людям!

Эти щедрые огоньки, словно вехи, вошли в короткую биографию рабочего парня Леонида Маляренко.

Однажды с ним стряслась беда: попал под трамвай. С той трагической минуты жизнь Леонида — это история о его друзьях и товарищах, о знакомых и незнакомых людях, которым не раз пришлось «нарушить» правила и инструкции, чтобы помочь человеку.

Их было много: и парторг Степан Михайлович Озеров, и комсомольские вожаки Николай Дацько, Степан Муха, Иван Копцов — да всех невозможно назвать! Чего только не делали друзья, чтобы их товарищ скорее поправился!

Назову еще одно имя: Тамара Татарчевская. Обаятельная девушка с голубыми доверчивыми глазами. Она принимала самое горячее участие в судьбе Леонида. И настал день объяснения в любви. Потом был другой день — к Маляренко приехала заведующая загсом; хотя могла бы и не приезжать, ее никто не обязывал регистрировать браки на дому. Однако у Леонида еще не были готовы протезы. Как же тут не пойти навстречу человеку!

Потом Леонид пришел к начальнику цеха, в котором работал до несчастного случая. Формально начальник цеха мог бы отказать парню. Но он не отмахнулся, не сказал, что Леонид, мол, инвалид, обеспечен пенсией и завод уже не для него. Для Маляренко нашли новое дело: поручили маркировать инструмент. Затем перевели чертежником в техотдел.

Не забыли о нем и тогда, когда распределяли квартиры в заводском доме: дали уютную однокомнатную квартиру на первом этаже. Дали вне очереди, об этом все знали, и никто не обиделся: ведь правильно поступили!

И, наконец, еще об одном огоньке в биографии Леонида: он захотел заниматься заочно в машиностроительном техникуме. Здоровье у него было слабое. Зная об этом, Маляренко пошел посоветоваться с заместителем директора техникума Ларисой Макаровной Волнянской: стоит ли подавать заявление, примут ли его?

По правилам — нельзя. Но ведь правило создано для того, чтобы им руководствовался не бюрократ, а человек умный и чуткий! Такими оказались и руководители машиностроительного техникума. Они сказали: сдавайте вступительные экзамены.

Как тут не повторить вслед за Леонидом Маляренко: судьбу человеческую творят люди.

До сих пор я говорил об инструкциях писаных. А сколько есть неписаных инструкций, правил, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни! Есть много правил и норм, утвержденных годами, опытом, здравым смыслом. Нигде вы не прочтете параграфа о том, что, скажем, врач и в неслужебное время обязан помочь человеку, оказавшемуся в беде. Это же само собою разумеется! Если в данном случае все ясно, то есть еще немало таких примеров, когда до ясности далеко, когда следует сказать о необходимости утверждения наших, советских норм и требований.

Человек живет в обществе, он с людьми сталкивается на работе и дома, в трамвае и магазинах, в театре и на рынке, в парке и троллейбусе — всюду. И как хорошо почувствует себя каждый, когда встретит приветливую улыбку, предупредительность, когда почувствует дружескую поддержку! Это долг каждого из нас и всех вместе.

На окраине Днепропетровска, в общежитии металлургического завода имени К. Либкнехта, я разыскал Галю Самусько и Любу Ткаченко. Вот какие они. Узнав, что одна из девушек, живших в общежитии, Надя Черепаха, выходит замуж, что она получила комнату, пришли взглянуть, нужен ли ремонт.

— Я уже была в жилищно-коммунальном отделе, — сказала Надя, — обещали через месяц сделать ремонт.

Но ведь через десять дней у Нади свадьба! Любе и Гале так захотелось, чтобы Надя начала новую жизнь в новой комнате! Выходной день и еще два вечера работали подруги. Надя поселилась после свадьбы в новой комнате.

На этом можно было бы и закончить короткий рассказ про Галю, Любу и Надю. Но хочется еще спросить: а смогли бы работники ЖКО сделать Наде такой же своеобразный подарок к свадьбе, как Галя и Люба? Конечно, смогли бы! Ремонт требовался не такой уж большой. И материалов нужно было самую малость. Чего же не хватило в ЖКО? Только чуткости. С обычной точки зрения ни в чем не упрекнешь ЖКО: на ремонт дали согласие, на очередь записали, да и месяц — срок не великий. Однако девушка на пороге большого события — свадьбы. И какими бы светлыми стали для нее эти три холодных буквы «ЖКО», если б в сердцах работников ЖКО было столько же хорошего, как у Гали Самусько и Любы Ткаченко!

...Сколько молодых судеб устроил Сергей Красуля — секретарь одного из городских райкомов комсомола!

Пришла как-то в райком Вера Р. Прямо с вокзала, с поезда. Уехала она из далекого города, вернее, сбежала: очень уж печальная история получилась там у нее. От обиды, от горя села девушка на первый же поезд — все равно куда! В Днепропетровске у Веры ни одной знакомой души. Но при чем тут знакомые, когда есть много душевных людей, людей с отзывчивыми сердцами! После встречи с Сергеем Красулей девушка стала трудиться в пригородном колхозе.

А такое разве не трогает: Люба Иванова работала в швейной артели, жила на частной квартире. К хозяйке нагрянули родственники, девушке было предложено немедленно уехать. А Любе уезжать некуда, к тому же у нее больное сердце.

Как же устроить Любу с жильем? Общежития артель не имеет. Постойте, но ведь есть общежития при заводах! Связался с трубопрокатным заводом имени Ленина, с Тищевским — начальником жилищно-коммунального отдела. Правило не разрешало Михаилу Корнеевичу Тищевскому поселять в общежитии человека, не имеющего никакого отношения к заводу. Сердце же, совесть говорили: нужно пойти навстречу. Так Люба Иванова переехала под «чужую» крышу, где ей стало гораздо уютней и теплей, чем у хозяйки.

И еще одна история, связанная с именем Сергея Красули. Техник-строитель Вениамин Акимов надолго заболел. Пришлось оставить работу, связанную с частыми переездами. А другого подходящего занятия никак не мог найти.

В одном месте нет вакантной должности, в другом есть, да в отделе кадров боятся: «Возьмешь хворого — потом возись с ним».

Плохое было настроение у комсомольца Вениамина Акимова. И он направился к секретарю райкома комсомола. Выслушав Вениамина, Сергей начал звонить на предприятия, потом ходил в отделы кадров в поисках подходящего места для Акимова. И нашел! Позвонил как-то в монтажную организацию к начальнику.

Многие благодарны комсомольскому вожаку Сергею Красуле.
Фото автора.

— Конечно, парня нужно поддержать, — с готовностью отозвался начальник. — Присылайте ко мне. Устроим, и даже очень хорошо.

Беспокойная должность у секретаря! Казалось бы, тут любого так «затрут» дела, что не останется ни минуты для того, чтобы разбираться в чужих бедах. Так можно подумать о ком угодно, но не о Сергее Красуле. О чужих бедах он знает не с чужих слов. Рос в военные годы, среди тревог и лишений партизанского края, среди людей, делившихся последней самокруткой и последним патроном. Рос в холодные годы, согреваемый теплом сердец. А тепло такой закалки никогда не иссякнет! С комсомольской взволнованностью сказал мне Сергей Красуля: «Нельзя называться человеком, если не верить в человека!»

Борис **ЕГОРОВ**

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

История болезни

Петр Семенович Сорокин вот уже четвертый день в постели: грипп!

У самой подушки стоит тумбочка с лекарствами. Люстра завешена газетой, чтобы больного не раздражал свет. Радио выключено. Лазаретную тишину нарушает лишь пение щегла в клетке.

— Скучно, Петя? — спрашивает жена.— Вот работал, был нужен. А теперь о тебе и не вспомнит никто...

Говорят, что мысли передаются на расстоянии. Ровно через минуту прозвучал телефонный звонок. Председатель месткома Борейко проявлял беспокойство о здоровье больного и сообщал, что вечером придет его проведать.

Борейко явился не один. С ним был плановик Кутайсов.

— Ну как, герой, пульс и температура? — воскликнул глава месткома.— Тут такие дела творятся, а ты, понимаешь, лежишь!

Сорокин почувствовал себя несколько виноватым. Борейко этого не заметил и продолжал развивать мысль:

— Каждый день собрания проводим. Вал дотягиваем, номенклатуру добиваем, с неликвидами боремся.

— Угу,— поддакнул Сорокин, делая вид, что самое главное сейчас для него — неликвиды.

Вошла Анна Гавриловна, жена Петра Семеновича, и поинтересовалась, не желают ли представители общественности поужинать.

— Мы, собственно, на полчасика,—скромно сказал Кутайсов, но лицо его сразу оживилось и посветлело.

— Что вы, что вы! Я так рада! Думала, совсем забыли про моего мужа. Но вот пришли. Нет, я вас голодными не отпущу. Вы же с работы?

— С работы,— признался Кутайсов.— Вал дотягивали, номенклатуру добивали...

— Тем более. Я вас грибками угощу. Своего засола. Пирожками... А это что такое?— Анна Гавриловна показала на сверток, перевязанный тесемкой.

— От месткома гостинец,— пояснил Борейко.

— Передача для больного,— добавил Кутайсов.— Фрукты там... Ну, и кое-что от простуды... Знаешь, Семеныч, убирай свои облатки-таблетки. Мы тебя лечить будем.

Представители общественности «лечили» больного, но не забывали подливать и себе. Видимо, ради профилактики, Борейко через каждые пять минут приговаривал: «Ну, пирожки, я должен сказать!..» Ему вторил Кутайсов: «А грибочки — редкость!»

Когда антипростудное средство было исчерпано, Кутайсов спросил, доставая из кармана папиросы:

— А курить можно? Если, конечно, хозяева не возражают.

— Дай-ка и я, пожалуй, затянусь,— присоединился Борейко.

Пуская в потолок кольца дыма, глава месткома философски заметил:

— Да, время идет. Стареем, болеем. Как это римляне говорили? Сик транзит глориа мунди...

Представителям общественности было тепло и хорошо. «Полчасика» остались далеко позади. Гости стали собираться домой, когда стрелки часов приближались уже к двенадцати.

— Так ты, Семеныч, того, выздоравливай,— пожелал на прощание Кутайсов.— Мы тебя поднимем на ноги.

А Борейко, уже держась за ручку двери, признался Анне Гавриловне:

— Правильно вы упрекнули нас, когда сказали, что мы как-то забыли про вашего мужа. Это нечуткость. Но дело поправимое...

На следующее утро телефон сообщил: Сорокина жаждет навестить группа сотрудников отдела снабжения.

«Гостинец», который прихватили с собой снабженцы, был по содержанию точно таким же, как и первый. Разве что размером побольше.

Как и их предшественники, снабженцы хвалили грибы и пирожки. Домой тоже не торопились, хотя обещали задержаться «только на полчасика».

После их ухода Анна Гавриловна сказала мужу:

— Петя, надень пижаму и выйди в коридор: твои товарищи так накурили, надо окно раскрывать.

Ночь Сорокин спал беспокойно. Его одолевали кошмары. Приснилось, будто пришло к нему много гостей. Так много, что в комнате всем и не разместиться. Тогда кто-то из них предложил: «Давайте вынесем Петра Семеновича вместе с кроватью на кухню...»

Потом явился врач. Он осмотрел больного и долго качал головой. Вид у Сорокина был далеко не бравый.

Общественность проявляла к здоровью Сорокина все более широкий интерес. После снабженцев Петра Семеновича проведали представители бухгалтерии. Три женщины: Алла Ивановна, Белла Ивановна и Стелла Ивановна.

— Сорокин, дорогой, как это вы себя не уберегли! — воскликнула Алла Ивановна. — К здоровью надо относиться очень внимательно. Руки мыть, фрукты мыть, молоко кипятить, ручки дверей два раза в неделю протирать карболкой. Это — правило. Медицина строга. Даже с женой нельзя целоваться, если вы подозреваете у нее грипп или что-то в этом роде. Вот так у нас Сиделкин заразился гриппом. От собственной жены. И теперь — осложнение на сердце...

— Ха, эти сердечные осложнения у Сиделкина! — усмехнулась Белла Ивановна. — Думаю, жена здесь в общем ни при чем...

— Вот так, сейчас начнутся сплетни, — заметила Стелла Ивановна. — Давайте говорить о чем-нибудь другом.

Другой темы для бесед с больным не было. Зато нашли неисчерпаемый кладезь разговоров с его женой. Оказалось, что она великолепная портниха. Алла, Белла и Стелла наперебой атаковали ее вопросами:

— Анна Гавриловна, как сделаны на вашей юбке мягкие вытачки?

— У вас очень хороший покрой косого рукава. Поделитесь.

— А тунику вы никогда не шили? Сейчас это входит в моду.

Комната была наполнена радостными, умиленными возгласами.

А Петр Семенович лежал и думал о том, что он тут лишний. И еще думал, как бы пройти в конец коридора. В этом у него была крайне острая необходимость.

Несколько раз Сорокин говорил: хочу, мол, подняться. Но неумолимые женщины не понимали намека и твердили одно: «Вы больной, вам надо лежать».

Сорокин бледнел, зябко ежился и нетерпеливо ждал, когда же закончится демонстрация юбок и женщины уйдут.

Наконец Алла, Белла и Стелла дали отбой:

— Ну что ж, мы у вас чудесно посидели. А то когда бы собрались...

Каждый день слышал Петр Семенович пламенные заверения:

— Мы тебя, Сорокин, поднимем на ноги!

Но он как-то не верил в это. Жизнь его становилась тягостнее. Ко всему прочему прибавился новый минус: Анна Гавриловна не уделяла уже больному столько внимания, как прежде. Она была озабочена приемами.

— Ах, сегодня придет начальник отдела!

— Ох, только что звонил завканцелярией! Будет вечером.

— Анечка, но я просил же тебя взять в аптеке эфедрин и капли...

— Это, мой милый, легко сказать. Я зашла в аптеку, а в рецептурном отделе очередь. У меня не хватило времени стоять. А в Гастрономе в это время была языковая колбаса. Мне, что ли, она нужна? Все твоим сослуживцам. Я уже вся закружилась.

Поскольку жена действительно закружилась, то после ухода очередных «проведывателей» Сорокин сам мыл посуду, подметал пол, проветривал комнату.

Те из сотрудников, которые не могли навестить Сорокина лично, звонили по телефону, справляясь о его здоровье.

Стоило только Петру Семеновичу чуть-чуть забыться, как он уже вздрагивал от телефонного звонка. Сорокин поднимался и, шлепая тапочками по паркету, шел к аппарату.

— Да, да. Здравствуйте. Спасибо. 38 и 2. Горло побаливает, но в общем ничего. Да, пускаю в нос. Принимаю. Постараюсь.

Едва он ложился, как настойчивый телефонный звонок снова доставал его из-под одеяла.

— Да, да. Здравствуйте. Спасибо. 38 и 2. Горло побаливает, но в общем ничего. Да, пускаю в нос...

«А может, лучше совсем не ложиться? — думал Петр Семенович. — Все равно покоя не будет». И он оставался дежурить у телефона в ожидании новых проявлений чуткости со стороны сослуживцев. Оставался до тех пор, пока из похода по магазинам не возвращалась его жена.

Однажды Анна Гавриловна пришла с рынка и обнаружила, что больной исчез.

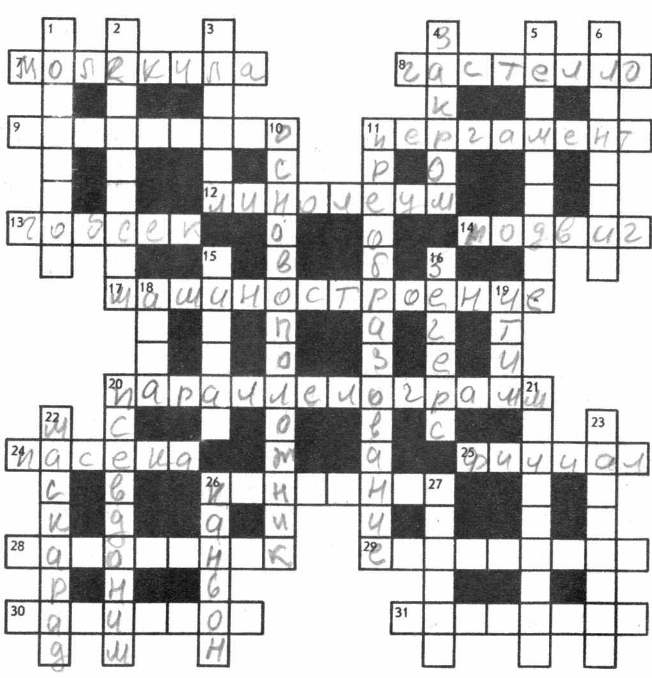
На тумбочке рядом с лекарствами лежала бумажка: «Милая Аня, не ругай меня. Иначе я поступить не мог. — У бедной супруги на лбу выступил холодный пот: так обычно начинаются очень трагические записки. — Я ушел на работу. Решил, что там выздоровею быстрее».

— Ох, господи! — произнесла Анна Гавриловна.— Хорошо, хоть живой!

Ей вспомнились слова Кутайсова: «Мы его поднимем на ноги!»

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Элементарная частица. 8. Герой Великой Отечественной войны. 9. Город в Донбассе. 11. Кожа, обработанная для письма. 12. Материал для покрытия полов. 13. Произведение О. Бальзака. 14. Героический поступок. 17. Отрасль тяжелой индустрии. 20. Четырехугольник. 24. Пчеловодное хозяйство. 25. Отделение предприятия или учреждения. 26. Китайский джут. 28. Певчая птица. 29. Промысловая рыба. 30. Теплообменный аппарат. 31. Союзная республика.

По вертикали:

1. Сорт яблони. 2. Раздел грамматики. 3. Автор трагедии «Антигона». 4. Место в амбаре для засыпки зерна. 5. Поэма А. Блока. 6. Опера Р. Вагнера. 10. Создатель учения, направления, школы. 11. Коренное изменение. 15. Тропический плод. 16. Немецкая писательница. 18. Духовой инструмент. 19. Приток Иртыша. 20. Вымышленное имя. 21. Страсть к музыке. 22. Костюмированный бал. 23. Древний литературный язык Индии. 26. Глубокая узкая долина с крутыми склонами. 27. Комиссар в пьесе К. Тренева «Любовь Яровая».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

4. Фундамент. 6. Кюхельбекер. 9. Аникет. 10. Меконг. 14. «Марта». 15. Варенец. 16. Чагос. 17. Сигнатура. 18. Рубильник. 20. Плато. 21. Фабрика. 22. «Волга». 25. Сайдак. 26. Пантун. 29. Комментарий. 30. Актинолит.

По вертикали:

1. Антей. 2. Вальдшнеп. 3. Телец. 4. Флюгер. 5. Тренер. 7. Лихтенштейн. 8. Тональность. 9. Амариллис. 11. Гронинген. 12. Лауреат. 13. «Дедушка». 19. Кручинина. 23. Пахота. 24. Радист. 27. Смета. 28. «Шасла».

На первой странице обложки: Ученики школы-интерната в Лучобе, под Сталинабадом, на перемене.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Зима в Татрах. Чехословакия.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление В. Епанешникова.

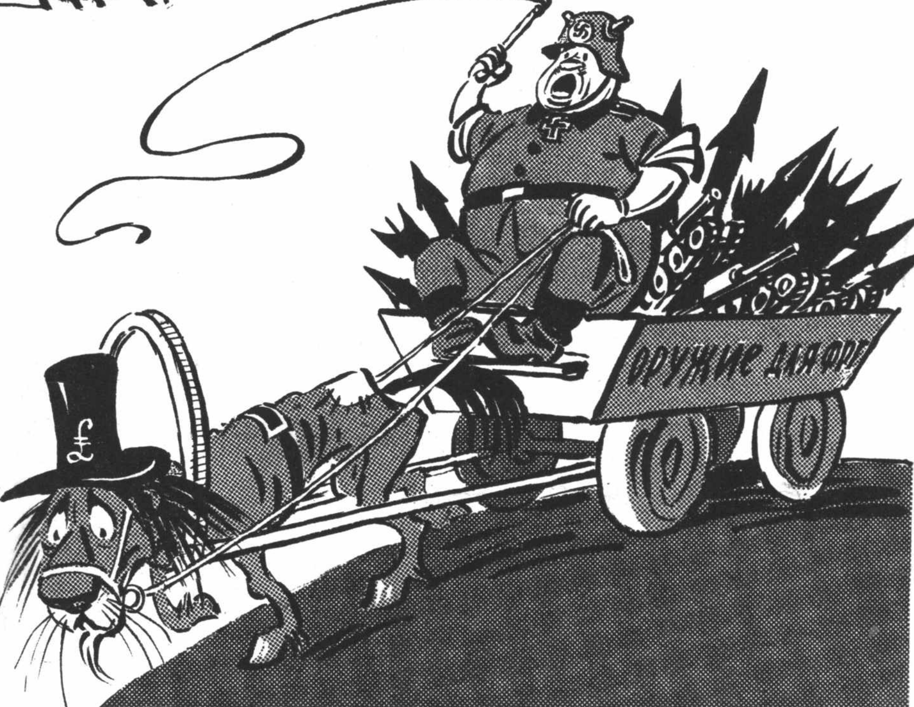
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10731. Подписано к печати 7/XII 1960 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2.5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 718 000. Изд. № 2031. Заказ 3287.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Междуна обозрен

Друзья-стервятники.

Рисунок Г. Кречмара. ГДР.

Западногерманский воз и британский тяжеловоз.

Рисунок М. Абрамова.

Читатели «Огонька» в 1961 году узнают о славных делах наших современников — разведчиков будущего, о проблемах и открытиях науки;

вместе с нашими корреспондентами совершат путешествия в зарубежные страны и посетят малоизвестные уголки нашей Родины;

увидят произведения искусства из картинных галерей СССР, Китайской Народной Республики, Чехословакии, Польши, Венгрии, Великобритании, Италии, Франции, а также работы советских и зарубежных фотомастеров;

познакомятся с новыми произведениями советских писателей:

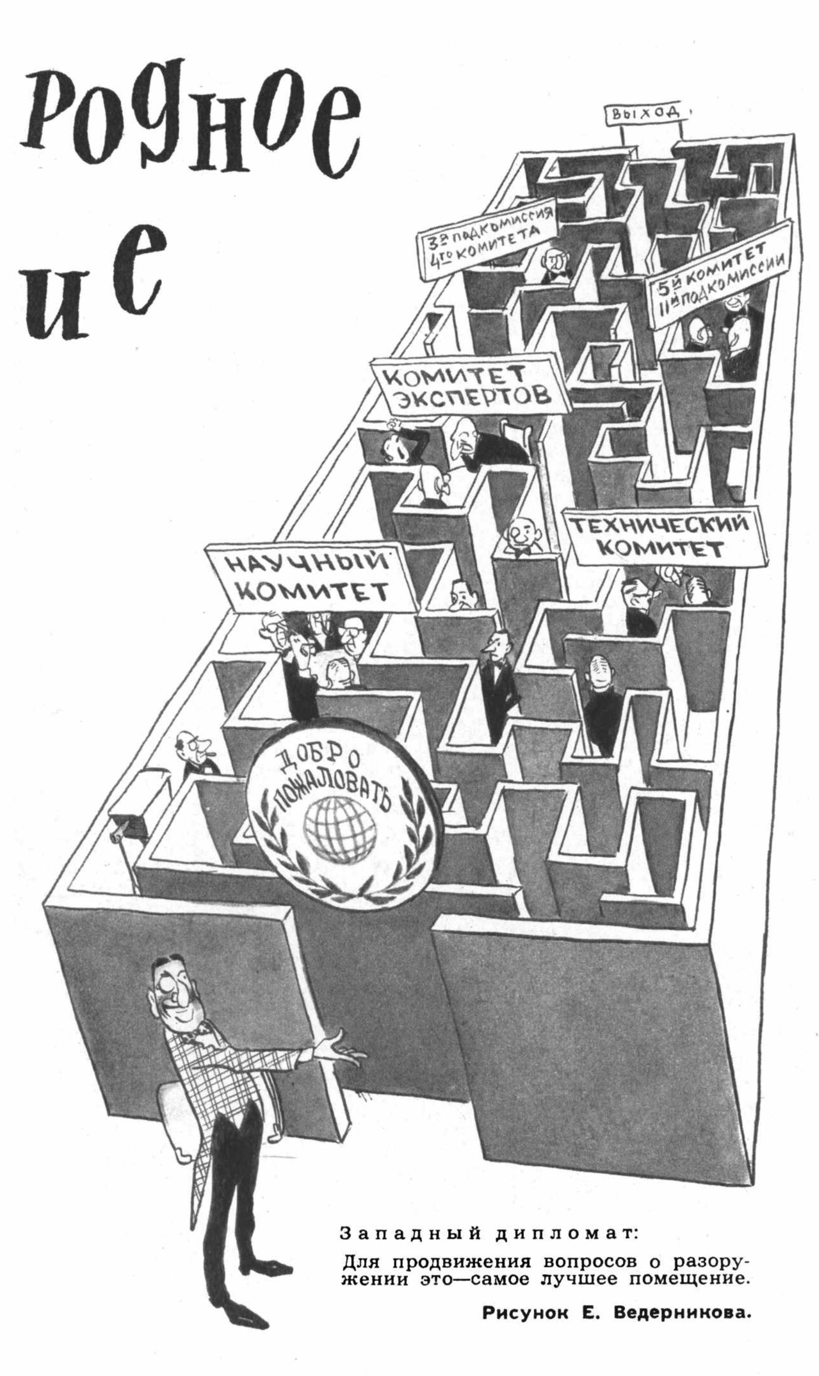
Н. Адамян, П. Антокольского, С. Антонова, Н. Асеева, П. Бровки, Я. Брыля, С. Васильева, С. Воронина, Н. Воронова, Р. Гамзатова, О. Гончара, Н. Грибачева, Е. Дороша, Б. Зубавина, М. Ибрагимова, В. Каверина, А. Калинина, В. Катаева, В. Кожевникова, В. Кочетова, В. Лациса, Л. Леонова, А. Малышко, С. Маршака, Ю. Нагибина, С. Никитина, П. Нилина, В. Пановой, Л. Первомайского, Б. Полевого, А. Прокофьева, Е. Поповкина, Г. Радова, Ш. Рашидова, Н. Рыбака, Н. Рыленкова, М. Рыльского, К. Симонова, Я. Смелякова, С. В. Смирнова, С. С. Смирнова, Л. Соболева, Я. Судрабкална, В. Солоухина, А. Суркова, М. Турсун-заде, К. Федина, К. Чуковского, М. Шагинян, М. Шолохова, И. Эренбурга и других.

Познакомятся также с новыми произведениями зарубежных писателей:

А. Аббаса, Г. Белля, С. Гейма, А. Гидаша, Я. Ивашкевича, П. Карваша, Х. Лакснесса, К. Монтелле, А. Моравиа, П. Неруды, Д. Олдриджа, В. Сарояна, Ф. Харди, Э. Хемингуэя, К. Чандара, Чжао Шу-ли и других.

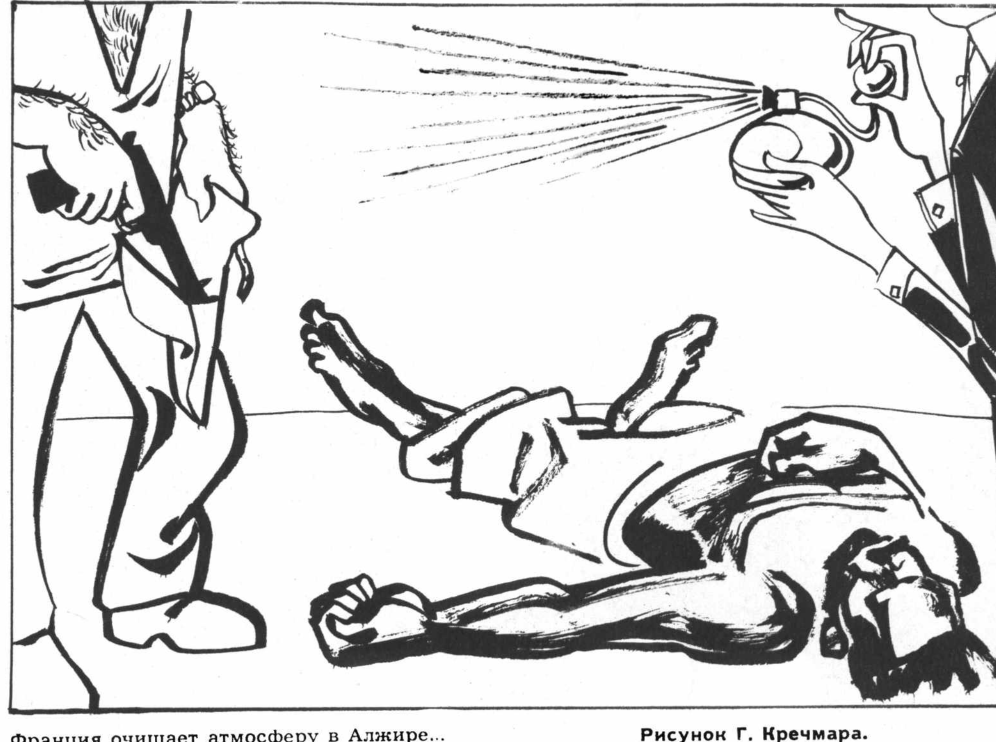
В «Огоньке» будут печататься приключенческие и научно-фантастические повести В. Ардаматского, Н. Асанова, О. Грудинина, И. Ефремова, Л. Овалова.

Родное
ие

Западный дипломат:
Для продвижения вопросов о разоружении это—самое лучшее помещение.

Рисунок Е. Ведерникова.

Франция очищает атмосферу в Алжире...

Рисунок Г. Кречмара.

Заботы колонизатора:
— Я не могу уйти, я к нему прикован.

Рисунок Шандора Эрдеи.
Венгрия.

Млекопитающее-паразит.

Рисунок Ц. Нервиньского.
Польша.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В 1961 ГОДУ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» БУДУТ ДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

I

24 КНИГИ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ:

В. В. ВЕРЕСАЕВА в 5 ТОМАХ

ТОМ I: повести и рассказы 1887—1900 годов, «Записки врача»; ТОМ II: повести и рассказы 1901—1906 годов; ТОМ III: «На японской войне», «Живая жизнь» (о Достоевском и Льве Толстом); ТОМ IV: «К жизни», рассказы 1915—1945 годов; ТОМ V: «Воспоминания» (1921—1945), фрагменты из книги «Записи для себя».

ДЖЕКА ЛОНДОНА В 14 ТОМАХ

ТОМ I: «Сын Волка» (рассказы), «Бог его отцов» (рассказы), «Дети мороза» (рассказы); ТОМ II: «Путешествие на «Ослепительном», «Дочь снегов», «Зов предков»; ТОМ III: «Люди бездны», «Вера в человека» (рассказы), «Игра», «Рассказы рыбачьего патруля»; ТОМ IV: «Морской волк», «Белый клык»; ТОМ V: «Лунный лик» (рассказы), «До Адама», «Любовь к жизни» (рассказы), «Дорога»; ТОМ VI: «Война классов», «Революция», «Железная пята», «Путешествие на «Снарке»; ТОМ VII: «Мартин Иден», «Потерянный лик» (рассказы); ТОМ VIII: «Время-не-ждет», «Когда боги смеются» (рассказы); ТОМ IX: «Рассказы южного моря», «Сын солнца» (рассказы), «Храм гордыни» (рассказы), «Лютый зверь»; ТОМ X: «Смок Беллью» (рассказы), «Смок и Малыш» (рассказы), «Рожденная в ночи» (рассказы), «Сила сильных» (рассказы); ТОМ XI: «Джон Ячменное зерно», «Звездный скиталец», «Алая чума»; ТОМ XII: «Маленькая хозяйка большого дома», «Черепахи Тасмана» (рассказы), «Голландская доблесть» (рассказы); ТОМ XIII: «Джерри-островитянин», «Майкл, брат Джерри», «Красное божество» (рассказы); ТОМ XIV: «На циновке Макалоа» (рассказы), «Сердца трех».

СЕРВАНТЕСА В 5 ТОМАХ

ТОМА I—II: «Дон Кихот»; ТОМ III: «Назидательные новеллы»; ТОМ IV: «Назидательные новеллы», «Интермедии», «Галатея» (отрывок); ТОМ V: «Странствия Персилеса и Сихизмунды».

II

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ПЯТЬДЕСЯТ ДВЕ КНИЖКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

☆ ☆ ☆

Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, в учебных заведениях и учреждениях.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» ПОДПИСКУ НЕ ПРОИЗВОДЯТ.

Цена номера 3 руб.